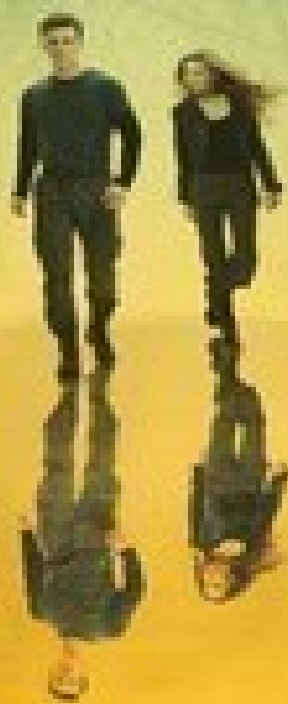

ЗАМЕРЗШИЙ

Эрин Боуман

Похищения были лишь началом. Грей Везерсби сбежал из закрытого города Клейсут в поисках ответов, однако то, что он обнаружил, потрясло его до глубины души. Безжалостный диктатор с абсолютной властью. Армия молодых солдат ослепленных ложью. И нарастающее восстание с желанием бороться за правду. Теперь Грей присоединяется к команде Повстанцев в суровом путешествии в поисках союзников, которые могли бы навести порядок. Но в мире, построенном на лжи, Грей должен постоянно разбираться в том кто его союзник, а кто враг и действительно ли все так, как кажется на первый взгляд...

Эрин Боуман

Замезший

Серия: Заложник — 2

*Перевод: dias, Kelas, 375447726279, regina_di, AquaMari,
Netain,*

spoison, fearlessnes, MURCISA, yuliya_liya, nasya29, mariya0812

Редактор: Светлана Дианова

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моему мужу:

который укажет мне дорогу, когда я потеряюсь и лес, когда мне надо заблудиться.

МЫ ШЛИ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ Никто не следовал за нами, кроме снега, ворон и мрачной тени сомнения. Дни становились короче, а вечера холоднее. Я думал, что буду способен справиться с холодом.

Я ошибался.

В Клейсуте зимы были суровыми, и хотя в наших домах было сыро и гуляли сквозняки, у нас все же было убежище. Даже если мне бы пришлось укутаться и отправиться охотиться на целый день, я всегда мог вернуться домой. Я мог разжечь огонь, надеть чистые носки и обхватить чашку горячего чая, как будто бы от этого зависела моя жизнь.

Сейчас же мы шли без остановки. Проникновенный холод. Ночи, проводимые в палатках. Костры под открытым небом. Одежда, кофты и бесконечное количество слоёв одежды, которых всё равно было не достаточно, что согреть наши тела.

Забавно, что на фоне этого Клейсут выглядит достаточно милым. Когда холодно и я замерзая, дую на руки, пытаюсь их согреть, я не могу не вспомнить об уюте в моём старом доме. Мне приходится напоминать себе, что Клейсут никогда не был домом. Дом — это там, где ты в безопасности, где спокойно и можно расслабиться.

Клейсут не был таким местом и никогда не будет. Проект «Лайкос» убедил меня в этом, с того самого дня, когда Франк запер там детей для своих нужд, сгоняя их как скот и выращивая из них идеальных солдат: Копий, человеческих машин, выполняющих все его приказы, совершенных клонов людей, которых он держал в заключении.

И теперь мы направляемся в одну таких тюрем, в забытую группу на Западной территории ЭмИста. Мы собираемся найти оставшихся в живых из Группы А, чтобы предложить им присоединиться к нашей борьбе с Франком. Узнать секреты, которые они хранили все эти годы в тайне. Райдер надеется, что Группа А станет достойной вторичной базой, и поможет нам расширить наше присутствие на противоположном конце страны.

Я гляжу на свои сухие и потрескавшиеся руки. Снова падает снег, нежно рассеивая утренний свет ажурными хлопьями. Я должен что-то сделать. Но что же я должен сделать?

Я вижу следы и вспоминаю. Клиппер.

В последнее время он иногда покидает нас. Мы останавливались на ночлег или просто глотнуть воды, и затем кто-то замечал, что он пропал. Я всегда брал на себя его поиски.

Я стою и поправляю перчатки, продолжая наблюдать за ним. Вот он поднимается на небольшое возвышение и стоит, прислонившись к берёзе.

— Нам нужно двигаться. Ты готов?

— Грей, — говорит он, поворачиваясь ко мне. — Я не слышал тебя.

Я изображаю улыбку.

— Ты никогда не слышишь.

— И то, правда.

В его голосе слышится безошибочная тяжесть. Он звучит старше. Выглядит он тоже старше. После смерти Харви, который был убит Франком, мальчик занял пост начальника технологий у Повстанцев. Вся эта ответственность состарила его.

— Я скучаю по ней, — произносит Клиппер, касаясь плетеного браслета. Я видел, как мать дала ему его, когда они прощались две недели назад. — И по Харви. — Он пинает ногой запорошенной снегом бульжник.

— Он был... Я не знаю, как выразить это. Я просто чувствую себя потерянным без него. — Харви был Клипперу как отец. Вот, что он имеет в виду. Я знаю это, как и все остальные из нашей команды. Это до боли, очевидно.

— По крайней мере, у тебя есть я, — предлагаю я. — Я именно тот, кто мчится за тобой каждый раз, когда ты уходишь. Это должно что-то значить, верно?

Он смеётся. Звук короткий и прерывистый. Он больше похож на фырканье, чем на что-то ещё.

— Давай. Все ждут.

Клиппер выпрямляется и кидает последний взгляд на бесконечный лес.

— Вы же знаете, что я никогда не брошу вас, парни, верно? Иногда мне просто нужно немного пространства.

— Я понимаю.

— Но ты всегда идешь за мной.

— Это заставляет моего отца чувствовать себя лучше. Мы потеряемся без тебя, и как наш командир, он будет спать лучше, зная, что ты не сбежишь.

Клиппер нахмуривается

— Я мог бы испугаться, но я не трус. — Он сжимает в руках навигатор и прижимает его к груди, когда мы направляемся к лагерю. В последнее время Клиппер проводил слишком много времени, глядя на эту штуку. Я начал думать, что он верит, будто Харви где-то здесь, ожидает его в заснеженном овраге, для чего Клипперу требуется только ввести правильные координаты в навигатор.

Хотя в последнее время мой отец и гонит нас изнурительным темпом, лагерь не кажется разбитым, когда попадает в поле зрения. Палатки такие же яркие, как трава, припорошенная снегом, от костра поднимается тонкая струйка дыма, уходящая ввысь сквозь ветки дерева. Ксавье и Сэмми собирают свою палатку с мёрзлой земли, но все остальные столпились вокруг Сентября, обычной девушки, которая в свои двадцать достаточно милая, что, правда, на первый взгляд не определишь. Она раздаёт крупу на завтрак. Это была наша еда с тех пор, как мы отправились в путь. Крупа на завтрак, какое-нибудь мясо, которое мы добудем в течение дня на ужин и небольшой отдых между ними.

Бри первая замечает нас с Клиппером. Она одаривает меня широкой и наглой улыбкой. Она ей идет, да можно сказать даже освежает, из-за того, что она всегда хмуриться. Она толкает локтем стоящую рядом с ней Эмму, в натянутой на волнистые волосы шерстяной шапочке. Даже издали я слышу энергичные слова Бри.

— Они вернулись. Я же говорила тебе не волноваться.

Эмма посмотрела на нас и робко подняла руку в знак приветствия. Я не поприветствовал в ответ. Я хотел бы простить ее, но не могу. Она так быстро нашла мне замену, когда нам пришлось расстаться в начале этого года — я бежал от Франка, а она застряла под его наблюдением в Таеме. Мы просто движемся вперед, как будто то, что у нас было, было бессмысленным, как если бы мы никогда не говорили о птицах и парах и не отстаивали то, что казалось правильным. Я знаю, что глупо держать обиду, но я никогда не умел прощать. Я никогда не был в состоянии закрыть глаза на ошибки или держать язык за зубами, или вообще быть сдержанным. Я не мой брат.

Клиппер побежал вперед, чтобы схватить стакан крупы у Сентября, а мой отец крикнул мне через весь лагерь:

— Что-то ты очень долго!

— Ветер замел его следы, — солгал я. Я не хотел признаваться в том, что, как и Клиппер, я, будучи в одиночестве, пережил мгновение слабости в лесу. Что я останавливался, обдумывая все происходящее: жестокость того с чем мы сталкиваемся, и о том, каким унылым было наше путешествие до сих пор.

Мой отец проглатывает ложку завтрака и прищуривается, глядя на Клиппера.

— Я не хочу, чтобы это повторилось, Клэйтон. — Вся команда замерла, когда услышала настоящее имя Клиппера. — Мы теряем время всякий раз, когда ты прогуливаешься. Грею приходится искать тебя. Мы все должны ждать. Мы не можем позволить себе такие задержки — не сейчас, когда мы можем провалить нашу операцию в любой момент.

Всего спустя три дня после того, как мы покинули Долину Расселин — штаб Повстанцев, Райдер сообщил нам по радиации, что один из наших соратников попал в руки врага. Мы сейчас вне зоны действия связи, и не имеем возможность узнать какую-либо информацию или получить новые приказы, если таковые имеются. Однако нам приходится достаточно часто оглядываться назад во время нашего похода. Страх — уродливая штука, преследующая нас.

— Пора тебе уже вести себя как солдат, — добавил отец, указывая подбородком на Клиппера. — Ты слышишь меня?

— О, полегче с ним, Оуэн, — сказал Ксавье, укладывая свою свернутую палатку на дно сумки. Это напомнило мне, как он учил меня охотиться в Клейсуге: он складывал свое снаряжение, чтобы было для меня сигналом следовать за ним в леса. — Он всего лишь ребенок.

Клиппер нахмурился, очевидно, не соглашаясь с тем, что мальчик тринадцати лет «всего лишь ребенок».

Сэмми прекращает возиться со своей сумкой.

— Да, он просто незрелый, никчёмный, безмозглый компьютерный гений, который может взять любое оборудование и заставить его выполнять приказы. И кстати: Клиппер, ты можешь изготовить машину времени, чтобы мы могли сразу добраться до Команды А? Мои пальцы скоро отвалятся, и я действительно мог бы извлечь выгоду из ускоренного графика.

В группе раздается легкий смех. Я познакомился с Сэмми за игрой в дартс в Долине Расселин, но только на этом задании я действительно узнал его. Он добродушен, бесконечно саркастичен, с острым чувством юмора. То, что надо, чтобы отвлечься.

— Все мы знаем, что тебе холодно, Сэмми, — серьезно сказал мой отец.

— Мне не просто холодно, я замерзаю, — ответил он, борясь с шапкой, съезжающей с его светлых волос. — И только подумайте, что этот ветер делает с моим лицом! Как я собираюсь закадрить какую-нибудь девчонку, когда у меня такие обветренные щеки? — Он хлопает по ним ладонями.

— Единственные девочки, которых ты будешь видеть в обозримом будущем, это трое из нашей группы. И они в тебе не заинтересованы.

Сэмми поднимает брови, как будто он воспринял слова Оуэна как вызов, а мой отец добавляет:

— Понятия не имею.

— Давайте выдвигаться, — сказал Бо. — Стояние на месте только вымораживает нас. — Он, как всегда подергивается, лихорадочно постукивая указательным пальцем по кружке с крупой, и я думаю, что он выглядит самым замерзшим из нас. Его немолодое тело становится все тоньше и бледнее с каждым днем. В свои шестьдесят с небольшим он

моложе, чем Франк, но все те годы, что он провел в заключении в тюрьме Таема, не пошли ему на пользу. Иногда я удивляюсь, как Бо делает все это без затруднений. Я ожидал, что он повернет обратно в Долину Расселин в течение первых нескольких дней нашего похода. Я вполне уверен, что Блейн ожидал бы того же.

Но, конечно, Блейна здесь нет, чтобы подтвердить или опровергнуть эту теорию, и иногда, его отсутствие причиняет боль хуже, чем холод. Я всегда чувствую себя немного потерянным без моего брата-близнеца. В следующий раз, когда я увижу его, ему лучше снова стать самим собой. Я скучаю по брату, который мог не отставать от меня, охотясь, и бежать не запыхавшись. Я даже скучаю по его неодобрительному, осуждающему взгляду, хотя я никогда не скажу ему об этом.

Сентябрь потушила угли и команда разбрелась, чтобы разобрать лагерь. Мы настолько к этому привыкли, что за считанные минуты наши сумки были упакованы, и мы выстроились в ряд.

Я говорил своим ногам двигаться, шаг за шагом. Бри присоединяется ко мне, предполагая, что ее обычное место рядом со мной.

— Думается уже поздно возвращаться назад? — Она произнесла это, будто шутя, но я увидел серьезность на её лице.

— Что? Почему ты так говоришь?

— Чем больше я думаю об этом, тем больше я беспокоюсь, что мы ничего не найдём. В смысле, мы подтвердим информацию Ордена, что Группа А прекратила свое существование несколько лет тому назад. Может мы увидели то, что хотели увидеть в комнате Франка.

— Нет. В тех разрушенных зданиях были люди. Мы оба это видели. Также Бо и Эмма. Мы же *все* не могли это придумать.

Она глубоко вздыхает.

— И это была самая продвинутая из тестовых групп, — добавляю я. — Даже если мы *никого* там не обнаружим, хотя такого не будет, мы должны посмотреть, можно ли что-нибудь спасти. Райдер думает...

— Что на основе этого можно создать хорошую вторичную базу. Я знаю. Он кричал об этом на каждом углу, прежде чем мы уехали. Есть только небольшая проблема в том, что нас некому поддержать.

— И вот почему с нами Клиппер. Он заставит работать свою магию.

Она толкает меня локтем.

— И когда ты стал таким позитивным?

— Когда решил, что одного Сэмми маловато.

Она усмехнулась, и хотя я знал, что Эмма позади нас, я положил руку на плечо Бри и притянул ее к себе.

Ближе к вечеру мы стояли перед городом, которого не должно было быть в долине, по крайней мере, если верить Клипперу. Он использовал свои карты и локатор, чтобы вести нас наиболее безлюдными путями. Иногда мы шли по заброшенной, разрушенной дороге или на большом расстоянии от города, который казался на горизонте детским игрушечным конструктором, так что это поселение стало первым на нашем пути.

Удивительно также то, что с тех пор, как мы несколько дней назад покинули Столичный регион и вошли в Отходы — гигантский участок в основном безлюдной земли, Клиппер заявил, что на пересечение этой местности уйдет две недели. По крайней мере, здесь было ровно. Горный перевал, который мы преодолели в первую неделю нашего

путешествия, был настолько трудным, что у меня до сих пор была боль в икрах.

Оуэн достал бинокль.

— Я не вижу ни огней, ни движения. Скорей всего, он заброшенный.

— Может быть, стоит его обойти? — предложил Бо. — Береженого Бог бережет.

Люди, живущие так далеко на западе, скорее всего, безвредные — обычные гражданские лица, пытающиеся построить свою жизнь вне досягаемости от Франка — но мы были очень осторожны и не хотели *никому* открывать наше присутствие, тем более после того, как Райдер сообщил о захваченном Повстанце.

Я был также удивлен, как и все, когда мой отец, убирая бинокль, произнес:

— Мы срежем. Город заброшенный, и нам всем было бы хорошо переночевать в четырех стенах.

Я подумал о том, как хорошо выспаться в комфорте, на этот раз *по-настоящему* в тепле, когда заметил ворон. Множество ворон кружилось над зданиями перед нами. Мне не понравилось, что они кружатся, и что их пронзительные крики эхом разносятся по долине.

Оуэн толчком открыл деревянные ворота, открывающие вход в город, и указал жестом нам с Бри войти первыми. Мы прошли под надписью «Город Стоунуолл» с оружием наготове. Тени ворон скользили по снегу, когда мы вышли на главную улицу.

Дома находились в шатком состоянии, но не из-за того что в них долго никто не жил. Признаки жизни были везде: вечнозеленый венок на двери, явно повешенный не так давно, учитывая то, какой он по-прежнему пышный. Тачка, лежащая на боку, как будто ее бросили второпях. Одежда, повешенная в теплый день, но сейчас такая замороженная и жесткая, что скрипит на веревке.

Что-то хрустнуло под моим ботинком. Я посмотрел вниз.

Пальцы, скрытые под тонким слоем снега.

Пальцы, которые присоединяются к кисти, к руке, к торсу. Я делаю шаг назад и замечаю еще. Останки человека свисают впереди. И внезапно, они везде. Насыпи, казавшиеся мне сугробами, на самом деле тела, гниющие и окоченевшие.

Бри своей винтовкой перевернула то, что было у моих ног. Две пустые глазницы усталились на меня. Когда она заговорила, то это было не громче шепота.

— Что здесь произошло?

ОТЕЦ ДЕЛАЕТ НЕСКОЛЬКО ЖЕСТОВ Вриказывая Ксавье и Сэмми двигаться по переулку, а Сентября и Бо по другому. Он кивает мне и Бри, что означает продолжать двигаться по главной улице и проверить ближайшее здание. Мы всегда понимаем его приказы, даже когда он ничего не говорит: *рассредоточиться* и *искать выживших*.

Где-то в городе звенит музыкальная подвеска, воспроизводя неровную мелодию, пока мы с Бри идем по улице. Дорога заканчивается перед белым высоким зданием, с крестом на вершине. Тяжелые деревянные двери здания распахнуты, а между ними стоит собака ржавого цвета, которая находится на грани голодной смерти, учитывая ее худое, жилистое тело. Собака скалит зубы, и низкий гортанный рык вырывается из ее пасти, а затем она забегает вовнутрь.

Внутри здание состоит из одного большого помещения, имеющего форму Т. Снег стелется по проходу в котором мы стоим, и который делит ряды скамеек пополам. На сиденьях находятся мертвые, их головы покоятся на плечах, руки сложены, как будто они заснули вечным сном. Несмотря даже на сильный мороз в воздухе слышится запах гнили.

— Грей? — Бри направляет винтовку в сторону возвышения в передней части помещения. Я улавливаю направление и вижу его.

Мальчика, прячущего свечи в рваный мешок. Он маленький и тощий. И грязнее, чем дикое животное. У него темная кожа и растрепанные волосы.

— Эй, — зову его я. — Ты в порядке?

Он подпрыгивает, поворачиваясь на мой голос. Когда его глаза находят нас, они задерживают на оружии Бри, и он медленно отступает, до тех пор, пока не прислоняется к стене. Его собака рычит, стоя перед ним.

— Что здесь произошло? — спрашиваю я.

— Болезнь, — отвечает мальчик, трясущимися губами. — Один заболел. Затем другой, потом ещё один. Они умерли.

Бри опускает ружьё.

— От чего? Что за болезнь?

— Не знаю. Мама говорила, что болезнь с востока, из города под куполом. Она говорила, что они принесли её, зная, что мы можем умереть.

Мы с Бри обмениваемся взволнованными взглядами. Не более чем два месяца назад, мы проникли в Таем, чтобы разыскать вакцину, которая защитила бы Повстанцев от вируса, разработанного в лаборатории Франка. Мы боялись, что он захватит одного из наших, и отправит его обратно инфицированным, постепенно устраняя всех Повстанцев.

— Кто принёс её сюда? — спрашивает Бри. — Эту болезнь?

Но мальчик просто сел на пол, обхватив руками шею собаки. Он был так напуган, что дрожал, или, может быть, он просто замерз.

Бри прошла по проходу, и остановилась в центре Т-образного помещения. Собака зарычала, и она решила не рисковать, не подниматься по лестнице.

— Давай, — сказала она, протягивая руки мальчику. — Мы можем согреть тебя. Помочь...

— Нет! — закричал он. — У них тоже было оружие. Я вам не доверяю!

Бри посмотрела на меня, но я был так же озадачен, как и она. Она повернулась к

мальчику и осторожно поднялась до половины лестницы.

— Уходите! — закричал он. — Вы похожи на них. Вы точно такие же, как они!

— Он продолжал кричать, как будто она атаковала его, что заставило собаку прыгнуть на Бри. Она отпрыгнула назад, едва избежав укуса.

— Смотри, мы предлагаем помочь тебе, — огрызнулась она, но это прозвучало так, словно она хочет сделать что-то противоположное.

— Разве ты не видишь, что пугаешь его?

Голос заставляет нас троих вздрогнуть. Мы оборачиваемся и видим Эмму, стоящую у входа в здание.

— Я не *пытаюсь* его напугать, — говорит Бри сквозь зубы.

— Но ты это делаешь. — Эмма проходит мимо меня по проходу и замедляет движение только тогда, когда оказывается около лестницы. Собака рычит теперь более решительно, имея перед собой двух потенциальных обидчиков своего хозяина. — Может быть, только один из нас должен сделать это, — произносит Эмма.

Бри закатывает глаза.

— Прекрасно. — Она идет ко мне и бормочет. — За этим будет весело понаблюдать.

Я ничего не говорю, потому что уже знаю, что Эмма успешнее успокоит мальчика. Голос Эммы звучит как свежий снегопад, в то время как голос Бри похож на скрипучую дверь. И Эмма движется, как будто в открытом поле, осторожно и мягко. Я не уверен, что она способна напугать кого-либо, даже если бы ей это захотелось

Мы с Бри наблюдаем, как Эмма поднимается по лестнице и садится на расстоянии вытянутой руки от мальчика, казалось бы, не замечая, что собака еще сильнее оскалила зубы. Она бросает мальчику шерстяную шапку.

— Возьми это, — говорит она. — Давай. Ты, наверное, замёрз.

Он двигается так быстро, что я это едва улавливаю движение. Рука двигается и хватает шапку. Он борется с непослушными волосами.

— Я Эмма. А как тебя зовут?

Мальчик моргает, хлопая глазами.

— Эйден, — наконец-то произносит он.

— Сколько тебе лет, Эйден?

— А сколько тебе лет?

Эмма засмеялась, и губы мальчика так же ненадолго растянулись в улыбку.

— Мне восемнадцать. В прошлом месяце был день рождения.

Мальчик считает на пальцах.

— Мне восемнадцать минус десять.

Эмма отпускает комплемент, какой он умный и Бри скрещивает руки.

— Удача, — говорит она мне. — Я смогла бы разговорить его, если бы у меня было больше времени.

— Уверен, ты смогла бы. — Бри бросает на меня взгляд, и поскольку я не чувствую толчка в плечо, продолжаю. — Знаешь, а я не смог бы лучше. Эмма хорошо находит контакт с людьми.

— А мы нет?

Бри прищуривается и смотрит так, словно хочет ударить кого-то.

— Нет. Определенно нет.

Эмма впереди предлагает руку Эйдену.

— Мы собираемся развести огонь и приготовить ужин. Хочешь поесть с нами? Согреться? — Он кивает и медленно берет её руку. Как только Эйден решается её довериться, его собака, кажется, тоже начинает ей доверять. Не полностью, потому что она не перестает рычать, но она идет за ними по проходу и ее зубы уже не видны.

Эйден замирает в нескольких шагах от нас.

— Мне никто не нравится с оружием, — говорит он.

Бри фыркает.

— Видите? Я была обречена с самого начала.

Эмма опускается на колени рядом с мальчиком и берет обе его руки в свои.

— Эйден, я не знаю, что с тобой произошло. И тебе не надо рассказывать мне, если ты не хочешь, но просто знай, что не каждый с оружием плохой. Некоторые люди позволяют силе оружия вскружить им голову и совершают страшные вещи. Мы не такие.

Эйден кивает, глядя вверх на нас с Бри.

— А что на ужин?

— Какое-то мясо, — отвечаю я, и мой желудок урчит при этой мысли.

— С картошкой? — спрашивает он. — И со свежим хлебом?

— Размечтался, парень.

Мы нашли остальную часть команды в здании, которое выглядело как столярная мастерская. Тут был сводчатый потолок и целый ряд станков вдоль стены, которые были покрыты опилками и заготовками. Разделочные ножи и рубанки терпеливо ждали, как будто плотник просто вышел на свежий воздух.

Кто-то очистил центр комнаты, за исключением нескольких стульев и скамеек, и Сентябрь начала разводить огонь на каменном полу. Она нашла большую кастрюлю в одном из заброшенных домов, и, судя по запаху, также несколько банок куриного бульона. Бульон кипел, пока курица на вертеле шипела над огнем.

— Где ты нашла курицу? — спросил я.

— Некоторые были еще живыми в курятнике на западной стороне города, — сказал Ксавье, раздувая огонь. Его взгляд упал на Эйдена. — Где ты нашел парня?

— Я не думал, что здесь есть выжившие, — сказал мой отец, глядя на карту, которую он изучал вместе с Бо и Клиппером.

— Их и нет, — ответил Эйден. — Только я и Расти. — Собака в восторге выбежала вперед.

— Я сказала Эйдену, что он может присоединиться к нам за ужином, — объяснила Эмма.

Мой отец нахмурился, но сказал:

— Конечно.

Немного позже, мы сгрудились около костра, чувствуя тепло в первый раз за долгое время, и поедали куриный суп, такой вкусный, что никто не беспокоил разговорами.

— Они пришли утром три недели назад, — внезапно произнес Эйден. — Я вырезал линии на моем кроватном столбике, чтобы считать дни.

Мой отец замирает, ложка останавливается на полпути ко рту.

— Кто пришел?

— Мужчины. В черной униформе. Они сказали, что им нужна наша вода. Я был наверху в своей спальне, когда они пришли. Мама сказала оставаться там.

Эйден посмотрел на дверь, как будто там могли появиться темные силуэты мужчин.

— Колодец находится рядом с нашим домом, — наконец произнес он. — Я иногда высовывался из окна своей спальни и стрелял по нему камушками из рогатки. Софи, она была моей кузиной, тоже так делала.

Была. Мальчик уже настроился говорить так о людях, которые всего три недели назад были живы.

— Мужчины пошли прямо к нашему колодцу и начали выкачивать воду, — продолжал Эйден. — Господин Беннетт, который работал в кузнице, подбежал и попытался остановить их. Он говорил очень много плохих слов. Человек в черном сказал что-то о стране, нуждающейся в нашей воде, и когда господин Беннетт не прекратил кричать, человек вынул свое оружие, а затем господин Беннетт был уже мертв.

В комнате стало так тихо, что потрескивание огня звучало так же громко, как выстрелы. Эйден снова начал дрожать, и Эмма посадила его к себе на колени.

— Они осушили колодец и уехали. На следующий день люди начали заболеть. Мама начала кашлять и заперла меня в моей комнате с нашим последним кувшином воды, запасом хлеба и сыра. Я думал, что сделал что-то плохое, потому что она закрыла носовым платком рот и не смотрела на меня. Она велела мне держать окно закрытым, и взяла с меня обещание не открывать его.

— И я не открыл. Даже когда я увидел их, идущих по городу, плачущих и кашляющих. Их кожа была ободрана. Их глаза стали желтыми. Некоторые из них забрались на своих лошадей и уехали. Большинство пошли в церковь и молились там. Я наблюдал за ними из своего окна, но я держал его закрытым, как и велела мне мама. Я не касался окна до тех пор, пока не настала тишина, и когда это случилось, я распахнул его и вылез.

— Все кто остались, были мертвы. Мама была в постели. Я хотел похоронить ее, потому что знаю, что я должен был это сделать, но я не был достаточно сильным, чтобы перетащить ее. Я мог управиться только с маленькими, с младенцами. И с Софи. Я похоронил Софи тоже.

Он продолжал рассказывать, о том, как он жил за счет консервированных фруктов и куриных яиц. Как он плавил снег для питья и собирал одежду и одеяла из других домов, чтобы согреться. Как он возвращался в свой дом только один раз в день, чтобы поставить засечку на столбике его кровати, но никогда не задерживается из-за запаха гниения. Я не понимаю, как кто-то настолько юный мог пройти через это в одиночку.

— Мы с Расти остались в доме мистера Беннетта, потому что он был пустым, — объяснял Эйден. — Не смотря на то, что я выбегал за едой, становилось все сложнее находить куриц и лошадей — большинство из них стали больны или умирали. Вы собираетесь оставить меня здесь? Утром?

— Конечно, нет, — отвечает Эмма, но все остальные хранят молчание. Выражение лица Бри наполнено болью и я знаю, что она думает о том же, что и я: восьмилетний мальчик замедлит наше продвижение.

Оуэн проводит рукой по волосам и смотрит на огонь.

— У нас строгий график.

— Вы не серьезно.

— Это не то, чего бы мне хотелось, Эмма, но мы проходим в среднем по двадцать миль в день. Он отстанет от нас, без вариантов.

— Так мы просто оставим его здесь? — теперь она почти кричала. — Вы не можете!

Мы можем посадить его на лошадь, если вы беспокоитесь о темпе.

— Мой отец молчит, отводя глаза. Эмма поворачивается ко мне. — Скажи ему, Грей. Пожалуйста. Если кто-то и может переубедить его, то только ты.

Она выглядит еще более отчаявшейся, чем когда я узнал о ней и Кроу, когда она извинялась передо мной снова и снова. Интересно, если поддержать её сейчас, станет ли разговор проще. Они будут настаивать на том, что лучше, даже если мы будем пытаться из всех сил.

Но отец был прав. У нас есть только две недели, чтобы добраться до Бон Харбора, маленького городка, который расположен возле океана, протянувшегося на север через полстраны. Там нас ждет лодка, чтобы переправиться к Группе А, одновременно скрывая нас от глаз Ордена. Без лодки нам пришлось бы пройти рядом с городом под куполом. *Хейвен* — я вспомнил, как Клиппер называл его. В любом случае, Эйден значительно нас задержит.

Я смотрю на мальчика в свете огня, и он выглядит полным надежды, его глаза столь же широки, как и у Эммы. Я не хочу подводить никого из них.

— Если мы оставим его здесь, то это все равно, что дать ему умереть от голода, — говорю я своему отцу.

Он вздыхает, потирая лоб.

— Ты прав. Вы оба правы. — Он смотрит на Эйдена долгое время. Снова выдыхает и произносит: — Ты можешь поехать, но только пока мы не найдем более безопасное место, где ты сможешь остаться жить.

— О-о, благодарю вас, — восклицает Эйден. — Спасибо вам! Могу ли я взять с собой Расти?

— Почему бы и нет? Хорошо будет иметь собаку рядом. Они умные создания, хорошо разбираются в характерах людей и превосходные охранники.

Сэмми хмурится.

— Сэр, я польщен, что вы такого высокого обо мне мнения, но мне немного обидно, что вы ошибочно приняли меня за собаку.

Вся группа покатывается со смеху.

— Давайте спать, — командует Оуэн. — Все. Сейчас же. Завтрак на рассвете и потом выдвигаемся.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ Я ВТОРОЙ СТОЮ НА ЧАСАХ это означает, что у меня фактически получается целая ночь непрерывного сна. Мы меняем очередность и в худшем случае, я не буду отдыхать на следующий день.

Снаружи холодно и порывистый ветер. Здание столярной мастерской у меня за спиной скрывает меня от ветра, а Расти рядом со мной, составляет мне компанию. Он хороший сторожевой пес, как и ожидал мой отец. Дважды он услышал что-то прежде меня, его уши поднимались, и оба раза это было не чем иным, как енотом, пришедшим полакомится мертвецами.

Я наблюдал, как проходят минуты на наручных часах, о которых Клиппер говорил, что они на «солнечных батарейках». Он привязывал их к рюкзаку, позволяя солнцу напитать их, благодаря этому он мог каждый вечер назвать точное время. Когда мое время закончилось, я иду обратно, где все крепко спят, тесно лежа возле импровизированного костра. Я нахожу Бо, который всегда заступает на вахту после меня, и бужу его. Он ворчит, тянется за своей курткой и выходит.

Я подползаю к костру и разворачиваю свой спальный мешок. Бри с одной стороны от меня, отец — с другой.

Несмотря на то, что я оказался в тепле в первый раз, как мне кажется, за века, я не могу уснуть. В темноте столярной мастерской все мои сомнения кажутся преувеличенными. Группа А кажется все еще далеко, и Блейн еще дальше с каждым днем нашего продвижения.

Бри ворочается, подкатываясь ко мне в поисках дополнительного тепла. Я могу почувствовать её пульс даже через спальные мешки между нами. Я улыбаюсь, закрываю глаза и неожиданно легко засыпаю.

Звук лая Расти выталкивает меня из сна. Мой отец пробирается к двери, Сэмми и Ксавье следуют за ним. Мгновение спустя снаружи раздается крик, и я понимаю, что что-то случилось.

Я хватаю свое снаряжение, но никак не могу найти один ботинок и, в конце концов, оказываюсь последним, выбежавшим на улицу. Вероятно еще час до рассвета, все еще темно и трудно что-либо разглядеть. Я немного могу разобрать в прыгающих лучах фонариков: Расти лает, как бешенный, Эйден, пытается удержать его, мой отец, в окружении остальных участников группы, кричит, и стоят двое незнакомцев, один из которых приставил пистолет к голове другого.

Заложник — молодой и худой, на его лице отражается больше злости, чем страха. Другой мужчина — Блейн.

Я мгновенно останавливаюсь.

— Как ты... Кто это... — У меня миллион вопросов и все они прерываются потому, что я больше не могу произнести что-либо.

— Привет, Грей, — говорит Блейн, улыбаясь мне.

Сэмми направляет винтовку в сторону заложника.

— Что, *черт возьми*, тут происходит? Кому-то лучше начать говорить или я пушу пули в вас обоих.

Расти свирепо лает.

— Единственный человек, которого тебе бы хотелось бы застрелить это эта крыса, —

говорит Блейн, прижимая пистолет вплотную к голове незнакомца.

— Никто не будет стрелять, — орет мой отец. — Блейн, опусти свое оружие.

Мой брат стискивает зубы.

— Не могу, Па.

— Почему?

Расти рычит и пытается вырваться.

— Потому что этот подонок атакует в ту же секунду, как только я это сделаю.

— Неправда, — говорит незнакомец, — Я не буду...

Блейн ударяет его по затылку оружием.

— Ты лживый кусок дерьма!

Не думаю, чтобы я видел когда-нибудь Блейна таким злым и взбешенным. Это заставляет меня бояться незнакомца, которого он держит намного крепче, чем кого-либо в своей жизни.

Расти продолжает лаять.

— Кто-нибудь может заткнуть собаку? — огрызается мой отец.

Эмма хватается Эйдена и помогает ему увести Расти обратно в столярную мастерскую. Уходя, она боязливо косится через плечо. Мой отец, прищурившись, смотрит на Блейна и на незнакомца долгим взглядом, а потом достает винтовку, так быстро, что я не успеваю за движениями.

Блейн хватается за незнакомца и ставит его перед собой, как щит.

— Что ты делаешь?

— Что и любой командир будет делать, когда двое мужчин приходят в его лагерь без объяснения: я защищаю своих людей. Ты должен понимать, как все это очень странно выглядит.

Моего брата по-прежнему прикрывает плечо заложника.

— Я покинул штаб спустя всего три дня после вас, — объясняет он, — примерно в то же время, когда в плен Ордену попал один из наших. Райдер хотел послать за вами Элию, на случай, если Орден вытащил из нашего человека детали задания, и послал за вами своих людей. В принципе, Райдер хотел отправить шпиона Повстанцев, чтобы выследить шпиона Ордена.

— Я продолжал говорить Райдеру, что это не правильно, что я достаточно здоров, и я должен быть с командой, с тобой и Греем. С моей семьей. Райдер послал меня на заключительный тест на выносливость, который я прошел, и согласился позволить мне пойти в место Элии. Мне пришлось пройти больше двадцати пяти миль в день, чтобы догнать вас ребята.

— Что означает... — Глаза Оуэна расширились, когда он посмотрел на незнакомца перед Блейном.

— Райдер был прав. Франк получил некоторые детали миссии от нашего человека, поэтому этот парень — Блейн встряхнул заложника — из Ордена. Сегодня после около часа пути я поймал его снаружи Стоунуолла, заряжающего свой пистолет. — Блейн бросает этот пистолет Ксавье.

— Он единственный шпион? — спрашивает мой отец.

— Думаю, да. По крайней мере, он — единственный человек, которого я встретил между штабом и этим местом.

— Твое имя? — спрашивает мой отец заключенного, чья кожа бледнеет, в первых лучах

рассвета. Он выглядит примерно моего возраста и, возможно, так же безрассуден, потому что вместо ответа на вопрос отца, он плюет на его ботинки.

Блейн сильнее встряхивает его.

— Джексон, — пробормотал шпион Ордена. — Меня зовут Джексон.

Мой отец поднимает свое оружие.

— Ну, Джексон. Твои последние слова?

— Вы не можете убить меня.

— Это интересное предположение. Возможно, нам следует проверить это.

— О, я умру, — говорит он, хитро улыбаясь, — но об этом узнает Франк. Как только он перестанет получать от меня данные, он пошлет кого-нибудь, чтобы заменить меня. Вам лучше держать меня у себя, чтобы он думал, что я по-прежнему вас преследую.

Я нахмуриваюсь, потому что он прав. Франк внедрил датчики слежения во всех своих солдат, членов Ордена и Похищенных парней. Один был неосознанно введен под мою собственную кожу прошлым летом. Клиппер удалил его, оправдывая свое прозвище, спустя всего лишь несколько мгновений после того, как я его встретил. После того, как удалили устройство, Франк поверил, что я мертв. По крайней мере, до тех пор, пока я не бросился обратно, в Таем с Харви и Бри, на поиски вакцины.

— Я думаю, мы воспользуемся шансом. Твоя смерть даст нам фору.

— Оуэн положил палец на спусковой крючок, и лицо Джексона охватила паника.

— Ладно, стойте-стойте-стойте, — пробормотал он. — Давайте обсудим это через минуту. Я не знаю, в чем заключается ваша миссия, Орден не смог это вытащить из парня, которого мы захватили. Все, что мы знаем, что вы направляетесь на запад, так что я был послан, чтобы перехватить вас, выяснить детали вашей миссии, и в процессе этого разузнать расположение вашего штаба. Но давайте просто забудем все это на секунду, а вместо этого подумаем, как это может быть полезно — иметь при себе члена Ордена. Верно? А? — Он оглядывается в поисках одобрения. — Вы даже можете удалить мой датчик, если вы готовы дать шанс тому, кто будет послан за вами, но не убивайте меня. Ладно? *Пожалуйста*, только не убивайте.

Вся команда смотрит друг на друга, пораженная полной готовностью Джексона сдаться.

— Это признак слабости, — сказал Оуэн с оружием наготове, — так быстро предать своих.

— Только если вы верите, что ваша жизнь стоит меньше, чем успех миссии, — ответил шпион. — А я нет. Я ставлю свою собственную жизнь выше знания Франка, почему горстка Повстанцев отправилась в поход. Некоторые сказали бы, что самосохранение — полная противоположность слабости. — Он улыбнулся. Широко.

— Выруби его, — сказал Оуэн Блейну.

Блейн на этот раз сильнее ударил Джексона своим оружием, обрушив пленника на землю. Ксавье подбежал, чтобы связать его руки и ноги, но мой отец все еще держал свое оружие нацеленным на Блейна, и его палец был опасно близко к спусковому крючку.

— А теперь убери свое оружие в кобуру, — сказал он.

Блейн убрал, но даже теперь Оуэн не снимал его с прицела.

— Мне нужны доказательства, — сказал он, тыча стволом в направлении Блейна. — Они мне нужны или я нажму на курок.

Мой брат выглядел ошеломленным.

— Что еще я могу сказать тебе? Он подтвердил, что он из Ордена.

— Да, а теперь мне нужны доказательства, что *ты* тоже не с ними.

Я знаю, чем это вызвано, но это не может быть правдой. Я готов это сказать. Это Блейн

— испуганный, встревоженный, разъяренный на шпиона, который хотел напасть на нас — но это он.

— Па, — говорю я, делая шаг к нему. — Это Блейн. Точно. Он упомянул, о тесте физической подготовки, и Райдера, и...

— Повстанцы обманывались Клонами и раньше. Сейчас опасное время и мы должны быть очень осторожными. — Он посмотрел на Блейна, прищурившись. — У твоего брата есть несколько шрамов. Назови их.

Блейна разбирает смешок.

— Несколько? У него их больше, чем несколько.

— Если ты действительно мой сын, ты знаешь Грея лучше, чем кто-либо еще в этом мире и этот вопрос не будет для тебя проблемой.

Блейн смотрит на меня. Его голубые глаза, единственная особенность, которая отличает нас, кажутся бесцветными в плохом освещении, так что он может сойти за мое отражение. Я ободряюще ему киваю, и он начинает перечислять шрамы. Зарубка на моем плече от промаха стрелой — его ошибка, когда мы были детьми. Линия на моей ладони от плохого владения ножом — моя вина, когда стругал. Отметина на груди от падения на неровную ветку, швы, что остались на моем подбородке от драки с Челси, линия вдоль шеи, оставшаяся после того, как Клиппер вытащил маячок.

— И на предплечье, — говорит Блейн. — Ожоги из-за пожара на городской площади Таема, которые действительно плохо зажили.

Я касаюсь руки, вспоминая свою поездку осенью в Таем. Бри стреляла в меня резиновой пулей, так чтобы мне не пришлось казнить Харви по приказу Франка, и я стоял парализованный на горячей платформе, пока Бо не затащил меня к безопасное место. Мой отец, должно быть, ждал, пока Блейн скажет об этом шраме, ждал подробного рассказа о травме, которая зажила в безопасности в Долине Расселин, вдали от глаз Ордена — потому что, он, наконец, опускает винтовку.

Оуэн отдергивает воротник куртки Блейна, открывая небольшой, тонкий шрам. Работа Клиппера, сделанная в тот же день, когда он вытащил мой следящий жучок. Потом Оуэн обхватывает руками лицо Блейна.

— Мне жаль, что я должен был допросить тебя таким образом.

Блейн подмигивает.

— Каким?

Оуэн заключает его в быстрые объятия и затем поворачивается, чтобы обратиться к остальным.

— Шпион прав. Иметь кого-то, кто прикроет нас, если мы наткнемся на Орден — это преимущество, от которого мы не можем отказаться. И его жизнь является разменной монетой для нас. Вскоре, как только мы снимем с него датчик, Франк обязательно пошлет кого-то другого на его место, поэтому давайте быстро поедим и отправимся в путь.

Группа разошлась на завтрак, а я остался наедине с Блейном, все еще не веря своим глазам.

— Ты в самом деле здесь, — сказал я.

Он улыбается мне.

— Я должен заботиться о тебе, не так ли? Ты долго без меня не протянешь.

Почти тоже самое он сказал, когда очнулся от комы. В шутку он делает это снова и снова, потому что хотя мы оба по одиночке совершенно самодостаточны, мы оба знаем, что нам лучше вместе.

— В этом весь ты, — сказал я, тняя его в свои объятия. Его руки крепкие, а объятия слабые. Когда я отстраняюсь, он выглядит опустошенным.

— Все в порядке?

— Да, просто устал. И простыл. Моя грудь горит последние несколько дней. Может быть, Райдер был прав. Может быть, я не был готов к этому.

— Это не так.

Он пихает меня, и я поскальзываюсь на припорошенном снеге, смеясь.

— Прекрати сейчас же, — говорит он. — Я должен быть старшим братом.

— Ты старше меня на несколько минут, Блейн. Смирись с этим.

— Никогда.

Он улыбается, и от этого у него появляется огонек в глазах. Они мгновенно выглядят так, как я их помню — блестящими и синими, как летнее небо.

— Итак, кто-то что-то говорил о еде?

— Есть только крупа.

Но его лицо стало выглядеть так, как будто я сказал что-то про бекон и яйца.

ХОТЬ И НЕ БЫЛО БЕКОНА завтрак в конечном итоге включал в себя некоторые излишества. Сентябрь решила, раз мы покидаем город и Эйден идет с нами, то нет никакого смысла запасам курятника тратиться впустую. Надо признать, что крупа намного вкуснее, если смешана с яйцом.

Эмма хотела похоронить покойных, или по крайней мере сделать костер, но отец сказал, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы собрать все останки, не говоря уже о том, что гигантский столб дыма может раскрыть нас. Так что Сэмми взял маленькую черную книгу из здания, где мы нашли Эйдена, и мы встали вокруг колодца, в то время как он читал об успокоении усопших душ. Странно было слышать голос Сэмми таким серьезным, способным вызвать раскаяние и сострадание, когда до сих пор он вызывал только смех.

Как только Сэмми закрыл книгу, Блейн сопровождал Джексона из столярной мастерской. Он уже был в сознании, но по-прежнему был связан и с кляпом во рту. Блейн бросил его на землю, и Клиппер вытащил обрезной инструмент из своей сумки. Весь процесс занял всего несколько секунд, но Джексон кричал и корчился намного дольше.

Наблюдая из-за колодца, Эмма съежилась. Как и все мы, она знала, что такое боль. В целях предосторожности, она подверглась проверке, когда я привез ее из Таема в Долину Расселин после получения вакцины. Я был удивлен, когда Клиппер нашел в ней датчик, но парень указал на то, что Эмма никогда не служила солдатом в Ордене Франка, а *работала* в его госпиталях, а Франк никогда не относился к своей безопасности легкомысленно.

Когда церемония закончилась, мы собрали свои сумки и подготовились к дальнейшему походу. Ксавье вывел двух самых здоровых лошадей из конюшни. Эйден собирался поехать на вороном коне по имени Мерлин, в то время как вторая лошадь, белая кобыла по имени Сноу, была загружена сеном и зерном для них обеих.

Внезапно, из столярной мастерской появился Сэмми с Расти на поводке. Пес игриво подпрыгивал — по крайней мере, пока не увидел Джексона, после чего поджал уши и начал рычать.

— Ну и собака, — проворчал Сэмми, пытаясь его удержать. — Я думал, парень говорил, что он хороший.

— Так и есть, — говорю я, глядя на Джексона и собаку. — Ему не нравится шпион. Как будто он может почувствовать, что тот что-то замышляет.

— У меня есть имя, — прохрипел Джексон сквозь носовой платок во рту.

— Тебя зовут Джексон, — сказал Эйден со спины Мерлина. — Я слышал, как все говорили о тебе, во время завтрака.

Джексона вздрогнул, уставившись на маленького мальчика.

— Да. Это так.

— Не важно, — произнес Сэмми. — Пес ненавидит его, и я собираюсь держать его на поводке и на расстоянии, потому что даже глухой услышит наше приближение. Расти вырывается, пытаясь укусить, и Блейн с Джексоном отходят в сторону, чтобы обезопасить свои ноги.

— Замечательно, — сказал Блейн. — Я стою слишком близко к этому подонку, и теперь пес и мне не доверяет.

— Джексон, — говорит шпион через кляп.

— Верно, — сказал Блейн. — Извини, — сказал он без тени сожаления.

Мы снова отправляемся в путь нашей растущей командой. Я оглядываюсь лишь однажды. Вороны снова слетаются, стремясь вернуться к своему пиру.

В полдень мы делаем паузу, чтобы дать несколько минут Оуэну, Бо и Клипперу обсудить наш маршрут. Согласно навигатору Клиппера, впереди есть небольшой город, и после фиаско со Стоунуоллом, мой отец отчаянно пытается его избежать.

Прямо со спины своей лошади, Эйден начинает играть в игру со шпионом Ордена, которую он называет «Камень, Ножницы, Бумага». Но, поскольку у Джексона во рту кляп, и руки связаны за спиной, то ему приходится выкрикивать свой выбор, тогда как Эйдену для этого всего лишь надо выставить руку. Шпион выглядит довольно жалко в этом деле.

Эйден считает, тряся кулаком в такт числам.

— Раз... два... три!

— Бумага, — говорит Джексон и в тот же момент Эйден показывает «Ножницы». Он довольный направляет их на Джексона.

— Еще раз. Раз... Два... Три!

— Камень!

Кулак Эйдена сразу же стал плоским.

— Ты жульничаешь, — бормочет Джексон сквозь кляп.

— Не-а.

Шпион хмурится.

— Тогда ты читаешь мои мысли.

Они начинают последний раунд, и Джексон снова проигрывает, прежде чем Эмма снимает мальчика со спины Мерлина.

— Давай не будем слишком доверять пленнику, Эйден, — говорит она.

— Но он играет со мной. Никто больше этого не делает.

Сэмми пробирается сквозь снег, влекомый Расти, который снова и снова лает на Джексона.

— Я поиграл бы, если бы не это обезумевшее животное. Я думаю, что он вывихнет мне предплечье.

Эмма смеется над этим, и Эйден освобождает Сэмми от собаки — прикосновение мальчика, кажется, единственным, что может успокоить животное. Расти сворачивается в ногах Эйдена, не сводя глаз со шпиона.

Сэмми соединяет свои пальцы и потягивается.

— Кто бы мог подумать, что я проведу так свой двадцать первый день рождения: холодный, замерзший, и таскающийся по лесу за безумной собакой.

— Сегодня твой День Рождения? — спрашиваю я.

— Сегодня одиннадцатое, так ведь?

Я пытаюсь отсчитать назад до того дня, когда мы уехали. Дата кажется правильной, но я не уверен.

— Клиппер! — кричит Сэмми через весь лагерь. — Гений, какое сегодня число?

Мальчик не оборачивается, чтобы посмотреть на нас — он слишком сосредоточен на разговоре с моим отцом и Бо — но он держит руки над головой, с поднятыми вверх пальцами.

— Одиннадцатое, — говорит Сэмми. — Да, сегодня мне двадцать один.

— Еще один декабрьский день рождения, — вмешивается Бри. — У меня двадцать третьего.

Я потрясен, обнаружив, что до сих пор, я не знал когда день рождения Бри. Как такая основная деталь никогда не упоминалась?

— Мы должны что-то сделать, — сказала Эмма. — Ну, вы понимаете — отпраздновать.

— Найдите паб, и я с вами, — сказала Бри невозмутимым тоном.

Сэмми фыркнул.

— И я тоже, Нокс, я тоже. — Он кивает головой в сторону Эммы. — Есть запасной план, Линк? Ты не знаешь где достать напитки в поле зрения?

У Сэмми есть привычка называть людей по фамилии, но по определенным причинам меня беспокоит, когда он так обращается к Эмме. У Эммы и Бри резко звучащие фамилии, но только Бри она подходит.

— Да, вообще-то есть. — Эмма берет небольшой мешок зерна со спины Сноу и ставит его на пень упавшего дерева, примерно в двадцати шагах от них. — Состязание по стрельбе из лука, — говорит она, указывая на цель. — Сейчас.

Глаза Сэмми оживляются.

— О, ты хочешь принять в этом участие. Кто еще хочет?

Я поднимаю руку. Ксавье и Сентябрь присоединяются к нам.

— Эй, Блейн? Ты в игре? — спрашиваю я.

Он указывает пальцем на Джексона.

— Нужно держать эту крысу, чтобы он не сбежал.

— Я буду присматривать за ним, — говорит Бри.

— Ты пропустишь состязание по стрельбе из лука? — спрашиваю я удивленно.

Она пожимает плечами.

— Лук и стрелы не предпочтительный выбор оружия для меня.

— Так ты говоришь, что можешь стрелять только из этой штуки, — сказала Эмма, глядя на винтовку в руках Бри.

— Это вызов?

— Может быть.

Со стороны Сентября и Ксавье раздается серия *охов*, а Сэмми начинает свистеть.

— Хорошо, — огрызается Бри. — Я сыграю.

Только мы с Ксавье выбрали лук, когда покидали Долину Расселин, так что наше оружие передают по кругу и состязание начинается. В игре участвует шесть человек и мы договорились, что после каждого раунда будет выбывать по два человека. Первый раунд — выстрел на расстоянии с двадцати шагов. К моему удивлению Сентябрь, которая смертельно опасна в применении огнестрельного оружия, даже близко не попала в цель. Все остальные попали метко, включая Эмму. Я горжусь тем, что тренировал ее несколько месяцев назад в Клейсуте и я делаю ей комплимент по поводу того, что она в хорошей форме. Стрела, которую выпустил Сэмми, попала дальше остальных от центра мешка, поэтому он присоединяется к выбывшей Сентябрю.

Я произвел идеальный выстрел в следующем раунде. Ксавье поскользнулся на снегу, и его стрела пролетела мимо, а вот выстрелы Эммы и Бри пришлись близко к моей стреле. Стрела Бри немного выше моей, а стрела Эммы немного ниже.

— Неплохо, — снова говорю я Эмме. Бри фыркает в мою сторону, но если она ожидала похвалы за то, что *не попала* в яблочко, она сумасшедшая.

— Эйден хочет помочь судить! — Сэмми усаживает мальчика на плечи и подбегает к нам. После того, как мы все собрались около мишени, Сэмми указывает на две стрелы. — Ладно, Эйден. Какая из них находится ближе к центру?

У Эйдена было очень сконцентрированное выражение лица и наконец, он указывает на стрелу, которая находилась ниже моей.

Бри вскидывает руки.

— Конечно, он выбрал Эмму. Он ненавидит меня!

— Мы не говорили ему, что эта стрела была ее, — обратил внимание Сэмми.

— Тьфу, мне все равно. Я бы сделала всех вас, если бы это было состязание в метании копья. Вы же знаете, мы в большинстве своем не использовали стрелы в Солтвотере. Копья намного эффективнее для ловли рыбы.

— Но это состязания *не* по метанию копья, — сказал я, подталкивая ее немного своим локтем.

Она сердито посмотрела на меня и с яростью ушла прочь. Я должен был подумать прежде, чем шутить так с ней во время соревнования.

— Ты не хочешь увидеть, кто одержит победу? — спросил я ее вслед.

— Мне это совершенно безразлично.

— Дурное настроение, да? — сказал Ксавье. — Должно быть «эти дни» месяца.

Сэмми ухмыльнулся.

— Да, следующие несколько дней очевидно должны стать радужными.

Сентябрь и Эмма со злостью посмотрели на них.

— Что? — невинно спросил Сэмми. — Парень не может сказать то, что думает в свой день рождения? — Ксавье согнулся от смеха. Даже я не смог сдержать улыбку.

— Какие такие дни этого месяца сейчас? — спросил Эйден, сидя на плечах Сэмми.

— Забудь об этом, Эйден, — сказала Эмма. — Просто мальчишки дурачатся.

— Но я тоже мальчик. Я хочу знать.

— Как насчет того, чтобы закончить игру? Ты можешь дать оценку последнему выстрелу?

— Ладно, — соглашается он.

Но когда мы возвращаемся к месту стрельбы, Расти пытается добраться до Джексона, и Блейн каким-то образом застревает между ними. Он выставляет свою сумку как щит, защищаясь от челюстей собаки. Шпион Ордена стоит в безопасности позади него, смеясь сквозь кляп. Эйден отзывает Расти, и Блейн бросает свою сумку в снег.

— Этому тупому псу нужно кое-что понять, — зарычал он. — Да, этот заключенный из Ордена. Да, он не хороший. Но он собирается пробыть с нами некоторое время, и я не собираюсь терять конечности только потому, что собака испытывает желание напасть *на меня*, пока добираться *до него*!

— Блейн, с тобой все в порядке? — спрашивает Эмма. Она тянется к нему, но он отмахивается. — Ты тут не один, чтобы выходить из себя по таким пустякам.

— Он убил бы меня только, чтобы добраться до шпиона, Эмма. Я клянусь, — говорит он. — Это не пустяк.

— Итак! — вскрикнул мой отец. — Клиппер немного напутал. Нам надо срезать несколько миль на юг.

— Но соревнование, — говорит Сэмми. — Эмма и Грей должны были сыграть финальный раунд.

Мой отец смотрит на нас.

— Не в обиду, Эмма, но... Грей победит, и нам надо держать темп. Это не обсуждается.

Мы снова отправились в путь, но напряжение все еще было сильным. Клиппер беспокоился о соседнем городе, мой отец — о нашем темпе. Сэмми был угрюмым, а Блейн подозрительным. Он продолжал впиваться взглядом в Расти и держать шпиона перед ним как защиту. А дурной нрав Бри исходил от нее такими плотными волнами, что мог напрочь сбить человека с ног.

Когда я спросил ее, все ли с ней в порядке, она закатила глаза и пошла быстрее.

Так или иначе, я чувствую себя виноватым, хотя я не контролирую все выпущенные стрелы, кроме своих.

ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ УЖИНА, мы разбились на маленькие группы вокруг костра. Мой отец с Клиппером углубились в разговор, вероятно, обсуждая наш путь продвижения. Снова. Ксавье усердно сушил свои носки — он прикрепил их к концу разветвленной палки, таким образом, чтобы можно было подвесить их над огнем, как мясо для жарки. Эйден вместе со шпионом вернулся к своей игре «Камень, Ножницы, Бумага».

Кто-то вытащил у Джексона кляп и перевязал его руки, чтобы он мог поесть, и теперь он играл с мальчиком руками. Он был больше похож на старшего брата, когда играл с Эйденом, чем на жаждущего крови шпиона-Ордена-на-задании, кем он являлся на самом деле. Блейн настороженно слонялся рядом. Расте же, хоть и не лаял, но не переставал рычать в направлении Джексона. Если бы я был шпионом, то не рискнул бы делать резкие движения рядом с этой собакой.

Я сидел со всеми остальными, слушая рассказ Сэмми о его детстве в Таеме. Бри, которая не сказала мне ни слова после соревнования по стрельбе, проявила особенный интерес к его истории. Главным образом, как я думаю, из-за того, чтобы иметь оправдание не встречаться со мной взглядом. У Эммы, с другой стороны, казался нулевой интерес к истории Сэмми. Она постоянно крутилась, чтобы проверить Эйдена, и каждый раз ее плечо ударялось об мое.

— С ним все хорошо, — прошептал ей я. Блейн смотрел на мальчика так же, как он смотрел в Клейсуге на свою дочь, Кейл. Как будто он желает показать ему мир и обучить его всему, что знает, и защитить его ценой собственной жизни, если это потребуется. Я не понимаю, как Блейн может заботиться так о человеке, которого он лишь недавно узнал. Еще одно доказательство, что он намного лучше меня.

— Я просто беспокоюсь о нем, — говорит Эмма, как будто я этого еще не знал. Она не сводила глаз с Эйдена с тех пор, как он присоединился к нам, и он тоже от нее далеко не отходил. Тот факт, что он сидит с Джексоном — дальше, чем на расстоянии вытянутой руки от Эммы — это уже само по себе маленькое чудо.

— Ну, ты зря тратишь свою энергию. Он с Блейном. С ним он в большей безопасности, чем когда-либо.

Эмма взглянула на меня так, как будто хотела сказать: *«Знаешь, я все равно не могу перестать волноваться»*.

— ...Мне было всего шесть лет, когда он умер, — рассказывал Сэмми, и мы оба вернулись к разговору, происходящему рядом с нами.

— Кто умер? — спросила Эмма.

— Мой прадед. Он пережил Вторую гражданскую войну и видел, как Франк пришел к власти почти пятьдесят лет назад. Человек, который мог рассказать много историй.

— Например? — спрашиваю я.

— Они не для разговоров у костра.

— А это и не типичный походный костер в лесу, — указала Бри.

— Верно, Нокс, — сказал Сэмми. — Верно. — Он подбрасывает в огонь снег, и на мгновение прислушивается к его шипению.

— Обычно он рассказывал о том какой ужас царил в годы между Континентальным Землетрясением и Второй Гражданской Войной. Его любимым словом для описания всего

этого было слово «хаос».

— Ну, оно подходит, — согласилась Сентябрь. — Мы изучали это в средней школе. За десятилетие до землетрясения, ученые предсказывали массивные сдвиги в плитах Земли. Плюс, изменился климат. Стало теплее и засушливее. Стало меньше дождей и больше засух, а уровень океана рос как сумасшедший. Множество крупных городов были под угрозой затопления. Вот тогда и появился Роберт Таем.

— Таем, как город? — спросила Бри.

— Люди забыли, что город был назван в его честь, — сказал Бо. Он начал постукивать себя по колену, его пальцы двигались без остановки, а Сентябрь одобрительно кивнула.

— Таем был инженером, который создал проект купола почти не поддающегося разрушению, защищающий от жаркого солнца с повышенным качеством воздуха. Правительство заключило с ним контракт на постройку купола, и столица оказалась под ним и дальше от поднимающегося океана. Ву а ля! Город Таем.

— Мой прадед шутил, что Роберт Таем знал, что произойдет, но не дождался, — сказал Сэмми. — Реально. Таем умер молодым, задолго до войны.

— Я даже не думаю, что он видел возникновение других купольных городов, — добавила Сентябрь. — Но они строились по его оригинальному проекту.

— Мне кажется, мы говорили о годах между землетрясением и войной, — сделала замечание Бри.

— Я к этому и веду, Нокс. — Сэмми сделал небольшой глоток из своего бурдюка прежде, чем продолжить. — У моего прадеда было достаточно денег, чтобы поехать в Таем со своей невестой. Было дорого приобрести путевку под купол, но ему повезло, особенно со сроками. Через два месяца после его отъезда начались подземные толчки, непрекращающиеся в течение трех дней. Большая часть побережья оказалась затоплена океаном. Пучина держала свой путь в центр страны. Реки и источники были затоплены соленой водой. Дороги и города были разрушены — включая несколько купольных. Если земля уходит из-под места, то город не сможет выстоять, какой бы нерушимой не была его внешняя оболочка.

— Естественно люди запаниковали. Мой прадед рассказывал, что мир за пределами все еще стоящих куполов стал похож на зону боевых действий. Все обворовывали брошенные магазины, крали у соседей. Правоохранительные органы в то время были очень слабыми. Больницы были перегружены. А потом, когда наводнение не прекратилось, правительство начало возводить баррикады и взяло под контроль источники пресной воды. Чистая вода направлялась в столицу, а затем и в прилегающие районы.

— И это облагалось сумасшедшими налогами, — добавил Бо. — Я слышал, о чем говорили между собой люди во время моего пребывания в Таеме. Чем лучше было снабжение водой, тем дороже это стоило.

— Не таким образом это должно было работать во время стихийных бедствий, — сказал Сэмми. — Запад был в ярости, творилось немыслимое, даже были угрозы об отделении. Столица игнорировала их, и тогда, согласно рассказам моего прадеда, они напали.

— Вирус? — предположила Бри. Я знаю, о чем она говорит: вирус ЭмВест использовался для инициирования войны с ЭмИстом — очень похожий на тот вирус, который лаборанты Франка превратили в угрозу, с которой мы столкнулись осенью.

— Западное движение распространило его в Большой Воде, — сказала Сентябрь. — Они пытались взять под контроль некоторые источники воды на этой территории, но эта

чертова дрянь мутировала, распространилась и приобрела новые формы. И даже убила большое количество своих же солдат с Запада. Купольные города заблокировали подачу этой воды, но вокруг них люди дошли как мухи.

— Вот так и началась Вторая Гражданская Война, — довольно небрежно сказал Бо, что заставило меня задуматься о том, сколько раз он слышал эти рассказы в Таеме, чтобы стать настолько безразличным к этой истории. — Восток ответил контратакой. Миллионы жизней были потеряны из-за бомб и болезней. Дело в том, что страна разделилась на две части, но двух отдельных государств не возникло: ЭмВест отделился, а во главе ЭМИста оказался отец Франка, Доминик Франк.

— И твой прадед находился в Таеме на протяжении всего противостояния? — спросил я у Сэмми.

— Да, и он говорил, что Доминик был неплохим правителем. И только, когда Франк взял все на себя, все и развалилось. Франк не доверял людям, и поэтому он разрушал все, в чем видел риск для ЭМИста. Книги, музыку, искусство — все, что может вызывать дискуссии или конфронтации, было объявлено вне закона.

— Это же бессмысленно, — сказала Бри. — Делиться мнениями о чем-то с кем-то — это здорово. А почему Франк не сфокусировал свое внимание на ЭмВесте? Они были егс явными врагами, не его народом.

— Знаешь, Нокс, — сказал Сэмми. — Как мне кажется, там действительно случился какой-то хаос.

— Должна быть причина. Мотив. *Что-то*.

Сентябрь наклонилась вперед так, что тень пламени танцевала на ее лице.

— Через несколько лет после войны, когда Франк был в колледже Таема, его отца, мать и младшего брата убили. Они снабжали водой общины на Западных территориях ЭМИста — недалеко от того места, где сейчас находится Группа А. Солдаты ЭмВеста взяли штурмом площадь, расстреляли семью Франка и каждого члена Ордена, попавшего в их поле зрения. Потом они забрали воду. Народ ЭМИста не сделал ничего, чтобы остановить их, и это был тот момент, который сломил Фрэнка. Я могу себе представить, как это было.

— Это не то, о чем рассказывал мне мой прадед, — сказал Сэмми. — Его двоюродный брат находился там в этот день, и он рассказывал, что ЭмВест искали только Орден, а семья Франка попала под перекрестный огонь. Когда перестали свистеть пули, ЭмВест выступил с речью о том, что Франконианский Орден не был решением для восстановления страны. Тогда это было совершенно новое разделение, — произнес он, увидев недоумение на моем лице, — направленное на установление мира между двумя странами.

— Вне зависимости от их целей, ЭмВест никогда не любил Орден, — сказал Бо. — Они всегда считали, что люди должны восстанавливать страну вместе, а не делать это под принуждением, под дулом пистолетов организованных людей одетых в черное. Это то, чем можно было бы гордиться, как мне кажется.

Сентябрь усмехнулась:

— Что ж, они не преподают в школе версию прадеда Сэмми.

— Конечно, нет! — сказал Сэмми. — Франк хотел, чтобы все мы верили в версию, по которой ЭмВест безжалостно убивает его семью. Это выставляет его борцом за справедливость.

— То есть, ты хочешь сказать, что ЭмВест поступили не подло? — возразила Сентябрь. — После того, как из-за вируса началась война? Противостояние продолжается по

сей день! Я имею ввиду, что они просто атакуют Таем летом!

Сэмми почесал затылок, но ничего не ответил.

— Я думаю, дело в том, что Франк занял место своего отца с большим намерением отомстить, а не устанавливать справедливость, — сказал Бо.

— Но народ ЭМИста очень страдает под руководством Франка, — заметила Эмма. — Люди ведь не виноваты в гибели его родителей.

— Я знаю это. Ты знаешь это, — сказал Бо. — Но если бы ты была на месте Франка думаешь, тот день тебя бы не сломил?

Месяц назад, когда я впервые побывал в Таеме, я увидел изображение его семьи на офисном здании Франка. На нем его мама улыбалась, ее руки покоились на плечах младшего брата, а у отца был серьезный, строгий взгляд. Фото семьи Франка расположено там, чтобы быть ему напоминанием, всегда мотивировать его. Интересно, а что если Франк никогда не обращал внимания на то, что его целью является месть, завоевание территории не может долгое время вызывать восхищение.

— Так он и начал свой Проект «Лайкос», — сказал я. — Он стал растить своих солдат, парней, которых он мог воспроизводить заново для дальнейшей войны против ЭмВеста с целью установления своего порядка.

— И девушек, — заметила Бри. — Парней *и* девушек.

Сэмми кивнул.

— Ага. Это одна из многочисленных деталей человека-головоломки вышедшего из-под контроля. Но, конечно, никто его не остановит. Он по-прежнему собирается разнести ЭмВест и он ежедневно борется за это. И хотя он ограничил жизнь людей в ЭМИсте, он сумел сохранить то, чего добился его отец: давать воду каждому нуждающемуся. Порционно и высоко облагаемо налогом, но все же. Плюс Орден предан ему, как и большинство жителей городов. Они знают, что жизнь вне куполов намного хуже.

— Точно, как в Стоунуолле, — сказал я. — Где он забирает их воду и в процессе этого все начинают болеть.

— Я ни разу не сказал, что это правильно, — произнес Сэмми.

— Никто из нас не говорил, — добавил Бо. — Но я могу понять, его мотивы в какой-то странной, извращенной манере.

Я ненавижу признавать это, но я тоже могу его понять. Я посмотрел на Блейна, который улыбался, глядя, как Эйден играет с Джексоном в очередной раунд их игры. Я потерял мать из-за болезни. Я помню, как чувствовал себя, когда потерял Блейна в связи с Похищением. Если бы их всех в один момент забрали у меня, убили, я бы провел остаток жизни, пытаюсь отомстить.

Эйден повернулся, чтобы сыграть «Камень, Ножницы, Бумага» с Блейном. Мальчик показал ножницы, мой брат — камень. Блейн потянулся, чтобы стукнуть кулаком «ножницы» Эйдена, но он то ли двинулся слишком быстро, то ли слишком резко, потому что Расти набросился на него. Блейна отбросило на спину в снег. И только когда он начал кричать, борясь с собакой, вцепившейся в его плечо, я вскочил.

Я пересек лагерь. Эйден пытался отогнать животное, но тот явно не собирался отпускать. Я бросился к собаке, схватил его за пасть своими руками и потянул. У меня почти сразу полилась кровь, но я еще сильнее пытался сжать свою руку, чтобы ослабить хватку животного. Его лапы царапали меня, его зубы сжимались еще сильнее. И тут я почувствовал, как кто-то другой пытается разомкнуть челюсть животного. Джексон. Его руки были все еще

связаны, но он помогал мне разомкнуть пасть Расти. Хватка пса ослабла, и Блейн попятился назад, чертыхаясь и прижимая руку к груди.

— Этот пес сумасшедший! — проорал он.

Эйден положил руку на Расти и шептал что-то успокаивающее.

— Он подумал, что ты нападаешь на меня, вот и все.

Блейн бормотал проклятия, пока я опускался перед ним на колени. Его предплечье представляло собой кашу из крови и разорванной одежды. Я позвал Эмму, но она итак была уже рядом. Клиппер нависал и направлял свет фонарика на нас.

Эмма отрезала куски от разорванного рукава Блейна. Она работала быстро, обрабатывая раны, смывая кровь и забинтовывая. Она забрала фонарик у Клиппера, чтоб получше осмотреть остальную часть его руки на наличие порезов и царапин, которые собака могла нанести своими лапами. А затем направила свет на лицо Блейна, на его глаза.

— Блейн? — спросила она, поднося руку к его лбу. — Ты в порядке?

Он захлопал глазами.

— Сильно слепишь.

Она обеспокоено посмотрела на него.

— Он будет в порядке. — Потом она повернулась ко мне и Джексону, осматривая наши руки и светя в глаза нам. Она выглядела смущенной, когда осматривала шпиона. Покачивая головой, Эмма упаковала медицинские принадлежности и ушла, чтобы привести в их в порядок после использования.

Команда обсуждала, что же делать с собакой, которая находилась в объятьях Эйдена, но я смотрел на Джексона. Он стоял у края лагеря и разглядывал деревья, словно думал о побеге. Кляп, который ослабила Эмма, обращаясь к нему, теперь висел у него на шее.

— Ты помог, — сказал я.

— А почему я не должен был? — Когда он посмотрел на меня, его глаза светились. Надеждой. Я сделал шаг назад.

— Мы все равно будем держать тебя связанным и с кляпом во рту. Это ничего не изменит.

Он пожал плечами.

— Стоило попытаться.

ШЕСТАЯ

ПОЗЖЕ, КОГДА ШУМ УТИХи ребята расположись возле костра, я подошел к Блейну. Мы сидели плечом к плечу, глядя сквозь ветви деревьев, которые, казалось, царапали небо. Ярко светила почти полная луна, и на фоне нее звезды выглядели такими крохотными.

— Я привык это делать в Клейсуге, — сказал ему я.

— Быть покусанным собакой?

Я рассмеялся.

— Смотреть на небо. Когда ты слишком громко храпел, я сбегал на сельскохозяйственные поля.

— Я делал тоже самое, — сказал он.

— Серьезно? Я не знал этого.

— То, что ты храпишь или то, что я тоже сбегал?

— И то и другое.

Блейн посмотрел на мои руки.

— У тебя будет еще один шрам, который можно будет добавить в список?

— Нет. Это должно хорошо зажить. Что насчет тебя?

Он коснулся забинтованной руки и поморщился.

— Не уверен. Но собаки опасны. Мы должны оставить его.

— Па уже высказался по этому поводу. Расти остается. Он проницателен, он сможет предупредить нас, если шпион будет что-то замышлять.

— И он может сжевать чью-то конечность в процессе этого.

Падающая звезда пересекла небо, и мы одновременно указали на нее, движение вызывало у Блейна боль, из-за которой он скривился.

— Если Па считает, что мы должны держать его, значит, мы будем держать, — сказал я.

Блейн повернулся ко мне и даже, несмотря на тень, которая падала на его лицо, я отчетливо увидел как ему больно.

— Ты будешь на стороне Па? — спросил он. — Против меня?

— Если собака нападет еще раз, я буду на твоей стороне. Ты на первом месте для меня.

Всегда.

Он повернулся к звездам, улыбаясь.

— Всегда.

* * *

Я проснулся из-за того, что Ксавье ударил ногой по моему спальному мешку.

— Твоя очередь.

У меня было такое ощущение, что я только успел закрыть глаза.

— Но за тобой всегда следует Сэмми.

— Оуэн дал ему выходной. Привилегии именинника.

Я ворчу и натягиваю несколько слоев одежды, тянусь к углу палатки за своей шапкой.

Бри шевелится рядом со мной. Как и большинство ночей до этого, она пришла ко мне в палатку несколько часов назад, но только в этот визит она была нетипично мила. Я думаю, она пытается наладить со мной отношения со времен соревнования по стрельбе.

Я знаю, что мы оба не должны терять бдительность по вечерам, но спать рядом с ней — это единственное маленькое утешение, которое существует в этой миссии. Это растворяет мои страхи, заглушает постоянное беспокойство, заставляет меня быть таким храбрым, каким я никогда до этого не был. Наши отношения не причиняют боль, и мне нравится, когда мои губы накрывают ее — нравится, ее присутствие рядом со мной.

— Твоя очередь? — пробормотала она.

— Да. Я скоро вернусь. Никуда не уходи.

Но, даже вылезая из палатки, я знаю, что она уйдет. Она никогда не остается со мной на всю ночь. Она украдкой возвращается в свою палатку до моего возвращения с дежурства. Точно так же, как она ушла в свою комнату в одну из тех ночей в Долине Расселин, оставив меня просыпаться в одиночестве, оставив след на моей подушке как единственное напоминание о себе.

Я направляюсь к костру, где Ксавье оставил часы, подвешенные на палке. Пятьдесят восемь минут до тех пор, пока я не смогу разбудить Бо и передать ему пост. Проходит еще три минуты и мои веки тяжелеют. Проходит еще две и приходится бороться, чтобы держать их открытыми.

Я услышал тихий хруст снега. Бри скорее всего тайком прокралась в свою палатку, как я и предполагал. Но нет, звук доносится с противоположной стороны лагеря. Недалеко от палатки Блейна. Он поставил палатку немного поодаль, потому что ему было поручено следить за Джексоном и если бы он расположился немного ближе к Расти, то собака всю ночь бы шумела.

Мгновение спустя я услышал шепот. Беспокоясь, что шпион доставляет моему брату беспокойство, я пошел на голоса. Полная луна позволила пересечь лагерь достаточно легко, и я нашел Блейна стоящим за своей палаткой. Естественно, он спорил с Джексоном.

— Собака — это беда, — напряженно шептал Блейн.

— Я не буду убивать пса, — отвечал шпион.

Блейн протянул ему нож.

— Это всего лишь собака. Сделай это.

— Но Эйден... Это ранит его.

— Он будет думать, что это сделал волк. Или койот.

— Если ты хочешь это сделать, то делай это сам.

Блейн должно быть очень напуган, раз просит Джексона убить собаку среди ночи. Почему Блейн не пришел *ко мне*, если так обеспокоен? Я же пообещал ему быть на его стороне.

— Блейн? — окликаю я его. Увидев меня, он хватается Джексона за руку, притягивая ближе к себе. — Что происходит?

— Ничего. — Но его голос звучит неуверенно. — Шпион захотел отлить, вот мне и пришлось его сопровождать.

Почему он лжет мне?

— Я знаю, что происходит здесь на самом деле, — сказал я, переводя взгляд с него на Джексона. — Почему ты просто не можешь мне сказать, Блейн?

Он рассмеялся.

— Сказать тебе? Я не могу сказать тебе!

В чем страх признаться, что ты боишься собак? Я молчу, думая, что я возможно не прав, и в этот момент он добавляет:

— И ты не сможешь никому рассказать. Я не позволю.

Слышатся шаги и, обернувшись, я вижу сонную Эмму, подходящую к нам.

— Ребята, вы разбудите весь лагерь, если не прекратите, — говорит она.

То, что происходило дальше, было настолько быстрым, что я не успел даже моргнуть. Блейн оттолкнул Джексона и схватил Эмму. Он, обхватив ее, поднес нож к ее горлу. Все, что я мог сделать, это инстинктивно достать свой лук и направить стрелу на своего брата.

— Ты все понял, ты, хитрый хорек, — прорычал он в мою сторону. — Как ты узнал? Когда ты узнал?

— Блейн, — произношу я медленно. — Я не понимаю о чем ты говоришь.

— Все ты понимаешь, — прошипел он. — Ты сам это сказал: *«Я знаю, что происходит здесь на самом деле»*. На что ты намекал?

— Блейн, — умоляю я. — Положи нож. — Он сошел с ума. Пес, должно быть, болен и когда он укусил Блейна, то заразил и его. Эмма дрожа, хватается за перебинтованное предплечье Блейна, которое прижимает ее к его груди

— Я так и зна-знала, — стала заикаться она. — Они не правильные. Оба.

— О чем ты говоришь?

— Их зрачки. Они не расширяются должным образом.

— Заткнись, — сказал Блейн и прижал нож к ее горлу.

— И собака.

Блейн встряхнул ее.

— Достаточно.

— Собака ненавидит их обоих. Никто из них не нормальный.

— Я сказал — достаточно!

«Никто из них не нормальный». Они оба больны? Они...

И тут я понимаю. Блейн всегда обращал внимание на то, что агрессия собаки — это ненависть к шпиону. Блейн обнимал меня в Стоунуолле, его руки были жесткими. Я не заметил ничего странного в его зрачках или в Джексона, но Эмма могла, когда ухаживала за их ранами. Я не хочу в это верить. Этого не может быть. Оуэн ведь допрашивал Блейна, проверил его шрам на шее.

— Блейн, — сказал я в надежде, что что-то внутри него отзовется на мой голос. — Пожалуйста?

Я сделал маленький шаг вперед, а он прижал лезвие к шее Эммы. Кровь текла по ножу по ее белоснежной коже и когда она закричала от боли, я понял, что это был не мой брат. На самом деле. Блейн никогда бы не поставил меня в такое положение. Он никогда бы не стал держать нож у шеи Эммы и проливать хоть каплю ее крови.

Нас обманули. Мы имеем дело не с одним шпионом, а с двумя.

И они Копии.

И я делаю единственное, о чем могу подумать: выпускаю стрелу.

Она поражает наповал. Голова Блейна откидывается назад, он падает, отпуская Эмму. Она оказывается рядом со мной и падает мне на грудь. Мои руки обхватывают ее, обнимая все крепче и крепче, пока она не оседает в них. Что же я только что сделал.

Джексон стоит на темнеющем снегу, его губы немного вздернуты улыбкой. Я

отталкиваю его в сторону и издаю вопль, кричу, падая на колени.

Лагерь проснулся. Кто-то пытается раздуть огонь. Оуэн кричит, чтобы все соблюдали порядок. Но мои руки, двигаясь сами по себе, проверяют шею Блейна в поисках того шрама, который оставил мой отец. Это бессмысленно. Я поднимаю нож и разрезаю штанину Блейна. На его бедре нет шрама, никаких следов от попадания стрелы, когда они абсолютно точно должны быть там. Мой брат был ранен летом, когда мы бежали через Большой лес. Тот, кто сейчас стал мертвецом, лежащим на снегу, был создан без знания об этом ранении. И тот, кто оставил шрам на его шее, не был Клиппером.

Я бью его кулаком в грудь, проклиная его, рыдания начинают душить меня. Почему я не заметил этого. Как я мог не увидеть, что-то неладное в моем родном брате? Я мельком смотрю на лицо Блейна, на стрелу в его голове. Я рыдаю в снегу, задыхаюсь, кашляю, кричу, пока Оуэн не оттаскивает меня от тела.

ДЖЕКСОНА ПИХНУЛИ В СНЕГ перед костром.

— Рассказывай, — приказывает мой отец, но Джексона, похоже, начхать на это.

Я теряю контроль над собой и ударяю его изо всех сил.

— Блейн привел тебя к нам, держа пистолет у твоей головы! И ты все еще на их стороне?

Джексон улыбнулся, но ничего не сказал. Я ударил его еще раз и разбил свой кулак. По крайней мере, у него тоже пошла кровь из носа. Я надеялся, что сломал его.

— Ответь нам, Копия, — потребовал Оуэн.

Джексон закатил глаза, показывая насколько ему скучно.

— Блейн привел меня таким образом, потому что таков был наш план. Он сделал вид, что я враг, и это тоже было в нашем плане. Все что мы делали — было спланировано, ну кроме... этого. — Он кивнул в сторону тела, лежащего на снегу.

— Но ведь у Блейна был шрам, — сказал мой отец. — Он был безупречен, когда я задавал ему вопросы. Он знал даже об ожоге на предплечье Грея. Как он мог... — Оуэн резко выдохнул. — Наш человек. Он был схвачен Орденом. — Он пристально посмотрел на Джексона. — Ваши люди выбили из него информацию. Насколько много вы знаете?

Джексон пожал плечами и на этот раз не выдерживает уже Оуэн и бьет его. Он трясет рукой, сжимая и разжимая кулак.

— Ты будешь отвечать на мои вопросы без ударов или будь уверен, ты будешь жалеть о каждом моменте проведенном здесь. Это понятно?

Джексон выплевывает кровь на снег.

— Давай попробуем еще раз. — Мой отец встал, склонившись над ним, и я поражен, насколько страшно он выглядит в данный момент. Раньше я не видел эту сторону моего отца, как человека, которого кто-то может бояться. — Расскажи все.

Джексон бросает взгляд на кулак моего отца и вздыхает.

— Ты прав, ладно? Повстанец, которого мы поймали, выдал информацию, когда на него соответственно надавили. Он был готов потерять несколько пальцев, но не всю конечность, — лукавая улыбка осветила его лицо, как будто Копия считал эту деталь забавной. — Он сказал нам, что небольшая группа ваших людей направляется на запад со специальной миссией. Парень, который проник в Таем, чтобы украсть вакцину, будет частью команды, когда как его близнец... — Джексон резко бросает взгляд в мою сторону, — который до сих пор восстанавливается после комы, будет отсутствовать. Мы собрали как можно больше информации о Грее, насколько это было возможно: узнали, что у него была травма руки, что он хотел, чтобы его брат отравился с ним в путешествие, но Блейн провалил тренировочные тесты. Пленный был готов скорее умереть, чем разгласить цели вашей миссии или расположение вашего штаба, так что, это именно то, что он и сделал: он умер.

— И вас отправили за нами? — спросил отец.

— Мы с Блейном как раз патрулировали в Большом Лесу, когда получили задание. Нам дали указание следовать за вашей командой, раскрыть ваши планы и в случае необходимости помешать. Также мы должны были попытаться выяснить расположение вашей штаб-квартиры. Это и была основная цель: получить координаты и передать их как можно скорее.

— Взять ваш след было очень легко. Этот поход длился около... десяти дней почти безостановочного преследования. Когда мы догнали вас у Стоунуолла, самым умным решением показалось проникнуть в вашу группу, главным образом потому, что Блейна признали бы. Поэтому мы договорились о маскировке: я стал шпионом, которого он поймал. Каждый играл свою роль, пока он совсем бездарно не запорол свою.

— А шрам Блейна? — напирал мой отец. — Тот, что у него на шее?

— О, он получил его с тех пор, как Грей вернулся в Таем за вакциной. Франк увидел шею Грея и понял, что Повстанцы нашли способ удалять устройства слежения. Он отметил такими же шрамами некоторых из нас после этого — тех кто, как он подозревал, попадет в ваши руки. — Джексон поочередно метал взгляды в каждого из нас, словно ожидая, что мы поздравим его с тем, как он обвел нас вокруг пальца. Он внезапно стал так отличаться от того отчаянного шпиона, которого мы встретили в Стоунуолле. Хладнокровный, расчетливый, равнодушный.

— Если я достаточно хорошо соображаю, то я все еще могу завершить свою миссию, — добавил он.

— В аду сможешь, — обронил Ксавье с другой стороны лагеря.

Джексон засмеялся.

— А почему бы и нет? Я, просто слушая, уже раскрыл детали вашей миссии. Это же смешно! Группа А? Франк оказал вам слишком много чести, предполагая, что вы попытаетесь расширить область влияния на запад, чтобы вам присягнули на верность. Но прекрасно, я буду продолжать плестись за вами в этом бессмысленном крестовом походе. И когда мне представится случай, я буду убивать вас. По одному. Медленно. Пока кто-то не раскроет месторасположение вашей штаб-квартиры.

— Ты понимаешь, что ты был одним из нас, верно? — говорю я сквозь зубы. — Реальный Джексон провел свое детство за Стеной. Он был Похищен, чтобы создать *тебя*. Ты — марионетка Франка, и ты делаешь то, что реальный Джексон даже не собирался бы.

— Твои слова не имеют значения, — проговорил он тихо. — Мой разум не может быть изменен. Я знаю, что я должен делать.

Я верю ему, хотя и не хочу. Харви много рассказывал мне об этом. Разница между Копией, которая сама может думать и Копией, слепо исполняющей приказы Франка — часть кода программного обеспечения, который органично интегрирован с точной копией мозга, как и с кровью, бегущей в его жилах.

— Я могу изменить твой мозг, — сказал я.

— Мне хочется посмотреть, как ты попытаешься.

Я могу выпустить стрелу еще до того, как Джексон закончит говорить.

— Ты не будешь стрелять. Не с тем, что я знаю.

— И что же ты знаешь? — отозвался отец.

— Я солдат. Технически усовершенствованный солдат, который набит секретами. Вы хоть представляете, сколько конфиденциальной информации крутится в моей голове? Планы городов. Компьютерные пароли. Коды доступа к сейфам и складским помещениям и, *возможно*, даже к Внешним Кольцам.

Никто ничего не сказал. Джексон ухмыльнулся еще шире.

— Что вы намереваетесь делать, когда доберетесь до Группы А? Перелезть через Внешнее Кольцо? — спрашивает он. — Оно выше, чем внутренняя стена и окружает весь район. Я вам нужен, в противном случае вы просто будете стоять там и смотреть на стену

зайдя в тупик.

По другую сторону костра Бо встает между Сэмми и Эммой.

— Возможно, ты нам подскажешь, — крикнул он. — Коды доступа к сейфам и складам, и может быть, даже к Внешнему Кольцу.

Джексон фыркнул.

— Я точно сейчас вам не скажу, как открыть дверь. Это мой единственный козырь.

— Тогда, может быть, ты лжешь, и мы должны просто покончить с этим, — говорю я, поднимая лук.

— Застрелите меня прямо сейчас, и вы уже будете обречены на смерть. Но если вы оставите меня в живых, то у вас будет два варианта: я открываю вам Внешнее кольцо, и у вас действительно появляется шанс завершить эту тупую миссию. Или, если я врал вам все это время, вы упретесь в тупик скорее поздно, чем рано, и тогда пристрелите меня, а не сейчас. Выбирайте.

Бо неловко дернулся. Эмма дрожала у него за спиной — то ли до сих пор находясь в шоке, то ли, возможно, просто от холода. Сэмми накиннул свою куртку на ее плечи. А Джексон улыбался. Такой высокомерной, нахальной улыбкой, которую хочется стереть с его лица.

— Копия останется живым, — заключил отец. — Мы считаем, что Клиппер сможет доставить нас во Внешнее Кольцо, но если же случится так, что у него не получится, то это очень хороший запасной план и было бы глупо упускать такую возможность. Если Копия врет о том, что он что-то знает, то все будет так, как он сказал: он умрет потом, а не сейчас.

Оуэн повернулся к Эмме и попросил ее показать команде, как она распознала, что с глазами Джексона и Блейна что-то не то. Сэмми в это время перевязывал ей шею, но она согласилась все объяснить, когда он закончит.

— Я до сих пор не могу поверить в это, — произнесла Бри рядом со мной. — Блейн. Даже после того, как мы допросили его. Это... — она замолкает, трогая меня за руку. — Эй, ты в порядке?

Сэмми зачесывает волосы Эммы на сторону, чтобы он мог лучше рассмотреть порез на шее. Он, должно быть, сказал что-то смешное, потому что она издает короткий смешок. Бри следует за моим взглядом и хмурится.

— Грей?

Ксавье зовет Сэмми, чтобы он помог ему перенести тело Блейна подальше от лагеря, и я чувствую тошноту снова и снова.

— Дай мне минуту, — говорю я Бри.

Я сейчас хочу побыть один. *Нуждаюсь* побыть в одиночестве. Она понимает, что мне надо это пережить.

Я брожу вдали от палатки между деревьями. Когда я нахожу упавшую сосну, я сажусь на ствол, съезживаясь от наступающей головной боли. Когда я закрываю глаза, я вижу это снова и снова: голова Блейна откидывается назад от встречи с моей стрелой, его тело падает в снег, он лежит, убитый, придавив своим телом свою же руку.

Немного позже мой отец находит меня.

— Как ты держишься?

Я хочу рассказать ему, как плохо я себя чувствую, но он кажется таким формальным в данный момент. Больше командиром, чем отцом.

Он садится рядом со мной.

— Это был не он, Грей. Это не было твоим братом.

— Я знаю. Но я все еще... Я чувствую...

Я не знаю, как это объяснить словами. Как будто я съел протухшее мясо, и мой желудок болит? Как будто у меня болит голова и стучит при малейшем движении? Как будто ветер ударяет меня, и я не могу набрать ни грамма воздуха в легкие, как бы глубоко я не вздохнул?

— Ты поступил правильно, — сказал Оуэн. — Эмма была бы сейчас мертва, если бы ты не сориентировался так быстро.

— Как она?

— Нормально. Ничего страшного, кроме пореза у нее на шее. Она показывает другим, как определить Копию, хотя это не так легко. Только Клиппер в этом хорош. — Он ненадолго замолкает. — Я не знаю, что это означает. Даже Харви, кажется, не знал об этом разоблачении, и поэтому провалился.

Оуэн наклоняется вперед, упираясь руками на колени. Я провожу рукой по окровавленным костяшкам своих пальцев.

— Я не понимаю, — произношу, наконец, я. — То, что сказал Копия, что Франк, оказал нам слишком много чести, реагируя на наше продвижение для запад. Это же *именно то*, что мы и делаем.

— Я думаю, что наш конечный пункт назначения его удивил, вот и все. Я уверен, что когда Франк узнал, что мы отправились на запад, он решил, что мы соберем больше сторонников, и конечно, у него появились основания опасаться этого. Увеличив нашу численность, у нас будет больше сил, и возрастет число тех людей в разных местах, кто будет сомневаться в нем. Могло бы вспыхнуть восстание, такое, с которым было бы трудно бороться, если бы оно произошло во всех городах одновременно. Его самый большой страх — это потерять контроль над своим народом. — Оуэн на секунду замолкает. — Франк, наверное, инструктируя Копий никогда не упоминал о Группе А. Интересно, почему? Там же все разрушено и никого нет, чтобы помочь нашему делу, и чего же он насколько обеспокоен. Конечно, именно это так и заманчиво для нас. Она находится под наблюдением. Никогда бы не подумал и не посмотрел бы в ту сторону во второй раз.

— Там еще и камеры работают.

— Как только выжившие будут на нашей стороне, Клиппер все уладит. Вспомни о его беседах с Райдером, прежде чем мы отправились в поход — идея состоит в том, чтобы взять несколько часов отснятого видео и поставить его на повтор на неопределенное время. Для тех, кто наблюдает из диспетчерской Таема все будет выглядеть *как обычно* для Группы А: пустынно и мертво, как всегда, а в это время мы сможем начать вербовку выживших, которые там остались.

— А что по поводу Копии? — спросил я.

— Мы избавимся от него, как только перейдем через Внешнее кольцо. Орден подумает, что мы где-то, но Группа А «расширит зону нашего поиска», и он будет мертв до того, как сможет обнаружить и передать место расположения их штаб-квартиры.

Я, молча, киваю. Я слышал эти планы, всю эту логику много раз — в основном на собраниях, прежде чем мы покинули Долину Расселин. Я даже повторял некоторые из них для Бри, когда ее одолевали сомнения по поводу миссии. Но теперь я сижу здесь, слушая моего отца, помня о теле Блейна, лежащее в снегу, и думаю о том, как быстро может оборваться жизнь, и из-за этого у меня появляются сомнения. Так много из нашего плана может пойти не так, как хотелось бы.

Оуэн поворачивается ко мне, он выглядит спокойным, учитывая все, что произошло.

— Ты уверен, что ты в порядке?

Нет.

Но я не говорю этого. Потому что я хочу стать равнодушным, как он. Я хочу убивать Копии и не казнить себя за это.

— Если ты захочешь поговорить об этом, — говорит он, — или о чем-нибудь, когда-нибудь, ты только скажи мне. Я найду время.

А вдруг это был Блейн, и он знает, что прямо сейчас я хочу поговорить об этом. Мне не надо ничего говорить, он отлично понимает, что у меня на уме. Но мой брат не здесь. И в этот момент на меня накатывает еще один страх.

Франк хотел вернуть Харви, чтобы создавать неограниченное число Копий. Его целью всегда были Клоны, которые могут быть воспроизведены снова и снова. Но когда я осенью привел Харви в Таем в качестве приманки, Франк мимоходом обмолвился, что ему не нужна помощь Харви. Что заставляет меня задаться вопросом, а вдруг он уже все это реализовал. Бесконечное множество.

— А что, если мне придется убить другую версию Копии Блейна? — ляпнул я. — Я не думаю, что я смогу это сделать.

— Ты сможешь, — сказал мой отец. — Ты будешь делать то, что и должен делать без колебаний.

— Звучит обнадеживающе.

— Это должно было звучать как комплимент. Я говорю тебе, что ты сильнее, чем большинство, потому что ты делаешь то, что должно быть сделано, даже не смотря на то, что эти действия неприятны. — Оуэн поскреб подборок, смотря на лес перед нами. — Должно быть больно, — добавляет он. — Наблюдая что-то подобное. *Делая* что-то подобное. Если это не ранит тебя, то ты не лучше, чем Копия себя.

Он встает, и квадратик ткани падает в мои руки.

— Вытрись. — Улыбка мелькает в его бороде. — Ты ужасно выглядишь.

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ БЫЛИ похожи один на другой. Мы просыпались утром и собирали лагерь. Мы шли часами, которые казались бесконечными, как и сами Отходы. Ксавье теперь отвечал за Джексона, который большую часть времени тратил на рассматривание деревьев, как будто он у него могла появиться возможность сбежать, а остальное время смотрел на членов нашей команды с настолько злым взглядом, что у мне от него начинался озноб.

Я не мог его понять, потому что каждый вечер после разбивки лагеря, первое, что он делал — это играл в «Камень, Ножницы, Бумага» с Эйденом. Однажды ночью Расти, который долго не успокаивался по его поводу, позволил Копии почесать ему за ушком. Джексон улыбнулся этому — настоящей, искренней улыбкой — и на долю секунды я как будто увидел сквозь клона реального Джексона. Тот, который должно быть вырос в Декстерне, поскольку ни Бри, ни я не признаем в нем своего.

Эмма продолжала вести лошадей, но Сэмми иногда снимал Эйдена с седла и сажал его на свои плечи. Что всегда радовало мальчика. Наблюдая за ними, я вспомнил похороны в Клейсуте. Тогда Эмма стояла рядом со мной, а Кейл спала у меня на руках, и это чувствовалась так правильно, что заставляло меня думать, что я действительно хочу когда-нибудь иметь семью. Но не сейчас. Определенно, не сейчас. Хотя, когда Сэмми смотрит на Эмму и одаривает ее своей бестолковой, шутливой улыбкой, я начинаю думать, что я, возможно, готов к этому, если придется. Я мог бы быть всем, в чем нуждается Эмма, пока она не перестанет улыбаться ему в ответ, что она делает в настоящее время.

Мне выпадает идти рядом с Бри, когда мы отправляемся в путь. Она вернулась к себе прежней, перестав метаться от горечи после соревнования по стрельбе из лука до удивительной нежности, следующей после него в тот вечер. Я жалею ей, что у меня уже мозоли от ботинок, а она говорит, чтобы я прекратил ныть.

Я что-то предлагаю на собрании команды, а она возражает этому, просто неодобрительно смотря на меня. Я залезаю на дерево, чтобы проверить, нет ли за нами хвоста, а она критикует мой вид, и выкрикивает властные советы со снега снизу, как будто я не знаю, за что мне ухватиться. Единственный раз, когда ей, кажется, было нечего мне сказать — когда я откровенно обсуждал с ней свои разборки с Копией Блейна, размышляя вслух о том, почему сделав все правильно, я потом чувствую себя так ужасно. Она просто смотрела на меня, ее лицо было немного омрачено, прежде чем она перевела взгляд и уставилась в горизонт.

Она до сих пор приходит каждую ночь ко мне в палатку, засыпая рядом со мной, и каждый раз возвращаясь со своего дежурства, я обнаруживаю, что она уже ушла. Я всегда чувствую укол в груди, когда нахожу свой спальник пустым. Я начал задумываться о том, а что если она, уходя от меня, отдаляется так же, как и Эмма. Прежде чем я могу найти в этом смысл, начинается новый день, где мы с Бри возвращаемся к нашим привычным шуточкам, к нашему комфортному и обычному состоянию подобному паре изношенных перчаток, от которых ты не хочешь избавляться.

Пейзаж становится ровнее и скуднее, леса отступают с холмистых равнин и долин. Снега под нашими ногами становится все меньше, пока мы, наконец, снова можем видеть землю. Мерзлую землю, но все же. Я думаю, что становится теплее, но я такой окоченевший

после стольких недель холода, что возможно, я просто себя обманываю, пытаюсь поверить в это. Я снимаю шапку и расстегиваю свою куртку, получая удовольствие от того факта, что мне не больно глубоко вздохнуть.

— Все эти дни *мы двигались* к югу, — говорит Клиппер, когда я спрашиваю его о температуре воздуха. Он показывает мне это на своем навигаторе, которым он пользовался экономно, чтобы продлить срок службы батареек. Отходы скоро закончатся, и мы упрямся в массивный кусок синего, который распространяется на север, примерно на две трети страны. Клиппер зовет это Новым Заливом. Граница между ЭмИстом и ЭмВестом проходит вдоль западного берега залива, а на севере, вода разветвляется на две губы, длинные и узкие, напоминающие заячьи уши. Группа А, якобы, находится где-то между ними, на Западной территории ЭмИста.

Но сейчас наша цель это Бон Харбор. Он находится на восточной окраине Залива в милях к югу от того места, где вода разделяется на два уха. Никто ничего не говорил в эти дни — даже Клиппер, который знал, насколько как мы близки — но мы все могли почувствовать эту надежду.

Прибытие в Бон Харбор означало хорошую еду и ванну, но прежде всего, это знаменует собой решающий поворотный момент в нашем походе. Мы будем более чем на полпути до конца, самая трудная часть останется позади. Я никогда не плавал на лодке, но я был бы рад получить такой опыт, только бы дать ногам отдохнуть. Бри предупреждает меня, что проход через Залив может тяжело мне даваться, но я смеюсь ей в лицо.

— Это всего лишь вода. Я купался в ней. Почему плавание будет проходить как-то по-другому?

— Я напомню тебе об этом, когда ты будешь блевать за борт, — отвечает она.

Накануне вечером до того дня, когда мы по оценкам Клиппера должны прибыть в Залив, у меня состоялся разговор с Бри, который не включал в себя спор со мной или критику моих недостатков. На самом деле, он скорее был цивилизным, и в нем полностью отсутствовала критика.

Команда после ужина отдыхала у костра, когда она села напротив меня и сказала:

— В последствие это ужасно. Ощущать. Ты проходишь через это снова и снова и задумываешься, что ты мог бы изменить, как мог бы поступить по-другому, а что если ты пропустил что-то, что могло бы спасти их.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что она говорит об убийстве кто-то, наконец-то отвечая на мои комментарии по поводу Копии моего брата.

— Это именно то, через что я прохожу, — признаю я. — Каждый день я заново прокручиваю это.

— В конечном итоге ты прекратишь анализировать, а вот кошмары могут продолжиться. Мне до сих пор иногда снится мой первый.

— А что случилось? — Она никогда не рассказывала мне подробности, и мне вдруг стало любопытно. — Если не хочешь, можешь не говорить об этом.

— Нет. Все нормально. — Но прежде чем снова заговорить, она в течение долгого времени смотрела на пламя. — Я ходила на разведку с Повстанцами. Мы все рассредоточились сами по себе, у нас был приказ встретиться через два часа. Я, кажется, заблудилась и не могла найти дорогу обратно к месту встречи. Так, я скинув свое оружие, полезла на дерево, чтобы осмотреться. Когда я спустилась вниз, там оказались два члена Ордена. Я не знаю, как я не увидела или не услышала их раньше.

— Они навели на меня свои пушки, а один из них прижал меня к дереву. Я стерла из памяти, как он выглядел, но я помню, что его дыхание было горячим, когда он сказал... Я никогда не забуду его слова: «А она ужасно красивая, Мак. Может быть, мы сначала должны повеселиться с ней».

Я не мог поверить, что она не рассказывала мне об этом раньше. Я пялился на нее, в ужасе от того, что будет дальше.

— В тот момент, когда парень потянулся к поясу, я пнула его в живот и вытащила нож из ботинка, перерезав ему горло. Вторым парнем убежал, как только я схватила свою винтовку. Я даже не следила за ним, потому что была слишком занята тем, что плакала, как идиотка и смотрела на человека, который истекал кровью у моих ног.

— В течение нескольких недель я продолжала винить себя за то, что вела себя так небрежно, оставила оружие у всех на виду, не слышала их. Я пару раз посещала больницу в Долине Расселин, чтобы получить лекарства: мои головные боли были настолько сильными, что я не могла спать. Я просто хотела все вернуть. Я хотела пережить заново тот день, чтобы все получилось по-другому.

— Этот придурок сам напросился, Бри, — твердо сказал я. — Он заслужил то, что получил.

— Так же как и Копия, которую ты убил, но это не значит, что ты хотел, чтобы это случилось. — Она повернулась ко мне, смотря прямо на меня. Ее светлые волосы, потемнели от пота, щеки были облеплены грязью. Она выглядела дико в свете костра. — Я не рада, что тебе пришлось убить кого-то, Грей. Но я рада, что ты сделал это прежде, чем он убил Эмму. Или еще хуже — тебя.

Она встала и быстро, прежде чем я успел сказать еще хоть слово, ушла.

* * *

Мы держим быстрый темп с самого рассвета, и в середине следующего дня, когда мне кажется, что мои ноги могут стереться в порошок, земля перед нами исчезает. Мы стоим на гребне утеса, земля обрывается, обнажая гальку с песком и синеву. Синева простирается настолько далеко, насколько может видеть глаз.

Новый Залив.

Его поверхность темнее, чем небо, испещренная белыми барашками, которые нарастают, вздымаются и выбрасываются на берег, будто живые.

— Волны, — вздыхает Бри и раскрывает руки ветру. Он соленый, когда я вдыхаю его, и воздух кажется не таким, проносясь по моей коже, но Бри выглядит как будто он добралась до дома.

— Это лучший подарок на день рождения, — говорит она, не общаясь ни к кому конкретно. Я осознаю, что снова потерял счет дням. Сегодня двадцать третье и настал тот день, в который произошло ее Похищение из Солтвотера. Сегодня ей семнадцать.

— Мы только в нескольких часах ходьбы от Бон Харбора, — объявляет Оуэн, — но мы разобьем на ночь лагерь. Мы отправимся туда завтра утром с торговцами, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Когда палатки были поставлены и ужин съеден, группа находилась в особо хорошем

настроении, сидя вокруг затухающего костра.

Сэмми и Сентябрь гармонично пели на весь лагерь, он выстукивал ритм на куске деревяшки, а Эмма качала головой в такт. Даже Бри напевала, чистя свою винтовку. Слева от меня заснул Бо, вытянув ноги в опасной близости к огню. Джексон дал Эйдену соломинку, которой он щекотал нос Бо. Каждый раз, когда Бо отмахивался от нее, как будто прихлопывая муху, у Эйдена начинался приступ смеха.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь.

Потому что среди нас царило чувство спокойствия, оптимистичный настрой, который я не мог игнорировать.

Нам это почти удалось. Мы почти на месте.

КАК ТОЛЬКО КОМАНДА НАЧИНАЕТходить ко сну, Ксавье занимает свой пост на вечерние часы. Сэмми провожает Эмму до ее палатки, обнимая ее за талию. Она улыбается, глядя застенчиво, но в тоже время не пытается избежать контакта.

Я всматриваюсь вдаль и ловлю взглядом Бри, покидающую лагерь. Она скользит вниз по утесу, то исчезая из виду, то появляясь на фоне океана. Я кидаюсь за ней.

— И они рассказывают, что ты опытный охотник, — говорит она, почти мгновенно поворачиваясь ко мне. — Я слышала за милую, что ты идешь.

— Что ты делаешь? Все уже готовятся ко сну.

— Это именно то, что я и делаю. — Я немного озадачен таким ответом. — Давай, — говорит она. — Я тебе покажу.

Я спускаюсь к обрыву. Луна убывает, но на небе ни облачка, и так как вокруг нет леса, ее свет, кажется, простирается везде. На пляже что-то темнеет. Палатка Бри. Она обращена к воде, достаточно далеко, чтобы прибой не мог до нее достать, но достаточно близко, чтобы слышать бесконечный рев океана с его приливами и отливами.

— Там твоя палатка, — говорю я.

— Пять баллов, гений.

Я хотел спросить ее, почему она выбрала место для ночлега так далеко от других, когда меня наконец-то озаряет, вкупе с предыдущими ее признаниями и это все чуть не сбивает мне с ног.

— Ты не могла нормально спать с момента Похищения, — говорю я. — Ты скучала по звукам волн.

— Ты об этом помнишь?

— Я помню все, что ты мне сказала в тот вечер. — Ее губы растягиваются лукавой улыбкой, как будто она впечатлена. Или ее это позабавило. — Так ты собираешься спать рядом с океаном? — добавляю я быстро.

— Ага. — Она поднимает брови и тычет мне пальцем в грудь. — И ты должен остаться со мной.

— А это означает, что ты тогда тайком убежишь из собственной палатки до рассвета? Или я должен буду вернуться к себе после моей смены?

— Я действительно не хочу сегодня ругаться, — хмуриться Бри.

Но это то, что у нас лучше всего получается, так и хочется мне сказать.

— Давай просто посидим некоторое время, — предлагает она. — Договорились?

У меня достаточно времени перед моей сменой и так как я не очень устал, я соглашаюсь. Мы разводим небольшой костер и сидим с видом на океан и палаткой у нас за спиной. В воздухе много соли, а волны бесконечны. Они кажутся слишком беспокойными, чтобы дать человеку поспать. Просто когда все полностью замирает, приходит новая волна и обрушивается на землю: постоянное напряжение.

Внезапно, с воды раздался звук, похожий на грустный зов. Он был одинокий, жуткий и протяжный. А потом еще один, в ответ. Два эха друг друга были в вечернее время.

— Гагары, — сказала Бри. Я не слышал о такой птице, но раз она знает, как их звать, я, конечно, не подвергаю это сомнению.

— Они грустно кричат.

— Но это некая тихая грусть, тебе не кажется?

Они снова кричат, и мне кажется, я понимаю, что она имела в виду. Есть что-то горькое и тоскливое в их воплях.

— Если пара разделяется, они зовут друг друга, пока они не воссоединятся, — объясняет она. — Они всегда прилетали к нам летом в Солтвотер. Их всегда можно услышать, когда сгущаются сумерки. Под их песни я засыпала, как и под шум волн, но птицы зимой мигрируют, как мне кажется в более теплые воды. Если честно, здесь, возможно, не достаточно тепло для них, и опять же, воды не хватает. Возможно, затопление изменило их привычки.

Гагары снова крикнули. Бри сжимает руки и дует сквозь пальцы. Свист, который возникает во время этого действия, поразительно похож на крики птиц на воде. Красивый, запоминающийся и совершенный.

Бри показывает мне, как складывать руки, как сгибать пальцы, куда дуть. Когда она это делает, то кажется, что это так легко, но после нескольких попыток, у меня ничего не получается, кроме как беззвучно дуть в свои ладони.

— Это невозможно.

Она стреляет в меня неумолимым взглядом.

— Это заняло у меня почти месяц, когда я была ребенком, чтобы научиться так делать. Если бы у тебя получилось после двух минут, я была бы в ярости.

— Зная, насколько редко ты злишься на что-то, я не хочу упустить такую возможность. — Я резко засучиваю рукава и складываю руки. Я без успеха дую на них, но гагара голосит в этот же момент. — Посмотри на это! Безупречно.

Я ожидаю ехидного комментария, но этого не происходит. Я поворачиваюсь и вижу, что Бри смотрит на шрамы от ожога на моем левом предплечье. Они выглядят более выраженными в свете костра: неровная кожа, изменение цвета. Интересно, в каком состоянии была бы моя рука, если бы Бо не вытащил меня с пылающей платформы так быстро. Когда Эмма ухаживала за мной, она сказала, что мне повезло, и что рубцы не будут слишком резким. Но даже до сих пор, моя рука все еще не выглядит лучше.

Бри кладет руку на мою кожу, как будто она не видела до этого ожога, как будто она не проводила нашу первую ночь вместе водя своими ладонями по моим шрамам и не целовала мои руки от пальцев до локтя.

— Мне жаль, что не было возможности вытащить тебя быстрее с этой площади, — говорит она. — Меня убивает то, что это случилось с тобой. Что я позволила этому случиться.

— Это не твоя вина.

— А такое чувство, что моя.

— Ты тоже сделала много хорошего в этот день, — говорю я, вспоминая о том, как я устоял на дуло винтовки, направленной на Харви, за мгновение до того, как ее резиновая пуля попала в меня. — Ты спасла меня от выстрела. Я не знаю, возможно ли, отплатить такой долг.

— Я сделала это не потому, чтобы ты был у меня в долгу, Грей. И я также не сделала это, чтобы спасти тебя от стрельбы в Харви. Я сделала это потому, что это спасло бы тебя. И точка.

Я чувствую улыбку, расцветающую на моих губах.

— Ты понимаешь, почему *спасибо* не кажется достаточным?

Она толкает меня локтем и гагары снова воют. Бри отвечает им, и я стараюсь сделать то же самое, что-то, что хотя бы отдаленно напоминало их вопли.

— Это был лучший способ закончить мой день рождения, — говорит она, положив голову мне на плечо.

— Мы должны были сделать что-нибудь группой, как мы делали для Сэмми.

— Нет, так лучше. Только ты и я.

Да, только мы вдвоем, думаю я. Всегда на несколько часов. Всегда, когда никто не смотрит. Но не на всю ночь.

Бри наклоняет голову ко мне, предлагая мне свои губы. Я смущаюсь, и она сидит, нахмурившись.

— Почему ты сопротивляешься, Грей?

Я смотрю на ее пальцы, которые до сих пор покоятся на моей коже.

— Скажи мне, — приказывает она.

Только сейчас она спрашивает — желая говорить о нас в открытую, а не прятаться за нашими шутками и поддразниваниями — а правда, лежит как на ладони.

— Потому что... — Я смотрю на море, боясь говорить это ей в лицо. — Потому что, возможно, мы не правы, Бри. — Волна обрушивается на берег. — Ты и я... Может, мы слишком агрессивны друг к другу. Мы либо перегрызаем друг другу глотки или не можем держать руки при себе. Мы будем бороться и кричать, и спорить. Мы бесконечно пихаем друг друга. Мы никогда не останавливаемся, критикуя то, что делает другой. Это выматывает. И это ненастоящие отношения. Не такими они должны быть.

— Да, — твердо говорит она. — Именно такими они и должны быть. Мы команда. Мы подталкиваем друг друга. Если они не честны, не правдивы и без вызова, то какой тогда смысл?

— Может нужно находить баланс? Противовес? Кого-то, кто не такой как ты.

— Как Эмма? — Она смотрит прямо мне в лицо, но я слишком труслив, чтобы посмотреть на нее. Я могу столкнуться с Франком и Копиями, и со Стенами, но девушка, вполтину меньше меня — меня пугает.

— Может быть. Ну, кто-то вроде нее. Я не знаю. Просто Эмма помогает мне справляться с моими слабостями. Она успокаивает меня. Мне, наверное, нужно что-то вроде этого.

— С Эммой ты становишься скучным, Грей. Она делает тебя не опасным.

Эти слова, были сказаны с такой горечью, что я вдруг осмелев, посмотрел ей в глаза.

— Что?

— Ты меня слышал. Она забирает все, что я люблю в тебе и душит это. Не то, чтобы она хочет этого, но именно это и происходит, когда ты с ней. Ты становишься никем. Ты умираешь. Ты становишься тихим и настороженным, и осмотрительным — не самим собой. Я ненавижу это. Я ненавижу то, что я принимаю тебя целиком — и хорошим и плохим — а ты не делаешь того же для меня, ты все еще сопротивляешься. Стараюсь так действовать, ты не можешь почувствовать то, что чувствую я. Это так это не работает. — Она машет руками между нами.

— Ну, посмотри на нас. Все что мы делаем — это спорим. Возможно, это и не сработает. Может быть, это *никогда* не сработает.

— Бред, — выплевывает она. — Часть твоего сердца всегда принадлежала ей, так что не смей говорить мне, это не будет работать, когда ты еще даже не пробовал. По-настоящему.

— Я не пытался? Реально? Я? Ведь насколько мне известно, *ты* единственная, кто убегает каждый вечер назад, в свою кровать.

— Да, конечно, это я виновата, Грей. Обвиняй *меня* в этом. В свое оправдание могу сказать, что это может быть из-за того, что я чувствую твою нерешительность. Потому что я ловлю взгляды, которые ты бросаешь на нее. Потому что это происходит с того самого дня, как мы встретились. Нет, конечно же, я с удовольствием отдам тебе свое сердце, чтобы ты его растоптал.

— У мне нет такого намерения... ты меня вообще слушаешь? Именно поэтому я просто сказал, почему я так поступаю. Потому что мы оба не правы, Бри. Мы поубиваем друг друга! Ты можешь это понять?

Она засыпает песком огонь, и пляж становится темным.

— О, я понимаю. Я, клянусь, я понимаю тебя так хорошо, потому что я знаю, что у тебя в голове! Я знала, что так случится. Я знала все это сразу. Сделай мне одолжение, ладно? В следующий раз, когда девушка заходит к тебе комнату, обдумай хорошенько, что ты делаешь, прежде чем натянуть на нее одеяло. Я не хочу, чтобы она *запуталась*, была *введена в заблуждение* твоими намерениями.

— Я тогда пойду, — сказал я, потому что она была в ярости, и этот дикий огонь я не мог контролировать и не смог бы. Сегодня нормальный разговор не получился.

Я встал, и она вскочила на ноги вслед за мной, распрямляя свои плечи.

— Да, здорово. Вали! Это просто прекрасно! Это все же действительно был прекрасный день рождения, Грей. Я ценю твои усилия.

А потом, с развевающимися волосами на ветру, она направилась к волнам, размахивая курткой. Я думал последовать за ней, но знал, что это бесполезно. Единственные слова, которые она хочет услышать — это те слова, которые я не уверен, что смогу произнести, не обманывая ее.

УТРОМ БРИ СО МНОЙне разговаривает. Она даже не смотрит мне в глаза. Когда команда отправляется на север вдоль берега, в направлении Бон Харбора, она бежит вперед, чтобы идти рядом с Ксавье, и я сильно ощущаю ее отсутствие рядом со мной, сильнее, чем я ожидал.

Сегодня еще один безоблачный день, достаточно теплый для того, чтобы отказаться от шапок и расстегнуть куртки. Это так необычно, не быть укутанным во множество слоев одежды, после нескольких недель низких температур. Клиппер говорит, что изменение погоды происходит из-за таких вещей как то, что Залив притягивает теплый воздух и то, что мы находимся южнее, чем мы были, когда отправились из Долины Расселин. Но мне плевать из-за чего это происходит, потому что я наконец-то могу наслаждаться солнцем.

Бон Харбор появился на горизонте задолго до полудня. Он настолько не похож на Таем. Город находится в бухте, у него отсутствует купол, защищающий его, нет красивой вывески или летающей вагонетки. Доки загромождают береговую линию. Бараки стоят вдоль воды, теряющие цвет с разрастанием их от моря. Те, что стоят дальше от берега, кажутся обшарпанными, видимо ветер счищает с них краску. Все пропахло рыбой, и шумная разновидность белых птиц парит над головой, бесконечно визжа.

— Это место потому и называется Бон Харбором*, что выглядит как смерть? — спросил Сэмми, когда мы вошли в город с юга.

— Конечно, нет, — ответил Бо. — Этот город, некоторое время после землетрясения, занимался в основном рыбной отраслью, отсюда и название. Но наводнение продолжилось, и Залив приблизился к Хейвену, поэтому Бон Харбор стал просто забытым, портовым городом, где те, кому не посчастливилось купить проход под купол, живут, как могут.

— Ты знаешь все и обо всем, не так ли? — спрашиваю я. — Они позволили тебе прочитать книгу об истории ЭмИста, когда ты сидел в тюрьмах Франка?

Бо прекращает постукивать по ремням своего рюкзака на достаточно долгое время и подмигивает.

— Это необыкновенно, чему человек может научиться, если будет только слушать.

— Хм... ребята? — Бри машет рукой, чтобы привлечь внимание каждого. Когда я вижу, на что она показывает, мой желудок скручивает.

На оштукатуренных стенах переулка, по которому мы идем, висит ряд плакатов. Большинство из них запугивают арестом тех, кого поймают на укрывательстве, торговле или даже беседе с гражданином ЭмВеста. Несколько из них сообщают о недавнем захвате и казни Харви. Но большинство плакатов, висящих высоко, так чтобы было не достать и перекрывающие другие плакаты, предупреждающие о комендантском часе, гласят вот о чем:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЭМИС ВКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЯ: ВОРОВСТВО, МЯТЕЖ, ШПИОНАЖ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИЗМЕНУ».

И над перечислениями преступлений написано мое имя и изображено мое лицо, смотрящее на улицу серыми глазами из-за которых меня так и называли. Это последнее фото, видимо, сделанное с помощью камер Франка, с того времени когда я вернулся в Таем за вакциной. Меня, безусловно, опознают в Бон Харборе.

— Черт, — сказал Сэмми. Я подумал, что он отреагировал на плакат, но я прослеживаю

его взгляд и только тогда понимаю, что хуже уже не может быть.

Двое из Франконианского Ордена на аллее впереди допрашивают пожилую женщину, которая нервно вытирает руки о передник.

Ксавье поворачивается к Джексону.

— Чертов Клон спалил нас.

— Я? — начал было говорить он. — Как интересно? С помощью телепатии? Магии?

— Ты взял наш передатчик! И радировал кому-то!

— Мы заключили сделку: вы оставляете меня в живых, а я доставляю вас во Внешнее Кольцо. У меня даже нет того, что я должен отослать — расположения вашего штаба — так зачем мне рисковать своей жизнью, чтобы вызвать кого-то из Ордена, кто сможет или не сможет быть в состоянии вытащить меня из этой передраги?

Ксавье выглядит разъяренным.

— Ох, я не знаю, возможно...

— Клиппер и Ксавье с лошадьми остаются со мной, — жестко отдает приказ мой отец. — Остальные рассредоточиваются. Мне плевать, как вы это сделаете, просто сделайте это немедленно. Встречаемся в доках после захода солнца, если у нас все получится.

— Но Копия — сказал Ксавье. — Он...

— Не сейчас, — отрезал Оуэн. — Нет времени.

Мы рассредоточиваемся не слишком быстро. Я почему-то застрял с Джексонем после того, как Ксавье спихнул его на меня. Мы вдвоем бежим к ближайшей боковой улице — точнее, бегу я, а Джексон отказывается это делать, поэтому мне приходится тащить его за собой. Я отправляюсь в первый дом, который встречается нам на пути. Он одноуровневый и расположен на углу улицы и переулка, по которому мы только что бежали. Хотя в данный момент дом пустой, но в нем разложена одежда на сушилке и несколько блюд стоят на столе, в том числе чаша с фруктами. Кто-то обязательно вернется.

Ядвигаюсь в кухню, где находится окно, выходящее на переулок. Смотря в него, я вижу своего отца.

— Ты хочешь, чтобы тебя поймали, — сказал Джексон с ноткой юмора в голосе.

— Заткнись.

— Я просто констатирую факт.

Я прижимаю его стене.

— Ты что не понял? Ни слова.

На улице мой отец достал свою шапку и надел ее, не смотря на то, что погода стоит теплая, но я понимаю, зачем он это сделал. Между шапкой, его голубыми глазами и бородой, он уже не выглядит как очевидный отец парня на плакатах. Ксавье держит под уздцы двух лошадей со своей стороны, а Клиппер схватился за лямки рюкзака, сжимая их так крепко, что его костяшки побелели.

Члены Ордена машут им остановиться, когда они к ним приближаются. Красные треугольники на груди кричат об опасности, и мне хочется, чтобы мой отец развернулся и убежал. Нечего ждать хорошего от этих людей.

— Доброе утро — говорит один из них. Его слова трудно различимы через оконное стекло, но я слышу достаточно хорошо.

— Доброе, — эхом отвечает Оуэн.

— Что принесло вас в Бон Харбор? — спрашивает вторая. Женщина. Ее лицо квадратное и худое, а ее шея настолько толстая, что создается впечатление, что ее и нет

вовсе.

— Что заставляет вас думать, что мы только что приехали?

— Здесь особо не требуются лошади, — отвечает женщина, рассматривая вожжи в руках

Ксавье.

— Мы планируем продать их, — отвечает мой отец. — Они были необходимы, чтобы добраться сюда, но нам нужна лодка, а не лошади.

— А куда вы направляетесь?

— В Хейвен, — отвечает Клиппер.

— Вы намного южнее. Откуда вы?

— Еще дальше на юг, мэм, — продолжил Клиппер. — Там есть небольшой городок в Южном Секторе. Наша семья там и живет.

— Так вы все родственники? — спрашивает мужчина.

— Это мой сын и племянник, — говорит Оуэн про Клиппера и Ксавье, что выглядит достаточно правдоподобно.

— И вы приняли решение путешествовать на лодке и на лошади из Хейвена к Южному Сектору?

— Не все люди, живущие под куполом, могут позволить себе приобрести машину. Да и путешествие через Отходы не лучший вариант, там слишком легко застрять без топлива. Я не хочу показаться любопытным, но есть ли смысл в ваших расспросах?

Коренастая женщина нахмурилась.

— Да, есть. — Она протянула копию плаката. — Мы ищем этого парня. У нас есть основания подозревать, что он направляется на запад, и возможно, через этот город или через соседние в Новом Заливе.

Оуэн некоторое время рассматривает фотографию.

— Я не видел его.

— Вы уверены? — спрашивает женщина, складывая руки на груди. — Этот парень может быть достаточно убедительным, когда это необходимо. Если он обещал вам что-нибудь в обмен на молчание, то вы должны знать, что он не сдержит свою часть сделки.

— Уверяю вас, мы никогда его не видели, — говорит мой отец, — но если что-то изменится, мы сразу же кого-нибудь оповестим. Это не хорошо, что преступник где-то рядом.

— Тоже верно, — отвечает она

— Мы свободны, можем идти? Я надеялся в полдень продать этих лошадей.

— Да. Спасибо, что уделили нам время.

Они проходят мимо с лошадьми на поводу, и я чувствую как воздух, наконец-то, возвращается в мои легкие. Но через секунду дверь дома распахивается, и Эмма с Эйденom вваливаются внутрь.

— Что вы здесь делаете? — шиплю я на нее, когда она закрывает дверь.

— Мы были в одном доме, но туда вернулся хозяин, и нам пришлось вылезти из окна.

Я выглядываю на главную улицу. Члены Ордена свернули за угол дома и направляются на наш переулок.

Эмма следит за моим выражением лица.

— Они идут в нашу сторону, не так ли? Они приближаются?

Мы слышим шаги ботинок по утопанной земле. Потом раздается стук в нашу дверь.

Джексон на мгновение выглядит позабавленным. Он сдал нас, как Ксавье и подозревал.

Но потом Копия замечает Эйдена, трясущегося в страхе, и его поведение меняется на что-то настолько близкое к тому, чтобы стать обеспокоенным, что я меняю свое мнение. Может быть, Орден отправил Джейсона с Блейном, чтобы они нас только перехватили и все.

Стук повторяется.

— Ничего не говорите, — шепчу я. — В конечно итоге, они уйдут.

— Это Франконианский Орден! — кричит снаружи женщина. — Мы проверяем все дома на этом переулке. У вас есть двадцать секунд, чтобы открыть дверь или мы будем считать, что дома никого нет, и откроем его сами.

— Позволь мне поговорить с ними, — предлагает Эмма.

— Что? Нет!

— Я скажу им, что видела тебя в городе или что-нибудь на подобие. Я могу это сделать. Ничего сложного.

Она выглядит такой уверенной в себе, такой самонадеянной. В ее глазах сверкает надежда, такая непоколебимая, что ее, кажется, было не остановить. Но я не мог допустить, чтобы Эмма рисковала собой из-за нас. Франк мог подозревать, что она последовала за мной в Долину Расселин прошлой осенью, и только потому, что я видел плакаты только с моим лицом, не значит, что Франк не сделал еще один плакат с ее лицом.

— Возьми Эйдена и отправляйся в дальнюю комнату, — сказал я Эмме. — Найдите гардероб или что-либо в этом духе и спрячьтесь там, пока я вас не позову.

— Позволь мне сделать это. — Ее голос был твердым, почти отчаянным.

Дверь задрожала из-за стука.

— Эмма, пожалуйста, не заставляй мне повторять снова.

Она резко выдыхает и берет Эйдена, отправляясь в боковую комнату в тот момент, когда женщина начинает обратный отсчет.

— *Десять... Девять...*

Помещение слишком тесное, чтобы выпустить стрелу, поэтому я беру нож с кухни и грожу Джексону.

— Открой дверь и скажи им, что ты видел меня на другом конце города.

— *Восемь... Семь...*

Он смотрит на нож в моих руках.

— Вы не получите коды доступа к Группе А, если я умру.

— *Шесть... Пять...*

— Мы сохраняем тебе жизнь, и ты помогаешь нам, если мы сталкиваемся с членами Ордена, — напоминаю я ему. — Ты говорил это в Стоунуолле.

— *Четыре...*

— Ты хочешь, чтобы они обыскали дом? Нашли Эйдена? Наказали его, потому что он здесь со мной?

— *Три...*

Глаза Джексона мечутся между мной и дверью.

— Я справлюсь.

— *Два...*

Я перерезаю веревки, сковывающие его запястья.

— *Один...*

Он открывает дверь и наклоняется вперед, прикрывая меня от взора Ордена.

— Извините за задержку, — говорит он. — Я был в туалете.

— Ничего страшного, — отвечает женщина. Шуршат бумажки. — Мы ищем вот этого парня и проверяем, граждан, пока мы тут. Хотим удостовериться, что он не держит кого-либо против воли.

— Мне кажется я... Точно. Я видел этого парня в окне, выходящем на переулок. — Голос Джексона был на удивление убедительным. — Я думал, что он направляется в свой дом, но он, возможно, искал место, чтобы спрятаться.

Я слышал, как женщина забрала плакат обратно.

— На этом переулке, говорите? — Джексон, должно быть, кивнул или указал направление, потому что она сказала: — Спасибо.

Дверь закрылась, и я снова начал дышать и как будто тяжесть спала с моей груди. Я схватил Копию, который вытирал лоб, создавая впечатление, что вся эта встреча принесла ему головную боль, и вдавил его в кресло в гостиной.

— Эмма! Все в порядке.

Она выглядела сердитой, когда появилась с Эйденом. Не это выражение я привык видеть на ее лице, и я знаю, почему она так смотрит на меня — дело в том, что я на мгновение отдал наши жизни в руки Копии. Но это окупилось, и я ни о чем не жалею.

Я связываю запястья Джексона, охватывая веревкой раны, которые начали проявляться.

— Спасибо, — говорю ему я. — За оказанную нам помощь.

— Я помогал мальчику, а не тебе. Я буду делать то, что мне нужно, чтобы, в конце концов, попасть в место, в которое собирался. У меня нет выбора.

— Каждое действие является результатом выбора. Даже у Копии.

Он скептически фыркает. А я смотрю на Эмму, которая положила руку на плечо Эйдена.

— А где остальные? — спрашиваю ее я. — Вы видели, куда они отправились?

— Сэмми с собакой просто сидят в открытую. Реально умно. Бо с Сентябрем спрятались в доме напротив.

— А Бри?

— Я не знаю. Я видела, как она бежала по крышам. Одна.

Эти слова обнадежили меня, потому что если Бри сама по себе, я знаю и не сомневаюсь, что с ней все хорошо.

*Прим. Переводчика: Bone Harbor (англ.) — дословный перевод — Гавань Костей.

МЫ ПО ОЧЕРЕДИ ПРИНЯЛИ ВАННУ Вода, текущая из крана, была немного соленой, но после принятия душа я ощутил чистоту и свежесть, и этого было достаточно, чтобы сделать меня счастливым. В ванной комнате не было окна, и мне было приятно, позволить Джексону пожить небольшой частной жизнью, после того, как я убрал из помещения все лезвия и все остальное, что, как мне кажется, он мог использовать против нас.

Хозяин дома еще не вернулся, хотя небо начинало потихоньку темнеть. Нам бы следовало поскорее уйти, но Эмма настояла меня подстричь.

— Мне больше нравится, когда у меня длинные волосы, — заявляю я.

— Дело не в том, что тебе нравится, а что нет, Грей. Главное, чтобы ты меньше всего походил на себя на плакатах.

Я нехотя стою возле раковины в ванной комнате, пока Эмма порхает вокруг меня с ножницами. Я не знаю почему, но расставание с чем-то столь же бессмысленным, как волосы, приносит немного боли. Ничего не менялось с прошлого лета, с тех пор как я взобрался на Стену с Эммой, и я чувствую себя наиболее комфортно, когда мои волосы завиваются за ушами, попадают в глаза, щекочут мою шею. Все это напоминает мне Клейсут: это как подтверждение того, что я не потерял себя во всем, что произошло.

— Чем сейчас занят Джексон?

Эмма бросает взгляд на открытую дверь в гостиную.

— Он играет в «Камень, Ножницы, Бумага» с Эйденем. Ничего не изменилось с тех пор, как ты в последний раз просил меня проверить его.

Она улыбается мне в зеркало, а затем заставляет меня встать на колени, чтобы ей было проще избавиться от оставшихся волос.

— Что ты будешь делать, когда это все закончится? — спрашивает она, отрезая мне челку, чтобы она больше не попадала мне на глаза. — Группа А, Франк, да все. Что потом?

— Я не думал так далеко наперед. Кажется, опасно быть столь оптимистичным.

— Я вернусь в Клейсут, — произносит она. — Я скучаю по маме. И я также хочу найти Лауру и доказать ей, что я никогда не была сумасшедшей, веря в большее, хоть она всегда и смеялась над моими теориями, когда мы были детьми.

Я представил эту встречу. Мать Эммы и ее лучшая подруга, плача, обнимают Эмму так крепко, что ей от этого становится трудно дышать.

— Так ты решила остаться там? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— Я так думаю. Там, конечно, все будет круто напоминать о том, что это тюрьма и обо всей лжи. Но потом, это все-таки дом, и, возможно, все будет не так уж плохо, когда у нас будет возможность свободно переходить за Стену.

— Я пойду с тобой. Чтобы увидеть Блейна, потому что я знаю, он сразу отправится туда разыскивать Кейл. И тогда, возможно, я буду снова драться с Челси, чтобы улучшить свой показатель или просто посмотреть, как ты будешь зашивать *ее* подбородок.

Эмма усмехается и кладет ножницы.

— Ты *не забываешь* обиды.

— Я знаю, — говорю я вставая. — Я ужасен из-за этого.

— Ну, никто не идеален. По крайней мере, я.

Несколько месяцев назад я бы сказал, что Эмма близка к совершенству, что именно таким и должен быть человек. Добрым, отзывчивым, уверенным в себе. Верным. Но теперь, хотя я знаю ее всю свою жизнь, она мне кажется чужой.

— Я действительно очень сильно сожалею. — Она смотрит на меня, и ее глаза полны ужасающего сомнения, как будто она боится, что наши отношения навечно разрушены. Не единожды я и сам об этом думал.

— Если ты решишь, что я заслуживаю второй шанс, я буду ждать, — добавляет она. — Я надеюсь, ты знаешь об этом.

Она проходит мимо меня в гостиную. Я сжимаю раковину обеими руками, глядя на себя в зеркало. Мне хотелось бы знать, как ее простить, хотелось бы, чтобы я мог любить эту Эмму, также как я люблю ее в своих воспоминаниях.

Я приношу лезвие из другой комнаты и бреюсь. Это делает меня более похожим на лицо на плакатах, но мне плевать. Я просто хочу почувствовать себя собой.

К тому времени как я захожу в гостиную, Эйден устал играть. Он лежит на диване, головой на коленях у Джексона, глаза с трудом остаются открытыми. Джексон накинул руку на мальчика почти в родительской манере. Копия — как подушка и защитник. Стало так смешно, что я чуть не рассмеялся.

Я собираю шмотки, прося других сделать то же самое. Эйден зевает и говорит что-то о том, что ему надо в душ, я резко отвечаю ему, чтобы он поспешил. Эмма кидает на меня укоризненный взгляд, но солнце садится. Я не хочу испытывать удачу и оставаться в это доме еще на какое-то время.

Я пролистываю несколько писем, лежащих на захламленном столе, ожидая Эйдена. Они написаны от руки элегантно почерком, все буквы ровные и с завитушками. Я нашел самое последнее письмо, датированное прошлой неделей и начал читать.

Карл,

Барсук сказал, что он не будет больше переправлять наши письма, даже если у вас с ним налажена торговля. Он говорит, что это слишком рискованно. Экспаты набирают обороты — я уже слышала несколько рассказов про них, которые добрались до Бон Харбора — да и Орден рассредоточил войска вдоль границы, увеличив их в результате этого в два раза. Корабли все чаще останавливаются в Заливе. Карл, они ищут причины арестовывать людей. Пока это удар по Экспатам, который притупляет энтузиазм, но они не будут останавливаться.*

Барсук утверждает, что эта переписка содержит слишком много неоспоримых улик. Я умоляла его, говорила, что мы можем поменять имена, места, что-либо — мы, если надо, будем писать закодировано — но он отказывается быть нашим курьером.

Это мое последнее письмо.

*Я буду на праздничной неделе ловить рыбу с Чарли, там, где хороший улов. Ты знаешь это место: наше любимое место к юго-западу от Залива. Встретишься с нами, правда, же? Ты можешь навсегда переехать на запад. Мы собираемся бросить рыболовство и направиться за защитой к Экспатам. Я знаю, что ты никогда не любил моего брата, но это все идеи Чарли: подумай о том, чтобы присоединиться к нам. Мы даже можем потопить твой сейнер**, чтобы это выглядело так, как будто он пошел ко дну. Никто не отправится на твои поиски. Пожалуйста, Карл. Орден все отнял у твоего народа:*

надежду, стойкость, свободу. Не позволяй им к тому же забрать твое сердце.

Ты знаешь, где меня найти.

С любовью, Мэй.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И тут я понимаю, чего раньше не замечал: одежда в сушилке давно уже сухая; фрукты на кухонном столе начинают портиться. Хозяина дома, Карла, давно нет. И он не вернется.

Также на столе валяются десятки вырезок, их края рваные, как будто Карл вырвал их из больших источников. На них заметки про войска, которые дислоцируется на побережье городов Залива в качестве дополнительного пограничного контроля; объявление о налогах на пресную воду; заметка о комендантском часе; другая статья, рассказывает о том, что все корабли подлежат случайному обыску при выходе и входе в порт. Франконианский герб стоит в конце каждой новости.

В глаза бросается смятая бумажка, потому что у нее имеется другой оттенок — более коричневый, чем пепельно-серый как у вырезок. Я скольжу взглядом по нескольким предложениям про цены на воду и черные рынки. Имя Барсука появляется дважды. На этой бумажке нет Франконианский метки и лишь внизу написано, что это «*Предвестник Бон Харбора*» и после прочтения, его следует сжечь.

Я хмурюсь от противоречивых историй, пробегая своим большим пальцем по имени Барсука.

Эйден выходит из ванной, и я убираю «*Предвестник*» и письмо Мэй в карман. Я позже покажу их моему отцу, но в данный момент, мы должны двигаться.

Прим. переводчика:

* Экспат (expat) — это английский термин, являющийся сокращением от expatriate и означающий «нахождение вне родины».

**Сейнер (англ. seiner, от (purse) seine — (кошельковый) невод) — рыбопромысловое судно для лова рыбы снюрреводом или кошельковым неводом, который также может называться сейной (англ. seine).

НА УЛИЦАХ ЦАРИТ ТИШИНА В то время как мы по ним пробираемся. Мы минуем здание, увенчанное на вершине крестом. Внутри здания раздается пение людей и по одной свече горит в каждом его окне. Большинство других зданий в городе темные и, казалось бы, обманчиво свободные. Мы замечаем только одного члена Ордена по пути к гавани. Он стоит, прислонившись спиной к кирпичной стене, глядя на звезды вместо улицы, на которую он по идее должен смотреть.

Когда мы добираемся до доков, остальная часть группы уже там. Лошадей нет, и я полагаю, отец с успехом их продал.

Бри встречает меня кратким кивком.

— Хорошая стрижка.

— Я думал, что ты со мной не разговариваешь.

— Я и не разговариваю. Но прелестно узнать, что ты не умер. — Она поворачивается и направляется к Ксавье и Сентябрю, обсуждающих что-то, что называется *приливом*.

Мой отец сканирует город с помощью бинокля. Клиппер делает то же самое.

— Три огонька в верхнем окне, один — во всех остальных, — сказал ему Оуэн. — Это сигнал.

— Там — восклицает Клиппер, указывая на крохотный домик в бухте.

— Хорошо, что все заняты празднеством — произносит Бо. — Иначе добраться до этого дома незамеченными будет непросто.

— Да уж, да здравствуют праздники, — пробормотал Сэмми позади меня. — И именно таким образом я люблю их проводить. — Расти гавкнул, как бы соглашаясь с ним, а половина команды одновременно шикнула на него.

Когда мы добираемся до отмеченного дома, отец стучит в дверь на некий забавный манер, который, как я думаю, является еще одним сигналом. Дверь рывком открывается и свет заливают улицу. Человек, стоящий перед нами — полный, но энергичный, с густыми бровями и с еще более густыми и широкими усами. Между его зубов находится трубка, создавая такое впечатление, что она оттуда произрастает.

— Счастливого Рождества, друзья! — говорит он. — Входите, входите! А то близок комендантский час.

Когда мы входим для получения инструкций в его теплый, тесный дом, шум океана исчезает после закрытия двери.

Капитан Исаак Кристофер Мерфи — самый суеверный человек, которого я когда-либо встречал. Он почти теряет сознание, когда узнает, что на борту его корабля будут женщины.

— Это не было частью соглашения, — разглагольствует он. — Райдер не упоминал о женщинах. Я не потерплю этого! Я таки бы не взялся за эту работу, если бы знал.

Исаак ходит по кругу маленькой гостиной, попыхивая трубкой и утверждая, что женщины потопят его лодку. Это продолжается до того момента, как маленькая девочка заходит в комнату и указывает на полосатого кота Исаака, свернувшегося клубочком на коленях Бри, и только после этого Исаак наконец-то успокаивается.

— Па, смотри, — говорит она. — Дикси понравились тетя.

— Ну, это таки немного меняет дело, — говорит Исаак, после некоторых раздумий, — но мне по-прежнему не нравится эта идея. Это безумие — приводить женщин на борт.

Особенно с текущим положением вещей! Члены Ордена наращивают свое присутствие в городе. Вдоль границ растет напряженность. Когда я месяц назад занимался рыбной ловлей с моим постоянным экипажем на западном берегу Залива, ветер нам принес, что ЭмВест пытается убедить граждан ЭмИста перейти их сторону. «Настоящие патриоты это Экспаты», — говорили они. Вы слышали этот треп? — В этот момент мне сразу вспоминается письмо Мэй, как Исаак начинает задыхаться и его трубка вываливается из его рта.

— И нас будет тринадцать! Тринадцать, включая Дикси. Еще-таки больше невезения. Не говоря уже то том, что не очень-то комфортно с десятью, а тут — тринадцать! Нет, я этого не потерплю.

— Вообще-то четырнадцать, — говорит Бри. — Если вы подсчитаете Расти.

— Собак не считаю, — отрезает Исаак таким тоном, как будто это настолько очевидно.

— Но вы подсчитали кота.

— Конечно, подсчитал. Кошки приносят удачу на корабле.

— Подождите минутку, — говорит мой отец. — Не все отправятся на борт, так что количество не будет проблемой. Сентябрь останется в Бон Харборе.

— Я, что? — сказала Сентябрь, удивленная, также как и я этой новостью.

— Мы согласились взять с собой Эйдена до ближайшего города, и предстоящий этап нашего путешествия — это не место для маленького мальчика. Но так как мы не можем просто бросить его на улице, я надеюсь, что ты, Сентябрь, сможешь найти ему с Расти хороший дом. Затем нам нужно, чтобы ты выжидала, пока мы не сможем отправить для тебя сообщение, чтобы ты можешь присоединиться к нам. Так что ваше число падает до десяти, Исаак. Одиннадцать, если вы настаиваете на подсчете кота.

— Мы таки установили, что кошки считаются, — проворчал он. — Мне все еще беспокойно по поводу женщин, но, полагаю, что у меня нет выбора в этом вопросе. Не можем же мы сесть на мель с друзьями друзей. — Он попыхал своей трубкой еще некоторое время и добавил: — Я таки предполагаю, что вы, дамы, не будете готовы находиться голыми на борту? Голая женщина — это к удаче, так чтоб вы знали.

— Вы бредите, — сказала Бри. — Мы останемся в одежде и все будет хорошо.

— Что насчет тебя, десятая? — спросил Исаак, подняв свои кустистые брови на Эмму.

Она просто краснеет и опускает взгляд на руки. Бри толкает ее плечом и шепчет:

— Давай, Эмма. Не позволяй ему поставить тебя в неудобное положение. Пусть засунет это себе куда подальше.

Но прежде чем она что-то делает, разносится визг со стороны дочери Исаака и Эйдена. Девочка обучила его новой игре, где они соединяют кулаки и борются, чтобы придавить большой палец друг друга.

— Кэтрин, дитя мое. А ну живо в кровать! — Исаак направляется в сторону коридора. — Если ты ждешь, что Санта Клаус придет к тебе с маленьким подарочком, то ты должна будешь уже спать прежде, чем я досчитаю до трех. Один... два...

Но Кэтрин уже убежала. Эмма повела Эйдена следом за ней.

— Моя сестра придет сюда рано, чтобы позаботиться о Кэтрин. Я бы предпочел уйти до того, как она придет — эта женщина болтает без умолку — так что отдыхайте пока можете. — Исаак посмотрел на меня, как будто увидел меня в первый раз, несмотря на то, что я пожал ему руку, когда мы вошли. — Ты... Ты тот парень на плакатах.

Я киваю, и он поспешно закрывает шторы.

— Мне таки это не нравится, — повторяет он еще раз, что заставляет меня думать, что Исааку вообще ничего не нравится. — Сейчас не лучшее время, чтобы бы пересекать Залив с беглецами. В целом быть в Заливе — уже плохо. — Он задувает свечи в передней части дома и так же зашгоривается.

— Райдер говорил, что ты человек, которому мы можем доверять, — сказал мой отец. — Если это правда, я уверен, что ты не веришь всему, что пишут на Франконианском плакате.

— Конечно, нет, — бормочет Исаак. — Как я могу, когда Орден продолжает патрулировать наши улицы, как будто мы преступники и снимает с нас налог на питьевую воду, как будто она золотая? Они собираются сломить меня. Мне пришлось начать покупать воду у этого человека, что приходит от *Барсука*. Такие парни как он изворотливые, но его вода чистая и дешевая, и я принимаю такую сделку. Даже если он *живет* в ЭмВесте.

— В ЭмВесте? — эхом повторяет Бо. — Я думал воду достаточно трудно доставить таким путем.

— Предположительно так оно есть, но они будут обменивать ее только по хорошей цене: за информацию. Все что угодно о Франконианском Ордене, до чего они смогут дотянуть свои руки, настолько долго, насколько это будет заслуживать доверия, а я узнал кучу всего об особенностях Орденского мореходства за время моего пребывания в Заливе. Они что-то замышляют. Не знаю что, но это понемногу сгущается вокруг Ордена, и если это заставит Орден от меня отвязаться, я не буду жаловаться. Знаете, таки я иногда ловлю себя на мысли, а что если эти ребята из ЭмВеста — такие же как мы, только застрявшие на противоположной стороне линии, проведенной по песку.

Исаак тянется к последним занавескам и зашгоривает их.

— Мы уйдем задолго до рассвета, — объявляет он нам. — Выкидывайте свои черные шмотки — вы не будете носить их на моем корабле — не смейте произносить слово «*утонуть*» на палубе, и когда вы шагнете на борт, то это будет с правой ноги, иначе вы накликаете бурю и похороните нас в Заливе. Все понятно?

Все кивают, но когда Исаак уходит спать, Бри бормочет:

— Какая чушь.

Мы располагаемся в крошечном доме, положив спальные практически внахлест. Те в группе, кто еще не помылся, по очереди идут в душ. Я плюхаюсь между Бо, который напевает песню о красных ягодах с закрытыми глазами, и отцом, который чистит винтовку. Я показываю ему письмо Мэй и статью «*Предвестника*». Он читает молча, морща лоб.

— Что это значит? — спросил я, когда он протянул их мне обратно.

— Я не знаю. Это может означать много чего. «*Предвестник*» — это явно подпольное издательство, выпускающийся людьми из этого города. Таким образом, его факты только хороши как слухи, которые, должен сказать, не хороши вообще. А что касается письма? То это всего лишь девушка пишет рыбаку, скорее всего, она встретила его на море и влюбилась.

— Но слухи в «*Предвестнике*» соответствуют большей части письма Мэй, плюс являются частью из того, что рассказал нам Исаак. И, кроме того, в слухах же всегда доля правды, разве нет?

Мой отец кивает и одновременно хмурит брови.

— Очень хорошее замечание.

Я наблюдаю за ним, как он чистит шомполом ствол.

— Я просто... Я думаю, что было бы глупо не заглянуть туда.

Он кладет оружие на пол.

— Дайка мне посмотреть еще раз. — Я протягиваю ему бумаги, и он читает снова. Дважды. — Мы завтра снова поговорим с Исааком. Попытаемся вытащить из него больше. Я думаю, я мог бы заставить Сентябрь порыскать по городу, когда она решит вопрос по поводу Эйдена. Посмотрим, сможет ли она подтвердить эти слухи.

Я киваю и залезаю глубже в спальный мешок. Я не уверен, что из этого выйдет, но вроде надо действовать в этом направлении: расследовать эти странные рассказы пока правда сама себя не раскроет. Я бы до сих пор сидел в Клейсуге, если бы не сделал то же самое после возникшего сомнения в Похищении.

Позади меня, я слышу шипение Дикси, когда Джексон пытается уговорить ее лечь к нему на колени. Ему потребовалось много времени, чтобы завоевать Расти. Я не знаю, почему он считал, что ему будет сопутствовать успех с котом. Клон Блейна встает у меня перед глазами, и я вспоминаю, что я не смог почувствовать его истинную природу, и из-за этого я чувствую себя немного жалким из-за того, что мои инстинкты намного хуже, чем у домашнего животного.

— Ты уверен, что нам следует брать с собой на борт Копию? — спросил я отца.

— Для него будет легче легкого связаться с Орденом в Бон Харборе. И я не хочу сожалеть, оставив его позади, если вдруг у Клиппера возникнут осложнения с Внешним Кольцом.

Дикси снова шипит на Джексона, и меня накрывает беспокойство, что отец идет на большой риск, чем когда-либо после того, как мы оставим Эйдена позади и будем находиться на лодке. Ребенок каким-то чудом пробуждает в Джексоне какое-то подобие человечности.

— Ты должен поспать, Грей, — говорит мой отец. — Возможно, это не будет так же легко, как только мы окажемся на воде.

Я поворачиваюсь и пытаюсь заглушить постукивание Бо. Снаружи ветер ударяется об дом. Далекий шум океана практически заглушил скрип половиц и свист сквозняков. Кажется, мои глаза закрылись только на одно мгновение, когда вдруг кто-то трясет меня за плечо.

Настало время поприветствовать море.

ИСААК С УТРА БЫЛ в бешенстве.

— Поторапливайтесь, — подгонял он. — Орден последние несколько недель в случайном порядке проверяет лодки, перед тем как они отчалият, и я хочу исчезнуть, прежде чем они начнут рыскать по берегу. — Давайте, поспешите!

В спешке мы быстро попрощались. Сентябрь обещала позаботиться о Эйдене и найти ему самый лучший дом. Мы все заглянули в спальню перед уходом, даже Копия. Темные волосы Эйдена разметались по подушке, а Расти лежал, свернувшись калачиком у его ног.

Мы собрали пожитки и вышли на улицу под бубнеж Исаака о раннем отъезде и о том, что мы обязательно пойдем ко дну, если не поторопимся. Когда мы добрались до доков, большая часть команды была напряжена. Даже Сэмми казался взволнованным.

Корабль оказался больше, чем я ожидал, выглядя нависшим гигантом, выходящим из густого, утреннего тумана. Сэмми говорил, что это рыбацкая лодка, точнее, *рыболовное судно*, но я не представлял, что смогу находиться на чем-нибудь таком настолько массивном. Он смеялся над этим и говорил, что лодка средних размеров, но когда я оглядываю гавань, то понимаю, что немногие суда превзойдут судно Исаака в масштабе.

Небо едва начинает светлеть, но я могу разобрать надпись «*Кэтрин*», написанное на боку лодки. Интересно, а корабль назван в честь дочери Исаака в знак удачи или просто потому, что он любит своего ребенка настолько, что ее имя заставляет его почувствовать себя рядом с ней, когда он в море. Когда мы в это утро уходили из дома, капитан оставил на деревянной столешнице у камина фрукты вместе с куклой, что склоняет меня в сторону последнего.

Исаак не позволил нам взойти на борт, пока не плюнул в море — еще один ритуал на удачу — и пока не предупредил нас еще раз о том, что мы должны вступить на борт с правой ноги.

— Он что-то с чем-то, да? — говорю я Бри, когда мы петляем по доку.

Она смотрит вперед, держась руками за лямки рюкзака.

— Я про капитана, — уточняю я. — Все эти суеверия.

— Прости, — произносит она, издевательски усмехаясь. — Ты что-то сказал?

— Бри, ты не можешь постоянно избегать разговора со мной.

— Отвали от меня, — огрызается она и залезает на борт.

— Ай-ай-яй! — ругается Исаак. — Первой должна быть правая нога! *Правая!*

Бри раскидывает руки в стороны и даже, несмотря на то, что она спиной ко мне, я уверен, она закатывает глаза. Она находит опору и продолжает двигаться вперед.

Сэмми слегка толкает меня в плечо.

— Что происходит с вами двумя?

— Ничего. Просто Бри — это Бри.

Он смотрит с сомнением.

— Она пугает меня. Я не знаю, как ты миришься с ней.

В данный момент Бри спорит с Исааком о чем-то насчет *нелепых правил и бредовых суеверий*.

— Она и меня пугает, — признаю я. — Я думаю, она пугает всех.

Сэмми смотрит на меня, и я не могу понять по его лицу, о чем он думает.

— Проходи. Давай поднимемся на борт, прежде чем Исаак увидит что-то несчастливое в стоянии в доке и задерживающее наш отъезд.

На палубе нам немедленно придумали работу. Нам с Сэмми, в конечно итоге, досталось сворачивать самые толстые веревки, которые я когда-либо держал в руках, тогда как Исаак поспешно ушел готовить корабль к отплытию. Он продолжал глядеть на берег, но за исключением нескольких других рыбаков, город все еще спал.

Через некоторое время двигатель лодки, тарахтя, оживает и затем отправляет нас в море. Земля исчезает, дома Бон Харбора уменьшаются в размерах. Вскоре люди на берегу становятся крохотными силуэтами. Я моргаю, и они исчезают в тумане. Теперь остались только мы с лодкой, балансирующие на беспокойной воде, плывя на северо-запад.

Будучи окруженным такой синевой со всех направлений, мне кажется, что я упал в небо. У меня появляется немного параноидальная мысль, что из «земли» есть только палуба, на которой я стою. Из-за всего этого я начинаю чувствовать тошноту и в виде отвлечения брожу с Сэмми.

Все составляющие лодки именуется достаточно распространенными названиями, но слова, кажется, приобретают новый смысл на воде. На корабле есть мостик, но это не имеет ничего общего с пролетом, он просто является приподнятой частью корабля, где находится капитан и командует судном, наблюдая за главной палубой.

Мостик располагается рядом с, что Сэмми называет, рубкой — и это не дом вовсе, а комната, защищенная от непогоды и начиненная навигационным оборудованием с капитанским стулом и столом, покрытым в настоящее время картами. Вокруг нее располагается небольшая палуба, огибающая рубку, на которую выходит много окон или, правильнее, иллюминаторов. Несколько лестниц, которых Сэмми называет трапами, ведут на корабельную палубу. Они выглядят достаточно крутыми. Ниже, под палубой, расположены каюты экипажа, заполненные койками — этим причудливым словом обзываются кровати, стоящие штабелями одна поверх другой.

Лодка без предупреждения кренится и мой живот скручивает.

— Воздуха, — говорю я Сэмми. — Мне нужен воздух.

По возвращению на палубу, ветер разгулялся и дует яростно. Я придерживаю свою шапку и цепляюсь за перила, пытаюсь успокоить дыхание. Мои ноги прочно стоят на палубе, и все же я чувствую, как они трясутся независимо друг от друга.

— Ты позеленел, — к нам присоединяется Клиппер, держась за перила.

— Неа, — сказал Сэмми, улыбаясь. — Он бледен, как призрак. Цвета полностью покинули его.

— О нет. Лучше помогите. — Каждый из них смотрит на меня с такой жалостью, что я запрещаю себе вывернуться перед ними наизнанку. Понятно, что Бри была права, говоря, что на море меня будет тошнить. Ну почему она должна быть права?

— Ты думаешь, что сейчас тяжело? — спрашивает Клиппер. — Просто подожди, когда начнется буря.

Сэмми улыбается.

— Может быть, мы должны посадить его в шлюпку и тащить за нами. Он направился к небольшой лодке, привязанной на палубе, которая вряд ли вместит больше пяти человек. — Тогда он поймет, как ему хорошо, и что эта штука прорезает волны, как нож.

Они уходят прочь, смеясь над моим несчастьем. Я ненавижу их за это, но в то же время это странным образом меня успокаивает, эти дружеские подколки. Это почти так же

хорошо, как когда Блейн находится рядом.

* * *

Мы выпили за праздник. Исаак предложил нам большой кувшин с прозрачным алкоголем, но отказался участвовать в празднестве.

— Мы таки кажись, избежали этой проверки в городе, — сказал он, — но это не означает, что Орден не остановит нас, если у них появится шанс. Хотя я направляю этот корабль подальше от их стандартных маршрутов, так что это будет подобно тому, как найти иголку в стогу сена. Ладно, не позволяйте мне омрачать ваше веселье. — Он развернулся в сторону штурвала, выглядя немного разочарованным.

Нам, наверное, следовало быть более обеспокоенными словами Исаака, но Ксавье сгреб кувшин с алкоголем в охапку и мы сели в круг за тесный стол. Я думаю, мы все просто хотели забыть о том, что нам все еще нужно оглядываться назад.

— Так кто-то верит в этот бред об Экспатах? — спрашивает Сэмми, когда кувшин преодолевает свой путь от человека к человеку. — Что это граждане ЭмВеста, находящиеся в оппозиции к Франку — вроде как Повстанцы, только застрявшие по другую сторону границы?

Бо морщит нос.

— Если они собирают компромат на Орден и в процессе этого помогают среднестатистическим гражданам ЭмИста, то, конечно, монстрами их не назовешь.

Я рассказываю всем о письме Мэй и о *«Предвестнике»*. Исаак соглашается с последним.

— Эта вещь написана группой местных жителей Бон Харбора практически с просьбой быть арестованными. Они ненавидят Орден, всегда ища способы, чтобы переплюнуть их. Я держу пари, они хорошо вписываются в вашу жизнь. Хотя этот отзыв о торговле с Барсуком сэкономил мне кучу денег. Я слышал, что он даже не принимает новых клиентов: слишком занят.

— Если ЭмВест не отличается от Повстанцев, то почему они напали на Таем прошлым летом? — спросила Эмма. Я вспоминаю самолеты, которые я видел с крыши Центра Объединения. — Они бы убили столько невинных людей, если бы их миссия увенчалась успехом.

— Может, они считают, что это была бы вынужденная жертва, — предполагает мой папа. — Я не говорю, что я согласен с этим, но если их целью было только устранение Франка, они, возможно, думали, что это был их единственный вариант.

— Сомнительная мораль, если хотите узнать мое мнение, — сказал Сэмми, и затем, как будто это переполняет его, добавляет: — По крайней мере, у них имеется пробивное название.

— Как это?

— Ну, так называли на Западе каждого с Востока, кто экспатриировал, то бишь отказался от гражданства во время Войны, из-за того, что Запад *захотел* отделиться. Они были рады отказаться от своей страны. Но теперь, это выглядит так, как будто они приняли то, что раньше скорее было оскорблением и воспользовались этим. Это как плевок в лицо

Франка.

— Это слишком парадоксально, — сказал Исаак, управляясь со штурвалом. — Особенно учитывая их новый лозунг, как они говорят о борьбе с Франком — что это поистине *патриотический акт*.

Кувшин достигает меня, и я делаю глоток, прежде чем передаю его Бо.

— А по поводу того вируса, который они выпустили в начале войны? — спросил он. — Это было патриотично?

Исаак пожимает плечами.

— Мой старик всегда говорил, революционеры и террористы это одно и то же. В этом нет логики, но в то же время так оно и есть. И от этого у меня голова трещит.

Мой отец хмурится, задумавшись.

— Этот вирус был выпущен несколько десятилетий назад, так что люди, ответственные за это, вероятно, уже ни при делах. Может быть, мы не так уж много знаем об ЭмВесте, о Экспатах, как нам кажется.

Эмма выглядит, как будто она хочет снова напомнить об их воздушной атаке, но Бри перебивает ее.

— Мне все это кажется ужасно подозрительным. И чего это эти слухи и рассказы внезапно посыпались на нас.

— Мы *направляемся* на запад, — замечает Ксавье.

Сэмми оживленно стучит по столу.

— Да, может быть, мы все это слышим потому, что мы движемся по направлению к источнику. Может быть, эти рассказы умолкают, не достигнув Таема.

Мой отец поднимает бровь.

— А может быть Франк заставляет их умолкнуть.

— Погодите! — говорю я, когда одна мысль озаряет меня. — Помните, когда Копия смеялся по поводу наших планов насчет Группы А? Он сказал, что Франк оказывает нам слишком много чести, что мы собираемся найти единомышленников на Западе. Ну, может он имел в виду запад-запад. То бишь ЭмВест! Может быть, Франк *знает*, что они стали бы хорошими союзниками для нас и вот почему он был так одержим желанием остановить эту миссию.

Все повернулись и уставились на Джексона, который прислонившись к стеклу иллюминатора, выглядел скучающим.

— Думайте, что хотите. Если мы вернемся к нашей сделке, единственное что я сделаю для вас — это дам вам преодолеть Внешнее Кольцо.

Оуэн встал.

— Я оставил Сентябрь, чтобы она выяснила все об этих слухах об Экспатах в Бон Харборе, но, возможно, она должна будет попытаться выйти на связь с Райдером вместо этого. Я хотел бы знать, что он думает об этом всем.

Он вскарабкался к радиостанции находящейся рядом с Исааком, отчаянно пытаясь позвонить, прежде чем мы выйдем из зоны действия сети. Наши размышления продолжались до тех пор, пока алкоголь не начал греть нас, убеждая нас перевести серьезный разговор на что-то более расслабляющее. Когда Оуэн присоединяется к нам за столом, Эмма предлагает поиграть в игру «Маленькая ложь», или, как Повстанцы называют ее в Долине Расселин — «Бред сивой кобылы».

Такое впечатление, что мы играем уже несколько часов, каждый произносит пять

предполагаемых фактов, а группа пытается угадать, что из этого ложь. Ксавье проговаривается, что ненавидит кошек, и каждый сует ему Дикси весь оставшийся вечер. Клиппер с моим отцом признаются, что боятся высоты, о чем я, возможно, догадывался по поводу парнишки, но не по поводу Оуэна. История о том, как отец Сэмми был казнен за подделку карточек для получения воды, портит всем настроение. Бри делится несколькими смущающими фактами от том, что произошло в ее жизни, которые мне бы слышать не хотелось: как она на спор переходила голая ядовитый плющ, еще в детстве мочилась в постель, как у нее начались первые месячные во время охоты и она пришла домой с пустыми руками, опасаясь, что умирает.

Команда истерично смеялась. Щеки Бри зарделись, но я уверен, что не от стыда. Она просто позволила алкоголю выставить все напоказ. С нами со всеми это произошло. Я так часто прикладывался к кувшину, что моя голова закружилась. Мостик стал как в тумане — лица вокруг стола тоже. Это Бри во всем виновата. Она продолжает распознавать мою ложь без каких-либо реальных усилий и это сводит меня с ума.

— Я таки думаю, что этого достаточно, — сказал Исаак, забирая почти пустой кувшин спустя некоторое время. — Мне не хота помогать вам справляться с похмельем завтра с утра.

— Ну, вот это то ты получишь все равно — промямлил Сэмми. — По крайней мере, сс мной.

Оуэн игриво бьет его по затылку и группа ржет. Я не могу вспомнить, когда мы последний раз так сильно смеялись. Это здорово. Я улавливаю, как Эмма улыбается мне с другой стороны стола, ее улыбка — это приглашение.

— Исаак прав, — говорит мой отец. — Давайте закругляться.

Но в моей голове внезапно растет возмущение. Все кружится.

— Ты в порядке? — спрашивает Ксавье, когда я отказываюсь вставать вместе с остальными.

Я упираюсь головой в свои руки, лежащие на столе.

— В порядке.

— Ну конечно, — говорит Бри, и ее голос пронизан злобой.

— *Я в порядке*, — повторяю я. — Я просто... а что так громко то...

Смех Ксавье бьет меня по ушам, словно бушует буря, и я прогоняю их. Рука Сэмми ложится на талию Эммы. Он взял это в привычку.

За исключением Исаака за штурвалом, я вскоре остаюсь один. Я думал, тишина поможет, но она заставляет мою голову кружиться еще больше.

Меня сейчас вырвет. Меня наконец-то стошнит.

Я встаю и спотыкаюсь об мостик. Мои ноги предают меня на трапе, ведущем на главную палубу, и я в конечном итоге оказываюсь на коленях, упираясь в палубу руками. Передо мной появляется пара сапог.

Ну, ну почему! Бри. Она последний человек, которого я хочу видеть прямо сейчас.

— Мне нужен свежий воздух, — мне удастся, как-то подняться на ноги — Это лодка. Мне плохо из-за нее.

— Ты уверен, что это не алкоголь? — Она расплывается, танцует передо мной, но я вижу достаточно хорошо, чтобы отметить ее самодовольное выражение лица.

— Ты выбрала лучшее время, чтобы начать снова разговаривать со мной.

«Кэтрин» кренится в бурной, черной воде, и я чуть не падаю. Бри хватает меня за локоть и помогает мне ухватиться за перила.

— Просто покончи с этим. Ты будешь чувствовать себя лучше после этого.

Я сжимаю холодный металл, повесив голову над краем. Мне нужно высвободиться. Я чувствую приближение тошноты, но делать это перед Бри кажется плохой идеей, как будто она выиграет какую-то игру, в которую, я не знаю, мы играли.

Я еще крепче сжимаю перила.

— Это неловко.

— Ты не единственный, кто слишком много выпил, — говорит она. — Тебе только кажется, что я трезвая, потому что ты набрался сильнее, чтобы понять разницу.

— Это из-за лодки, — снова спорю я.

— Ага, расскажи это себе, — говорит она с появившейся крошечной улыбкой.

Я закрываю глаза, что делает только хуже. Палуба, похоже, движется подо мной, независимо от волн. Я смотрю на море и даже горизонт, кажется, подпрыгивает, как сумасшедший. Корабль снова кренится и, наконец, меня рвет.

Я чувствую себя лучше, когда все заканчивается, даже если это не недолго. Я вытираю свое лицо рукавом и поворачиваюсь в сторону Бри. Она все еще размытая версия самой себя, и она ухмыляется.

— Что? Тебе кажется это забавным?

Она широко улыбается.

— Абсолютно точно.

— По крайней мере, я не наброшусь на тебя, — рычу я, вспоминая последний раз, когда мы с Бри были пьяны. Я держал ее, в то время как она умоляла, чтобы я поцеловал ее, а потом ее стошнило на мои сапоги.

Она хмурится, со злобой и яростью.

— Иногда я тебя ненавижу.

— Да? Ну, это взаимно.

Она разворачивается так быстро, что ее коса расплетается, но когда ее рука находит перила трапа, она останавливается.

— И почему то я все еще люблю тебя, — говорит она, глядя через плечо. — Я ненавижу тебя и я люблю тебя и я не могу никак выяснить, почему.

Мое сердце стучит. Из-за нее, или из-за этих слов, или из-за алкоголя. Я не могу сказать из-за чего.

Не то, чтобы это имеет значение.

Но она уже ушла.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КОГДА Я ПРОСЫПАЮСЬ Резкая и беспощадная головная боль давит мне на глаза, пронзает виски. Все кажется все как в тумане: в голове, в комнате, события прошлой ночи. Я помню только фрагменты — смех вокруг стола, Эмма смотрит в мою сторону, самодовольное лицо Бри, когда меня тошнит.

Я единственный лежу в койке, моя голова стучит от малейшего шума, когда входит Эмма, неся флягу. Она бросает взгляд на мою голую грудь, переводит взгляд на пол, стены, и, наконец, садится рядом с моими коленями.

— Это вода, — говорит она, подавая флягу.

Я делаю несколько глотков, и жидкость проливается на мой живот. Я охаю и отдаю ее обратно.

— Я обещаю, это поможет, — говорит она. — Надо ее выпить.

— Разве ты не можешь дать мне что-нибудь от тошноты?

— У меня нет даже и доли ингредиентов. Тебе просто придется бороться с этим с помощью сна и воды.

Я закрываю рукой глаза. В темноте, давление в моей голове становится менее интенсивным.

— С тобой все будет хорошо, — говорит Эмма, ее голос настолько мягкий, почти шепот. — С тобой так всегда. — А затем ее пальцы касаются моей кожи и прижимаются ко лбу. Я удивленно вздрагиваю и убираю руку, чтобы посмотреть на нее. Она смотрит на меня так же, как она смотрела на меня вчера за столом: почти шутливо.

— Ты не горишь, — говорит она, что удивляет меня, потому что ко мне липнет простынь. Она кладет ладонь на мой лоб, глядя на меня как на незнакомца, ее рот слегка приоткрывается. Как будто прошли века — она двигается и перекладывает руку на мою грудь. С ее прикосновением, я ощущаю знакомую боль между ребрами — слабее, чем раньше, но она все еще там, хоть и чуть-чуть, но отчаянно тянется к ней, что бы все исправить.

— Эмма! — кричит Сэмми сверху, с палубы. — Копия продолжает жаловаться на свои запястья. Хочет, чтобы ты осмотрела их.

Она поворачивает лицо в сторону выхода, прерывая контакт с кожей.

— Сейчас буду! — Когда она оборачивается ко мне, пространство между нами кажется невероятно огромным.

— Я должна пойти посмотреть, на что он там жалуется. — Она закусывает губу, небольшая полуулыбка расцветает на ее лице, и она спешно выходит из комнаты.

Сердце колотится, я поднимаюсь с кровати, тянусь за чистой одеждой. Я должен двигаться, занять себя чем-нибудь, что отвлечет меня от похмелья. Я не знаю, есть ли у Эммы намерения вернуться, но, наверное, будет лучше, не ждать ее здесь, если она вдруг надумает. Особенно когда она не дождалась меня.

Неудивительно, что мы не можем двигаться вперед. Я слишком занят, нежась в своей обиде, таща за собой барахло, которое уже случилось и никогда не изменится, несмотря на то, как сильно я желаю, чтобы все изменилось.

Джексон привязан к перилам, медицинская сумка Эммы лежит у него в ногах. Ее, однако, нигде не видно. Остальная часть группы моет палубу под ярким светом

послеполуденного солнца. Бри замечает меня, выпрямляется и хмурится. Мне кажется, что я оскорбил ее вчера вечером, но я точно не помню. Я больше никогда не буду пить. Это не только притупляет мозг, мутит чувства, а также ставит в неудобное положение, и на следующий день вы чувствуете себя абсолютным отбросом.

Я направляюсь на мостик в поисках отца, а нахожу только Эмму, склонившуюся над вещами Исаака в рубке. Дверь громко закрывается за мной, а она подпрыгивает, роняя что-то на стол.

— Грей! — Ее рука прижимается к груди. — Боже, ты меня напугал.

— Извини. Что ты здесь делаешь? Я думал, что ты должна была осматривать Копию.

— Я выскочила за свежими бинтами. — Она держит в руках куски материала, и я замечаю, что аптечка Исаака находится позади нее. — Ну, я думаю, я должна... — Она заглядывает в иллюминатор на палубу и протискивается мимо меня. Мой отец минутой позже заходит в рубку с Бо и Исааком.

— Мы сделаем остановку около западной части этого полуострова, — говорит Исаак, расстелив карту на столе. Он стучит по выступающему участку суши между двумя небольшими заливами на севере Нового Залива. — Мы должны достичь этого места до наступления темноты. После, мы напрямик поплывем к Пограничному Заливу, где вы сойдете.

— На открытой воде будет не очень-то хорошо, — говорит мой отец. — Вчерашний туман хоть как-то покрывал нас, но сегодня, мне думается, нас могут заметить за несколько миль.

— Ну, хорошая видимость в то же время — это замечательно, — сказал Бо, схватив бинокль, — я смогу впервые получить представление о другом купольном городе.

— На самом деле? — спрашиваю я.

— Там Хейвен. — Бо поворачивает карту по отношению ко мне. Город расположен на оконечности восточной бухты, на территории помеченной как Большая Вода. Это подходящее название, поскольку неподалеку находятся огромные озера.

— В такой как этот ясный день, у вас таки есть шанс заметить Комплекс, — говорит Исаак.

— О чем вы? Еще город?

Исаак ткнул на карте на остров в середине залива, находящийся немного южнее.

— Это таки еще одна территория под контролем Ордена, где по слухам происходит очистка воды. Они берут соленую воду и пропускают ее через длительный процесс опреснения, после чего, насколько я знаю, ее можно пить. Я хотел проверить, увидеть, смогу ли я немного припасть пресной водой, чтобы перестать полагаться на Барсука, но Орден охраняет этот остров подобно крепости. Вы сможете вступить на него только в том случае, если они сами вас туда притащат.

Он выпрямляется.

— Сейчас вам лучше сделать это, пока у вас таки есть шанс. Если вы действительно хотите произвести осмотр достопримечательностей. Погода может быстро поменяться.

Мой отец с Бо хватают по биноклю и выходят на небольшую, открытую палубу, окружающую рубку. Я следую за ними.

— Ты видишь это Грей? — Бо передает мне бинокль и указывает на север. Я вглядываюсь и уже готов отрицательно покачать головой, когда солнце вдруг пробивается сквозь тучи, и луч света от чего-то отражается. Далеко на горизонте сверкает крошечный

купол.

— Хейвен? — спрашиваю я.

Он кивает. Я восхищаюсь городом в течение длительного времени, но от блеска купола моя голова еще больше раскалывается. Я передаю бинокль обратно Бо.

Снова становится холодно, учитывая то, как резко мы повернули на северо-запад. Холодный ветер бьет меня по носу и ушам. Оуэн по-прежнему сканирует юг, пытаюсь отыскать расположение Комплекса, когда я ловлю взгляд Исаака через стекло иллюминатора. Паника внезапно накрывает его, он крутит руль и что-то бормочет в рацию. Потом он швыряет ее в сторону и резко открывает дверь, присоединяясь к нам.

— Вы видите что-нибудь на юге? — кричит он стараясь перекрычать ветер.

— Ничего, кроме нескольких пятнышек на воде, рыбацкие лодки, наверное, — говорит мой отец. — А что?

— Эт' не хорошо, парни. Эт' таки совсем не хорошо. — Исаак потирает лоб. — Мне радировали из Ордена. Они хотят, чтобы я бросил якорь вдоль ближайшего берега и ждал абордажа. Сказали, что находят подозрительным то, что я вчера так рано покинул порт и поэтому они придут ко мне на импровизированный досмотр. Я сказал им, что я ничего такого, просто хотел уйти пораньше и попытаться счастья в западной части залива, но их уже отправили за нами вдогонку. — Он сканирует горизонт, потирает затылок. — За нами пока нету хвоста. Мы должны бежать.

— Нет, это слишком рискованно, — говорит Оуэн. — Как только мы будем рядом с землей, тебе следует бросить якорь, как они требуют. Мы уйдем. Нам придется больше пройти ногами, чем мы планировали, но, по крайней мере, твоя история будет похожа на правду, когда они поднимутся на борт. А наша команда будет находиться слишком далеко, чтобы они нас догнали.

— Мне так хота, чтобы это сработало, — сказал Исаак, — так... ближайший бережок? А что насчет полуострова, к которому мы приближаемся? Там обрыв. Орден будет рядом с вами за считанные минуты. Нам надобно плыть дальше до Пограничного Залива и там будет безопасно сойти. Завтра утром, наверное, иль сегодня вечером, если время будет на нашей стороне.

Мой отец нахмуривается и смотрит на юг.

— Как они нас нашли?

— Эт' то, что меня волнует. Мы не единственная лодка, вышедшая вчера рано — я видел полудюжину доков уже пустых к тому времени, когда мы отчалили — и было туманно, как все могло еще быть несколько часов после этого. Я не понимаю, как, иль когда, они выявили нас.

— Что означает... — Бо смотрит вниз на палубу.

— Чертова Копия, — проговорил мой отец сквозь зубы. — Я не знаю, как... но если он... Я собираюсь... Он пихает свой бинокль в мою грудь и в ярости уходит.

Когда мы садимся ужинать, я нервничаю. Все в таком же состоянии. Мы с помощью бинокля обнаружили судно на юге, которое выглядит больше, чем остальные рыболовные суда. Джексон утверждает, что не имеет ничего общего с ним, но лодка явно следует за нами, как отбрасываемая тень. Она нагоняет нас. Исаак беспокоится, что она будет гораздо ближе утром, чем бы нам хотелось.

Я никогда не чувствовал себя таким пойманным в ловушку. С палубы «Кэтрин» некуда бежать. Нет деревьев, куда залезть, нет валунов, чтобы за них спрятаться, нет пещеры, чтобы

переждать внутри.

Я решаю, что ненавижу море. Оно безжалостное.

Команда ест в тишине, мой отец неотрывно смотрит на меня через стол. Он выглядит странно отдаленным. Рот его непривычно искривляется, пытаюсь вытянуться в бороде в улыбку, но претерпевает неудачу. Он опускает подбородок вниз, глядя на свою недоеденную еду, и тяжело сглатывает. Затем, без предупреждения, он хватается Джексона за ворот. В беспорядке все падает на пол, когда как Оуэн тянет Копию за ноги и вытаскивает его наружу. Мы все смотрим через иллюминатор, находясь в шоке.

— Ты действительно уверен, что не знаешь его? — кричит Оуэн. Джексон стоит там, подавленный, и отец ударяет его коленом в брюхо. — Я задал тебе вопрос!

Джексон смотрит на юг.

— Слишком темно, чтобы сказать наверняка.

Мой отец бьет его и ясно, с того места где мы находимся, слышится хруст разбитого носа Джексона.

— Ты вызвал их? Это ты им как-то донес?

Джексон наклоняется, хватая ртом воздух. Оуэн хватается за рубашку и бросает его на стекло иллюминатора рулевой рубки.

— Мой сын на этом корабле. Мой сын и восемь других жизней, и только одну я не боюсь потерять — твою. Я выброшу тебя за борт, если надо. Ты отзовешь их. Сделай это немедленно!

— Я не могу. Я не знаю как.

Оуэн бьет его снова.

— Я говорю правду, — Джексон, задыхаясь, кашляет. Свои связанные руки он держит перед лицом, судорожно пытаюсь укрыться. — Я не знаю. Я не могу.

Но Оуэн бьет его снова и снова, и наконец, до меня доходит выбежать наружу и оттащить отца от него. Глаза Копии уже опухли, лицо стало окровавленным месивом. Мой отец сильнее меня и он вырывается на свободу. Он бросается на Джексона снова, но останавливается на полпути, поворачиваясь ко мне лицом.

— Я не хочу потерять тебя из-за него. Я не позволю этому монстру стать нашим концом.

Он плюет на ноги Копии и идет вовнутрь.

— Мы сходим рано, — говорит он группе. Все молчат, не говоря ни слова. Даже Сэмми не выдает что-то умное. — Меня не волнует, если мы подозрительно близко к обрыву, мы должны сойти с этой лодки, прежде чем они догонят нас. Завтра, когда будет достаточно светло, чтобы увидеть берег, мы уходим.

Исаак кивает, когда Оуэн уходит прочь, а Эмма ускользает за медицинскими принадлежностями, чтобы позаботиться о Джексоне.

СОЛНЦЕ ЕДВА ВЗОШЛО, а небо заволокло тяжелыми и зловещими тучами.

— Будет снег, — предсказывает Ксавье.

Но нам всем кажется, что надвигается что-то гораздо худшее.

Лодка на нашем хвосте, несомненно, является судном Ордена. Она гигантская и затмевает наше судно даже на расстоянии. Она достаточно близко к нам, чтобы с помощью бинокля увидеть Франконианскую эмблему на ее борту — красный треугольник с буквой «Ф» в его центре написанной курсивом — но не настолько близко, чтобы разобрать людей на ее борту.

Исаак направляет «Кэтрин» к тому месту, которое он выбрал в качестве отправной точки. Холода видимо не достаточно, чтобы напомнить нам, что мы едем на север, так появился еще и снег. Тонким слоем он покрывает то, что, как я предполагаю, является песчаным пляжем, и ветки деревьев, находящихся от него на небольшом расстоянии. Отвесные, выступающие скалы слева от нас очистились от снега в результате обрушивающихся на них волн. Исаак утверждает, что скалы, выступающие от берега, защитят нас — «Кэтрин» способна маневрировать на мелководье не задев дна, в отличие от большой лодки Ордена.

Начинается суматоха, когда Ксавье нагружает шлюпку. Она маленькая и не рассчитана на вес пяти человек, что до сих пор не было проблемой для Исаака. Он утверждает, что он редко рыбачит с экипажем больше, чем четыре человека. Для нашей команды со всем нашим снаряжением потребуется две ходки, чтобы доставить всех и вся на землю.

Мы стоим на палубе, готовясь сделать первую ходку, когда слышим далекий гул. Он сначала слабый, как ливень, усиливающийся за деревьями на береговой линии, а потом три машины появляются в поле зрения. Я мгновенно понимаю, что происходит. Лодка Ордена специально подвела нас к этому месту, этого они от нас и хотели.

Мы незамедлительно ложимся на палубу на животы. Я слышу, как останавливаются транспортные средства и за этим следует открытие и закрытие дверей.

— Исаак Мерфи! — проносится с берега мужской голос. Он, должно быть, использует что-то усиливающее голос, потому что он звучит так, как будто стоит на палубе. — Капитан «Кэтрин». Покажись.

Я слышу, как дверь рубки отворяется, а затем бухают тяжелые шаги Исаака по открытой палубе мостика.

— Рад, что ты наконец-то готов к сотрудничеству, мистер Мерфи. Теперь брось якорь.

— Боюсь, я таки не могу этого сделать, — кричит Исаак. — Якорная цепь заржавела несколько недель назад, и я ишо не заменил ее.

— У нас есть записи с неделю назад заявляющие, что «Кэтрин» была в отличном состоянии, — продолжает человек. — Теперь человек, покинувший порт, избежав инспекции, заставляет меня думать, что он что-то скрывает. Например, воду. Воду, которую он закупил у мразей ЭмВеста и теперь возжелавший заработать на этом. Если это неправда — если ты не сделал ничего плохого — тогда у тебя нет причин бояться нас.

— Эт' не имеет ничего общего со страхом, — кричит Исаак, — а так же то, что, у вас таки нет доказательств, что я сделал что-то плохое. Эт' мой корабль. Вы можете подняться на борт, когда я приглашу вас, че никогда не случится.

Член Ордена медленно вздыхает.

— Бросить якорь сейчас же. Я в последний раз тебя прошу.

— Эт' моя собственность, купленная на мои таки собственные деньги, и у вас нетути никакого права подниматься на борт, что вы чертовски хорошо...

Слышится выстрел. Птицы в испуге разлетаются с близлежащих деревьев, и я слышу, как оседает Исаак.

Этого не должно было случиться. Этого не может быть. Но когда я смотрю в сторону мостика, Исаак резко падает у рулевой рубки и лежит неподвижно. Весь иллюминатор над ним в пятнышках крови.

Я бормочу проклятия, слыша, что мой отец делает то же самое рядом со мной.

С берега раздаются крики.

— Делайте плот. Мы заберемся на борт и бросим якорь.

— Хрен вам, — бормочет Сэмми.

Все смотрят на моего отца. Он кивает, и мы вскакиваем. Бри производит первые выстрелы в сторону берега и в ушах начинает звенеть. На пляже не более десятка членов Ордена и даже если они начнут отстреливаться, мы с легкостью уничтожим половину из них. Остальные заползают за свои транспортные средства, прикрываясь ими. Они стреляют в нас, когда у них появляется на то возможность, но «Кэтрин» своей броней прикрывает нас.

Сэмми убегает, только чтобы вернуться с ветошью, смоченной в чем-то зловонным.

— Дизель, — говорит он. — Из машинного отделения. Они думают, что уберутся отсюда на одном из этих автомобилей?

Я киваю, не уверенный, как этот вонючий клочок ткани поможет нам, но после того, как он обворачивает одну из моих стрел этой зловонной тряпкой и чиркает спичкой — она загорается. Одна из машин находится далеко за пределами зоны обстрела, но с хорошим прицелом, я мог бы попасть в остальные. Бри с Сэмми прикрывают меня, когда я стою и целюсь огненной стрелой. Стрела залетает в окошко ближайшего автомобиля и вонзается в сиденья, медленно воспламеняя автомобиль изнутри.

— Давай-ка повторим с другим, — говорит Сэмми, и мы повторяем процесс.

Я поджигаю вторую машину, и вскоре члены Ордена вылезают из-за прикрытия. Бри убирает их как мишени.

Внезапно на пляже происходит такой интенсивный взрыв, что он отбрасывает меня на палубу с распростертыми руками. Когда я прихожу в себя, я обнаруживаю, что первый автомобиль, в который я выстрелил, являет собой месиво из огня и дыма, с выбитыми окнами. Сэмми издает торжествующий клич.

— Как ты узнал, что такое произойдет?

Он подмигивает мне и пригибается к палубе, когда вторая машина взрывается. Он готовит стрелу для последнего автомобиля, несмотря на то, что я думаю, что он вне зоны досягаемости. Прежде чем я могу даже прицелиться, раздается чудовищный шум внизу. «Кэтрин» кренится. Мы скользим по палубе, что вынуждает меня отправить свою горящую стрелу в океан.

Мы все еще находимся в открытой воде, далеко от скал, окаймляющих берег, но мы, должно быть, на что-то напоролись. Столкновение изменяет направление «Кэтрин» и она начинает уходить в более глубокие воды, направляясь ближе к лодке Ордена под неудобным углом.

Именно тогда что-то ударяется в стену рулевой рубки, в одну из нескольких частей

судна, построенную из древесины. Начинается пожар. Я оббегаю палубу и вижу, что судно Ордена находится практически прямо перед нами и стреляет из чего-то столь же угрожающего, как и мои горящие стрелы.

— Давайте убираться отсюда! — кричит отец.

Ксавье, Бо, Джексон, и Клиппер забираются в спасательную шлюпку. Я хватаю Эмму и засовываю ее туда тоже. Она едва помещается, притом что, все наше снаряжение уже в лодке.

— А ты? — спрашивает она, ее глаза расширяются.

— Я прибуду чуть позже.

Сэмми с моим отцом раскачивают лодку над водой и начинают ее спуск с помощью шкивов. Эмма отказывается отпустить мою руку.

Шум от взрыва оглушает нас сзади. Он сопровождается ужасным скрежетом, когда что-то вылетает с судна Ордена и взрывает одну из металлических установок «Кэтрин», используемых для поднятия рыбы со дна океана. Установка опрокидывается за борт и, падая, разрывает собой часть палубы. «Кэтрин» начинает неистово качаться, и мы теряем равновесие. Рука Эммы вырывается из моей. Шлюпка опускается почти до воды и застревает.

— Режь канаты.

Ксавье выглядит ошеломленным после слов Оуэна.

— Но как вы...

— Режь их немедленно. Это приказ.

— А что если вы не сможете вернуться?

— В трюме есть надувной плот. А теперь идите! Встретимся на берегу.

Ксавье и Клиппер в унисон перерезают канаты, и спасательная шлюпка падает последние несколько футов в воду. Эмма все еще смотрит на меня, когда как Ксавье врубает небольшой двигатель лодки, и они отчаливают.

— Бри, — орет Оуэн. — Плот!

Она несется в трюм, чтобы достать его, пока мы возвращаем наше внимание к последним двум членам Ордена на берегу. Едва ли мы успеваем что-нибудь предпринять, как позади нас становится все намного хуже. Судно Ордена теперь находится на достаточно близком расстоянии, чтобы достать нас пулями, которые ударяются по палубе «Кэтрин». Я даже могу разглядеть лица стрелявших. На переднем плане находится человек, который дико орет. У него густая борода, лысая голова и мертвенно бледные глаза, один из которых, такой же мутный, как утренний туман. Марко. Ищейка Франка. Человек, от которого я ускользнул, когда сбежал из Таема, и снова, когда я вернулся за вакциной. Человек, от которого, я боюсь, я не смогу ускользнуть сегодня в третий раз.

Он улыбается, как будто говорит «привет», а затем направляет пистолет прямо на меня.

Он стреляет.

Я не знаю, откуда появляется мой отец. Я даже не помню, что он был рядом, но он заслоняет меня, а затем падает мне на грудь. Его рука тянется к его куртке, и она сразу же пропитывается кровью, становится до того кровавой, что я понимаю, что если даже я доставлю его на берег, Эмма ничего не сможет сделать, чтобы спасти ему жизнь.

Оуэн с трудом произносит мое имя.

— Па? — ору я, сотрясая его, но он едва может держать глаза открытыми. — Нет. Нет-Нет-Нет, не делай этого, папа!

Своей окровавленной рукой он хватается за мою куртку, тяжело дыша. Я слышу как я кричу, чувствую, как Сэмми, оттаскивает меня, схватив меня сзади за локти, но я вижу только своего отца, лежащего на палубе, хватающего воздух ртом. Мне нужно доставить его на берег. Мне нужно надавить на его окровавленную грудь. Мне нужно отправить стрелу прямо между глаз Марко, который забрал его от меня.

Я борюсь с Сэмми, но почему-то он сильнее. Меня оттаскивают подальше от пуль, подальше от человека, которого я встретил всего несколько месяцев назад, от отца, которого я так до конца и не узнал. Он умрет в одиночестве на тонущем корабле, и в конечном итоге обретет свою могилу на дне. Я даже не похороню его.

— Нам придется прыгать, — кричит Сэмми. Он забирается на перила «Кэтрин» и я только сейчас осознаю, какой противоестественный крен у корабля. — Грей! Ты слушаешь? Сейчас!

Я перевожу взгляд с моего отца, на лестницу.

— Бри.

Лицо Сэмми становится бледным, и я знаю, о чем он думает. Но я не собираюсь терять двух людей в считанные минуты.

— Я должен попробовать, — говорю я ему. — *Не могу* этого не сделать.

Его рот сжимается. Он быстро кивает мне и прыгает вниз в ледяную воду. Я достигаю трапа, скользя вниз под острым креном корабля. Спустившись только на половину пролета, меня встречает вода.

«Кэтрин» тонет.

ХОЛОДНО.

Я замерзаю.

Я дрожу к тому времени, как вода достает до моих ног.

Каждый инстинкт говорит мне развернуться, но я заставляю себя идти вперед. Мое дыхание становится отрывистым, с паническими нотками, когда вода становится все глубже, захватывая колени, пояс, а теперь и грудь. Я зову Бри, но слышу только звук льющейся воды пробирающейся на корабль, заглатывающей его целиком.

Я направляюсь в трюм, не зная, где еще может находиться плот. Тяжелая раздвижная дверь все еще открыта. Я пробираюсь по корпусу и вижу Бри у дальней стены, вода подбирается к ее подбородку. Она содрогается от холода и теребит что-то под поверхностью. Полузатопленный стеллаж валяется прямо перед ней.

— Под ним застрял плот? — кричу я с опустившимся сердцем.

Она поднимает взгляд.

— Нет, он-н-н у-у-у меня. — Она приподнимает с воды компактную сумку желтого цвета, плечевой ремень уже висит на ее груди. — Надо н-н-нажать на ярлычок, чтобы н-н-надуть его.

— Ладно, давай сматываться.

Она снова дергает что-то под водой.

— Моя нога. Стеллаж. К-к-когда корабль стал к-к-крениться.

Тогда я осознаю как близко к этому месту, вероятно, пришелся удар орудия, что это свалилось. Почему металлическая рама стеллажа держит ее около стены и что там находится на глубине, где мне не видно, и почему он удерживает ее как якорь? Я делаю глубокий вздох и ныряю. Вода настолько холодная, что я не могу задержать дыхание и резко выныриваю на поверхность.

— Грей, просто у-у-уходи, — говорит она, стуча зубами. — Б-б-бери плот и...

Я ныряю прежде чем она заканчивает фразу. В этот раз я доныриваю до пола, дотрагиваясь до рамы стеллажа. Она лежит прямо на ее лодыжке — не раздробив ее ногу, но прижав ее достаточно сильно, чтобы она была не в состоянии ни крутить, ни вращать ногой, чтобы высвободиться. Я ухватываюсь за край стеллажа и тяну его вверх. Он тяжелый. Слишком *тяжелый*. Мне надо набрать воздуха.

Я всплываю. Уровень воды сейчас находится на уровне губ Бри, она откинула голову назад, чтобы была возможность дышать.

— У-уходи, — говорит она. — Прежде чем...

— Тяни со мной одновременно.

Снова опускаюсь вниз. Я ставлю ноги на пол, ухватываюсь за край стеллажа, и отталкиваюсь, пытаюсь как бы забрать его на поверхность вместе со мной. Соль щиплет глаза и мои легкие горят в моей груди, но когда Бри помогает тянуть, нам удастся приподнять стеллаж на долю дюйма. Я чувствую, как она дергает своей ногой рядом со мной, пытаюсь освободиться. Мои легкие кричат. Искры летят из глаз. Я тяну сильнее, отталкиваясь от пола всей своей оставшейся силой, и стеллаж поднимается немного больше. Этого достаточно. Я чувствую, как Бри свободно выскользывает, и отпускаю полки. Я роняю их и, задыхаясь, выныриваю.

С плотом, все еще перекинутым через плечо, Бри бросается на меня, обнимая за шею.

— Грей, я...

— Пошли.

Я хватаю ее за руку и направляюсь в коридор. Я знаю, что она хотела сказать, и если даже нет, у нас нет свободного времени для благодарностей.

Когда мы достигаем главную лестницу, воды, бушующие рядом с ней такие агрессивные, что не дают нам отодвинуться от стены. Я не могу пошевелить ногами. Бри не может сделать еще один шаг. Я помогаю ей, но она вдруг становится такой тяжелой. Я тянусь и тянусь. И мы как-то оказываемся на палубе.

Порывы ветра здесь превратились в полномасштабную бурю. Непонятно, есть ли рядом судно Ордена или нет. Мир вокруг нашего корабля вертится толстыми хлопьями снега, небо черное. Мы ползем вверх на угол крена палубы и перелезаем через перила «Кэтрин», и после, взявшись за руки, прыгаем вниз.

Ноги ударяются о воду так сильно, что мне отдается в спине. Мы погружаемся под воду, как будто у нас есть лишний вес. Вода снова кусает мои легкие. Я не могу сказать, где верх, где низ. Бри перестает брыкаться. Она становится якорем, и тянет меня на дно.

Я нащупываю плот на ее плече, мои глаза щиплет. Я не могу найти ярлычок, который она мне показала. Мои ботинки становятся слишком тяжелыми. Моя одежда тащит меня на дно.

Мы оказались в ловушке. Вода повсюду.

Ледяная.

Морозная.

Замораживающая нас.

Мы умрем здесь. Утонем. Вдвоем. Отправимся за моим отцом. За Исааком с его кораблем.

Я нахожу что-то торчащее из приплюснутого плота — петлю, которую достаточно зацепить пальцем. Я тяну ее.

Вода вокруг нас наполняется пузырьками, поднимающимися вверх вместе с плотом, наполняющимся воздухом. Мы вырываемся на поверхность, и я, задыхаясь, неумолимо дрожу. Бри не дышит. Я как-то стараюсь затащить ее на плот, и кое-как пытаюсь сделать это с собой.

Я вдуваю воздух в легкие Бри. Я нажимаю на грудь, что бесполезно на мягком дне плота. Я пытаюсь вновь оживить ее, ругаю ее, кричу на нее. Она, должно быть, услышала, как я обзываю ее умирающим трусом, потому что она кашляет, выплевывая воду изо рта в мою сторону. Ее глаза широко раскрываются и она снова дрожит. Кажется, она хочет что-то сказать, но ее губы дрожат слишком сильно. Я отворачиваюсь от нее и начинаю грести на звук прибоя, потому что снег слишком сильный и земли не видно. Каким-то чудом, мы добираемся до берега. Команды нигде не видно.

— Бри, давай, — призываю я, стуча зубами. — Нам надо двигаться.

— Х-холодно, — заикается она. — Слишком х-холодно. Едва могу двигаться.

— Что означает, что тебе придется.

Она дрожит, трепещет.

— Проклятье, Бри. Двигай ногами.

Подчиняясь приказу, она начинает двигаться.

Огонь по-прежнему съедает два уничтоженных автомобиля. Мы натываемся на

неповрежденный, который стоит перед деревьями. Я тяну заднюю дверь, мои руки дрожат против моей воли. Автомобиль загружен снаряжением: спальниками, одеялами, рюкзаками Ордена, запасными мундирами. Эти автомобили не собрались возвращаться в наблюдательный пункт.

Я иду к передней части машины. Ключи болтаются возле колеса. Я наблюдал за тем, как Бо водил машину, и нам не нужно идти далеко, этого будет достаточно, чтобы быть в безопасности на эту ночь. Мне придется вести ее. Мы замерзнем до смерти, если мы потратим время на поиски других, и к тому же я знаю, что Орден уже на хвосте.

— Залезай, — говорю я Бри, что она и делает.

Я поворачиваю ключ, как это делал Бо в Таеме. Автомобиль оживает. Я нажимаю на педаль. Автомобиль рычит, но не двигается. Я сильнее жму ногами.

— С-сними, — произносит Бри. — Сними с ручника.

Я прослеживаю ее взгляд и нахожу рычаг между сиденьями. Я двигаю им, как она инструктирует, и сразу же надавливаю на педаль, отправляя машину вперед.

Мы едем — нет, скачем по ухабах — следуя по следам автомобилей Ордена, которые они оставили, когда впервые напали на нас. Я делаю резкий поворот, съехав с их следа, и направляюсь на поле с жесткой, высокой травой. Все выглядит серым и безжизненным под снегопадом. Я смотрю на компас, установленный возле рычага переключения передач, чтобы знать, как потом вернуться на пляж. Горячий воздух подается из вентиляционных отверстий рядом с рулем, но его недостаточно, слишком мало, чтобы проникнуть под ледяную корку, которая покрыла мое тело.

Я не останавливаюсь, пока не нахожу низину, чтобы не быть на виду любого, кто собирается проехать по клею, оставленной Орденом. Снег и ветер вскоре сделают нас незаметными. Я выхожу из машины, руки еще дрожат, и вытаскиваю снаряжение из багажника. Мои зубы стучат. Мое тело хочет замереть, перестать работать, но какой-то врожденный двигатель приказывает мне, чтобы я поспешил, говорит мне, что и в каком порядке мне надо делать.

Я закрываю глаза, и оказываюсь у задней части автомобиля со спальными мешками. Я закрываю глаза, и огибаю автомобиль, закрываю все двери, заперев тепло внутри. Я закрываю глаза в третий раз, и срываю с себя куртку.

— Снимай свою одежду, — приказываю я Бри.

Она просто стоит и дрожит, ее волосы мокрые от шеи, ее лицо слишком бледное и она выглядит так, как будто уже мертва.

— Бри!

— Н-Не могу... Я не могу.

— *Можешь*. Ты можешь все, что и я.

И что-то в этих словах будит ее. Она снимает свою куртку и тащит вверх рубашку. И потом еще слой одежды, и еще. Она возится со своими брюками, потому что ее дрожащие пальцы не справляются с пуговицами. Я помогаю ей стянуть их. Я также стягиваю ее сапоги. Носки. Я сушу ее волосы, как могу с помощью одеяла, помогаю ей надеть форму Ордена и отправляю ее в тепло автомобиля.

Мои кисти сводит. Я еле двигаюсь, еле дышу. Мне так холодно, я думаю, что мои легкие могут замерзнуть и рассыпаться на осколки при следующем моем вдохе. Я снимаю рубашку, штаны, да все. Я судорожно напяливаю сухую одежду и заползаю обратно в машину.

Я ложусь рядом с Бри. Ее трясет. Я тоже дрожу.

— Бри?

Есть еще кое-что, что я хочу сказать ей: о тепле тела, о том, чтобы оставаться рядом друг с другом, но я не могу сформировать слова. Я двигаюсь ближе к ней, притягиваю ее к груди, укутываю нас одеялами. Я обнимаю ее, пока наши судороги не переходят в дрожь, и потом, наконец, исчезают.

Проходит очень много, много времени, но я, наконец, чувствую тепло. Оно начинается в груди и распространяется по телу, к коленям, потом к пальцам, и после я засыпаю с осознанием того, что я больше не боюсь не проснуться.

МЫ ПРОСЫПАЕМСЯ С СОЛНЦЕМ.

Шторм оставил не более трех дюймов снега на земле, что означает, что он, должно быть, набрал обороты в спешке и утихомирился почти так же быстро. Наша одежда, которую я вчера вечером накинул на передние сиденья, чтобы она просохла, по-прежнему жесткая от соленой воды и влажная. Нам придется пробыть в униформе Ордена еще некоторое время.

Бри с одеялом, плотно накинутым вокруг ее плеч, разжигает огонь, пока я копаюсь в машине и оцениваю запасы. Наши личные вещи — сумки, палатки, оружие, запасная одежда, спички, фонарики, *короче все* — осталось в шлюпке, на которой спасались Ксавье с остальными. Я нахожу в машине некоторые плакаты с моим лицом и передаю их Бри. Она отправляет их в огонь, который из-за молодняка никак не разгорится, поэтому ей что-то нужно для розжига. Все-таки костерок греет, я и за это благодарен. Одеяло, независимо от того, как вы его оберните, не очень теплое. Нам нужны куртки. Нижнее белье не помешало бы, учитывая, насколько чертовски жесткая униформа.

— Как ты думаешь, у них получилось? — спрашивает Бри.

— Должно было. Если мы не будем верить в это, то мы уже обречены.

— И у Сэмми?

— Он прыгнул, когда я вернулся за тобой. Если он добрался до берега и нашел остальных, то у него был шанс. У них была запасная одежда, они могли бы разжечь огонь и обсушить его. Если нет, то я не представляю, как он мог бы пережить ночь.

Бри нагнулась, чтобы раздуть пламя. Я рад, что она до сих пор не спросила о моем отце. *У меня нет сил даже думать о нем.* Когда она поглядывает на меня, ее лицо становится мягче, чем я когда-либо видел. Она не хмурится и не кривится недовольной гримасой.

— Прошлой ночью, — говорит она. — Мне было так холодно, мои руки не двигались. И было больно дышать. Я не могла... Мне жаль, что я не...

— Остановись. Ты была в порядке. Ты была безупречна. — Она возится с огнем немногим дольше, избегая моего взгляда. — Я именно это и имею в виду, Бри. Я бы не сделал это прошлой ночью, если бы это было не ради тебя.

— Это я то? — говорит она с насмешкой, выпрямляясь. — Это ты был тем, кто все сделал. Спас меня с корабля, вернул меня к жизни на плоту, завернул в одеяла...

— А ты согревала меня. И что такого я сделал? Все было бы бессмысленно, если бы я замерз до смерти в течение ночи. Я сохранил тебе жизнь, а потом ты уже помогла мне выжить. Мы отдавали друг другу тепло. Мы прошли через это вместе.

Ее губы раздвигаются в маленькую кривобокую ухмылку. Ее заплетенные волосы высохли странным образом: половина из них слиплась сбоку скомканным узлом, но она до сих пор умудряется выглядеть хорошенькой. Это все из-за ее улыбки. Подбородка, держащегося, вызывающе приподнято. Ей, наверное, потребовалось задушить каждую каплю гордости, когда она злобно нахмурилась и добавила:

— Я рада, что мы снова разговариваем.

— Ага. — Я улыбаюсь, не в силах скрыть веселье. — Я тоже.

В машине я не нахожу ни одной куртки, зато обнаруживаю чистые хлопковые шорты.

— Нижнее белье? — спрашиваю я и бросаю Бри пару маленького размера. Она поворачивается ко мне спиной и начинает беззастенчиво переодеваться. Мне следовало бы

отвернуться, но я не могу себя заставить. Когда она полностью одета, она возвращается к костру, либо не в курсе, что я пялился на нее, либо не достаточно обеспокоенная, чтобы об этом заботиться. Я тоже переоделся, сбросил одеяло с плеч и вернулся к оценке наших пожитков.

Не так уж много у нас есть, чтобы продержаться некоторое время, если вдруг мы не найдем остальную часть команды завтра или послезавтра. Спички, сухофрукты, нож, бинокль, очки, которые, как я подозреваю, являются прибором ночного видения, потому что они похожи на те, что я однажды видел у Повстанцев, над ними работал Харви. Но у нас нет воды: и это единственное, без чего мы не сможем обойтись.

Покопавшись в машине, я нахожу только карты и оружие в бардачке. Оружие заряжено, что дает нам шесть драгоценных выстрелов на двоих. Надеюсь, оно нам не понадобится.

Я разворачиваю карту. Мы уничтожили наземную команду, но Марко и остальные его люди остались на корабле целыми и невредимыми. Если мы отправимся на юг и вернемся на пляж, мы рискуем нарваться на них. Но это произойдет в том случае, если они предпочтут держаться на воде, а не гнаться за нами.

Может нам с Бри следует просто взять машину и отправиться на северо-запад, пытаюсь найти Группу А? Почему я за эти последние несколько недель не воспользовался мозгами Бо? Он часто повторял, что у него есть практически непосредственные координаты местоположения Группы А, а я так и не разузнал их у него. Их знают только он, Клиппер и мой отец.

О, нет.

Их *знал* мой отец. Просто, он ушел в небытие. Вчера Оуэн стоял рядом со мной на «Кэтрин», а сегодня его нет рядом. Он умер.

Я сминаю карту и ударяю руками по бардачку, в котором нашел оружие. Как же тяжело. Будет еще тяжелее. Я снова и снова ударяю по бардачку, пока мои ладони не начинают пульсировать.

— Ты в порядке? — Бри стоит снаружи у двери.

Я тру лоб ладонями.

— Да. Почему не должен быть?

— Ты *плачешь*.

Я прикасаюсь к щекам и мои пальцы становятся мокрыми. Я не помню, думаю я, когда начал плакать.

— Я поймала завтрак, — говорит она, подняв белку, нанизанную на палку. — Я приготовлю ее. Ты побудь один, сколько тебе нужно.

Я разглаживаю карту, складывая ее аккуратно, и сразу же присоединяюсь к Бри.

— Это было быстро, — сказала она.

— Я терял время.

— Ты потерял того, кого-то любишь. Скорбь по близкому человеку — это не потерянное время. — Она снимает шкурку белки и жарит мясо на нашем слабеньком костерке.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела его. Когда ты вытащил меня наверх на палубу. Он просто лежал. — Она посмотрела на меня, ее лицо омрачилось. — Мне очень жаль, Грей.

— Сожаление не изменит того, что случилось.

— Я знаю. Но это то, что я чувствую.

Когда еда приготовилась, мы сели в задней части автомобиля — ее ноги болтались, мои уперлись в снег, и мы разрывали мясо пальцами. Оно немного подгорело, но было сочным, и насытило нас достаточно хорошо. Бри бросила палку в огонь, когда мы закончили с едой.

— Что теперь? — спрашивает она.

— Я думаю, мы возьмем машину и отправимся на запад. Ища по дороге наш отряд.

— Я буду вести, — предлагает она.

Но я не готов. Потому что двигаться дальше означает покинуть это место и уйти все дальше и дальше от моего отца. Каждая секунда будет в новом шаге от него. Я позволил руке упасть на голень Бри.

— Дай мне немного времени.

— Конечно. — Она переплела свои пальцы с моими.

Так мы и сидели, уставившись на огонь, пока я не набрался достаточно сил, чтобы идти дальше.

* * *

Вождение Бри было исключительно лучше моего.

На протяжении многих лет Повстанцам удавалось прибрать к рукам несколько брошенных автомобилей Ордена и с помощью работников Технологического центра — вернуть их к жизни. Бри в свое время научилась водить в Долине Расселин, до того как я туда попал. Она объяснила мне, что некоторые машины работают от электричества, в то время как другие — требуют топлива. Различия ничего не значат для меня, пока Бри не объясняет мне, что у нас машина с топливом и что это, вероятно, лучше с учетом нашей ситуации.

— У нас осталось около половины бака, — говорит она, щурясь на разметку за рулем. — Мы можем проехать еще около ста пятидесяти миль или около того. В любом случае, у нас достаточно топлива, чтобы найти остальных.

— Если они хотят быть найденными. — Я беспокоюсь, что команда будет очень осторожна и спрячется в укрытие при первых же звуках приближающейся машины.

— Мы найдем их, — говорит она сурово. — И если мы этого не сделаем, мы должны быть в состоянии отыскать Группу А, и они найдут нас там.

Я не упомянул, что я не знаю, как точно найти Группу А.

Машина петляет по неровной земле, когда Бри съезжает с поля. Она замедляется, при достижении следов от шин со вчерашнего дня. Они почти невидимые, почти полностью покрыты свежим снегом.

— Что думаешь? — спрашивает она.

— Мы не можем *не* проверить пляж. Если их нет, мы можем найти хотя бы их следы. Если мы не найдем никаких их признаков, мы просто уедем.

Она кивает и возится с ручкой контроля температуры. Мы можем быть опечалены, но по крайней мере нам больше не холодно.

Две обугленные машины. Одиннадцать мертвых членов Ордена. Один спасательный плот.

Это все, что мы находим на пляже.

Наша машина спрятана в деревьях, и воздух обжигает холодом после тепла автомобиля, но мы с Бри основательно обыскиваем берег. Пистолет у нее, потому что она стреляет лучше.

Мертвые члены Ордена покрыты снегом, который выпал вчера, и это радует меня. Я не хочу видеть их лица, шок в их глазах, те места, где пули встретилась с их плотью. Мне кажется, я видел слишком много за последние несколько дней.

Мы идем вниз к воде, которая мирно плещется, омывая сырую землю. Скалы с правой стороны покрыты белой пеной волн. Даже когда мы поднимаемся на возвышенность, нет никаких признаков Ордена. Они могли отправиться в Хейвен, чтобы собрать еще одну команду, которая помогла бы им более эффективно отследить нас. Или они могут быть еще в море, ожидая заметить нас издалека. В любом случае, они найдут нас. Марко не позволит нам вновь ускользнуть. Я уверен в этом.

Три ворона взлетели, кружась над трупами. Я смотрю на воду, ища признаки «Кэтрин», но залив, похоже, основательно заглотив ее. Интересно, Дикси покинула лодку или отправилась вслед за своим хозяином. Так много для кошки, приносящей удачу.

Мы с Бри осторожно спускаемся обратно на берег, когда я вижу следы, направляющиеся к деревьям. Они в основном запорошены снегопадом, но ясно одно: этот человек шел неровной походкой, как будто у него дрожали ноги против его желания.

— Сэмми, — указываю я.

Мы идем по его следу в лес. Его отпечатки встречаются с другой парой, где выясняется, что после его потащили.

— Его забрал Орден? — спрашивает Бри.

Я качаю головой, неуверенный в этом, и мы продолжаем идти по следам, пока не натыкаемся на особо плотные заросли деревьев. Под ними, находясь в основном подальше от снегопада, куча темных углей. Орден не стал бы разводить огонь. Кто-то из нашей команды, должно быть, услышал, как бредет Сэмми. Его не увели против его воли, его тащили, потому что он не мог идти без помощи.

Я положил руку поверх углей, но они уже остыли.

— Они давно ушли. Даже не похоже, что они разбивали здесь лагерь. Нет никаких признаков, что ставили палатки.

— Но значит они живы, — сказала улыбаясь Бри.

— Похоже на то.

И когда я произношу это, я чувствую, как камень падает с моей груди, ноша, о которой я даже не знал, что она была там с самого начала. Команда жива. Эмма жива. И тогда я прощаю ее. За все. Я устал жить прошлым и заикливаться на вещах, которые приходят и уходят — особенно когда людей, о которых вы заботитесь, забирают у вас в одно мгновение, не успев и глазом моргнуть. Я взглянул в сторону берега, думая о моем отце.

— Они отправились этим путем, — сказала Бри, посмотрев на небо. — На север.

Наши глаза встречаются и, не обмениваясь больше ни словом, мы спешим назад к машине. Команда, скорее всего, в пути со вчерашнего дня, возможно, они шли всю ночь, чтобы увеличить расстояние между собой и Орденем. У нас есть колеса и можно ехать быстро, но я беспокоюсь о наших шансах. Каковы шансы, что наши пути пересекутся, когда эта земля, кажется, тянется бесконечно?

Бри ведет. Я смотрю, как вода исчезает в зеркале, которое висит между нами. Она исчезает синей полоской, разделяющей побелевший от снега пляж и небо затянутое

облаками. В считанные секунды она исчезает полностью.

И только когда она исчезает из вида, все слова покидают меня.

— Прощай, Па.

Я уверен, Бри слышит это, но она не отрывает взгляд от горизонта. Я дорожу этим небольшим, частным прощанием с отцом больше, чем она даже подозревает.

МЫ СЛЕДУЕМ ПО СЛЕДАМ КОМАНДЫ но они маскируют их — запорашивая снегом, стирая — так что их часто трудно заметить. В конечном итоге нам придется одержимо держаться нашего курса. Воздух в машине становится теплым и плотным. Он смаливает меня, но Бри ведет машину на высокой скорости, и я подсакиваю каждый раз, когда мои веки пытаются закрыться.

Был полдень, когда мы увидели темные силуэты на горизонте.

— Орден?

— Я так не думаю — говорит Бри и ее губы начинают расплываться в улыбке. — Их шесть. И посмотри вон туда, там кого-то тащат. Это должно быть Копия. Грей, это они!

Она нажимает ладонью на центр рулевого колеса, и автомобиль издает звук, похожий на крик гуся. Пока мы скользим по заснеженной земле, я опускаю стекло и высовываю половину туловища наружу. Бри смеется, а я кричу как идиот на муравьев на горизонте, одной рукой цепляясь за внутренности автомобиля, другой отчаянно размахивая. От ветра мои глаза начинают слезиться. Текут слезы. Вскоре они уже не маленькие точки, а фигуры с узнаваемыми чертами. Они все там: Ксавье, Бо, Сэмми, Клиппер, Копия. И Эмма. Эмма с своими распущенными волосами, развивающимися по ветру, мчится к автомобилю, чтобы встретить меня. Она по пути бросает свою сумку, чтобы бежать быстрее.

Бри тормозит и машину заносит боком на неглубоком снеге. Я ныряю вовнутрь и распахиваю дверь. Эмма уже так близко, и когда она оказывается в моих руках, ее тело прижимается к моему и я, обнимая ее, целую в макушку.

— Я думала ты... — Она смотрит на меня с восхищением и облегчением. Я слышу, как подходят остальные, их ботинки хрустят на снегу. Кто-то приветствует Бри, слышатся рукопожатия, но я вижу только Эмму, ее широко распахнутые глаза, такие глубокие и большие, что я теряюсь в них.

— Я сожалею, — говорит она. О Кроу, обо всем. Я так...

— Я знаю. И я пережил это.

Она смотрит на меня с сомнением.

— Я был в ярости, Эмма, — признаю я. — Я был очень и *очень* зол. Я чувствовал себя таким преданным, мне было так тошно, когда я представлял тебя с ним, и злость была единственным, что помогало мне почувствовать себя лучше. Мне была *необходима* обида. Но потом Клонированная версия Блейна чуть не убила тебя, я чуть не утонул на корабле, и теперь я просто хочу оставить все это в прошлом, пока у нас все еще есть шанс. Пожалуйста? Прямо сейчас. Давай забудем все, что было до этого.

— Но я не хочу это забывать, — говорит она. — Ни птиц, или день, когда ты учил меня стрелять из лука, или как мы взбирались на Стену, или вот это — увидеть твой автомобиль на гребне холма.

Я не могу сдерживать улыбки, потому что я тоже не хочу потерять эти воспоминания.

— Хорошо. Только плохие моменты. Ошибки. Давай забудем ошибки и будем двигаться дальше.

Она кивает, утыкается лицом в мою грудь. Я обнимаю ее крепче. И тогда, в глубине моего сознания, расцветает беспокойство. Если Кроу был ошибкой Эммы, то получается, что Бри — моя?

Но Бри не была ошибкой. Бри *никогда* не была ошибкой. Я знаю это. Я чувствую это нутром.

Ну почему все так запутано. Потому, что та, кого я хотел с малого возраста, была — Эмма. После стольких промахов, обид и ошибок, мы, наконец-то, все расставили по своим местам, и я счастлив такой перспективе, так умопомрачительно счастлив, что я не могу понять, как может быть одновременно грустно.

Мы с Бри сняли форму Ордена и переоделись в сменную одежду из наших сумок, которые команда, к счастью, предпочла сохранить даже тогда, когда они предположили, что мы умерли. Ксавье рассказал, как их шлюпка благополучно добралась до берега, а затем они направились в лес в поисках укрытия.

— Мы слышали, как кто-то пробирается к нам. Думали, что это Орден, но это оказался Сэмми. Он был синим. Едва мог ходить. У него начался жар, его так сильно трясло, что нам практически пришлось раздеть его, прежде чем мы смогли его согреть.

— Ох, я верю, — говорит Бри, а потом опускает голову, как будто воспоминания о ее собственной вчерашней схватке с холодом, смущают ее. Сэмми покровительственно кладет руку на плечи Эммы и смотрит на меня и Бри, его глаза сужаются. Я чувствую, что он слышит слова, которые не были сказаны.

Он не стал ничего говорить, но когда Бо вступает в разговор, все мое существо сжимается.

— Оуэн? — спрашивает он.

Я сглатываю, смотря на свои ботинки.

— Он не с нами, и он не с ними, так куда, как ты думаешь, он его поместил? — произносит Копия.

Мой кулак летит в его сторону. Я слышу, как трещит нос Джексона и он падает в снег, а затем я забираю пистолет у Бри. Я направляю его на Копию, багровея, одержимый.

— Мой отец умер из-за тебя! — ору я. Оружие дрожит от того, как сильно я его сжимаю. — Ты навел на нас корабль Ордена и теперь он мертв!

— Ваш корабль выделялся, потому что вы покинули Бон Харбор подозрительно рано, — отвечает он. — Вы сами навлекли его на себя.

— Ты никчемный, лживый...

— Мы заключили сделку! Моя неприкосновенность в обмен на вход во Внешнее Кольцо. Если бы я собирался предать вас, это было бы только после того, как сделка была бы завершена, а не на корабле, откуда мне некуда сбежать.

Я прижимаю пистолет к его лбу, и он выглядит шокированным.

— Скажи мне, почему я не должен этого делать. Дай мне одну хорошую причину.

Ничего. Он не умоляет. Не плачет. Не говорит ни слова в свою защиту.

Как будто он *хочет*, чтобы я спустил курок.

Мой палец дергается, но все повторяется как в Таеме снова и снова, когда я не смог заставить себя стрелять в члена Ордена, хотя его пуля чуть не убила Бри. Моя рука начинает трястись. Пистолет в вытянутой руке тяжелеет.

Убийство Джексона не вернет моего отца. И я не хочу, чтобы новое лицо присоединилось в моих кошмарах к Клону Блейна со стрелой в черепе. Нет, если мне придется встретиться с людьми, я убью лучше в своих снах и сохраню пулю для Марко.

Я опускаю оружие, рука дрожит, и отдаю его обратно Бри. Команда в безмолвии стоит кольцом вокруг меня и Джексона.

— Может, нам стоит поговорить о том, куда идти, — в конце концов, говорит Бо. — Клиппер, не хочешь ли ты поделиться своей теорией с Греем?

Мальчик достает навигатор. Мой пульс все еще бешено скачет от конфронтации с Джексонном, но я делаю глубокий вдох и пытаюсь сосредоточиться на том, что показывает мне Клипер: телефонные линии, идущие вдоль Западной кромки воды и продолжающие свой путь на север после окончания залива, разделяющего ЭмИст от ЭмВеста.

— Группа А где-то здесь. — Клипер тыкает на участок земли между двух ушей воды. — Как ты заметил на «Кэтрин», похоже, что Орден ожидает от нас, что мы пойдём в ЭмВест. Они, вероятно, развернут паруса в сторону Пограничного Залива и попытаются отрезать нас на границе.

— Эта теория предполагает, что Копия не сказал им, куда мы отправляемся, когда он нас сдал, — говорю я. Джексон смотрит на меня.

— Я думаю, Орден бы тогда отправился за нами по земле, если бы так было, — говорит Бо. — Но они этого не сделали. Этот корабль взял курс обратно в море.

— Но разве граница не усиленно патрулируется? — спрашивает Бри. — Я не могу поверить, что они думают, что мы попытаемся пересечь ее пешком.

— Неосведомленность — вот что это такое, — говорит Сэмми. — Мы должны благодарить нашу счастливую звезду, что имеем дело с идиотами.

— Они не так глупы, если они нас выследили и потопили наш корабль!

— Я смотрю, ледяная вода не улучшила твоё настроение, Нокс, — подначивает он. — А мне казалось, что ты не можешь быть более ледяной.

Бри пихает Сэмми так сильно, что он отшатывается.

— Хорошо, хорошо! — говорит Ксавье, вставая между ними. — Это бессмысленно. Какой план?

Группа замолкает и все оборачиваются ко мне и Бо. Я смотрю на него, но он только пожимает плечами.

— Грей, что ты думаешь? Это твоя миссия.

Но это не так. Это была миссия моего отца. Я мог лишь предложить экспедицию, поговорив с Бо о получении поддержки Райдера, но главным был Оуэн. Он был лидером. Я просто парень, чей отец умер, который когда-то взобрался на Стену и погряз во всем гораздо глубже, чем он мог себе представить.

— Как долго нам осталось до Внешнего Кольца? — спрашиваю я Клиппера.

— Около трех суток пешком. — Его глаза смотрят на машину позади меня. — Но мы могли бы быть там сегодня вечером, если бы поехали.

В автомобиле только пять мест, но он достаточно объемный и большой, чтобы вместить еще троих из нашей группы.

— Мы поедем, — говорю я. — Это будет трудно, особенно со всем снаряжением, но если Орден считает, что мы идем пешком, мы должны, насколько это возможно, проехать какое-то расстояние на машине.

— У нас скоро закончится горючее, — предупреждает Бри. — Нам должно хватить, чтобы добраться до Группы А, но это будет путешествие в один конец.

— Хорошо. Тогда решено.

Команда начинает загружать снаряжение, и Эмма проходит мимо меня, чтобы осмотреть Джексона. Он все еще сидит в снегу, осторожно трогая свой нос.

— Опять сломан. А я только выправила его на корабле. — Эмма поворачивает ко мне

лицо. — Грей, я знаю, что ты расстроен, но ты не можешь драться со своей командой.

— Он *не часть* нашей команды.

Она смотрит на меня с вызовом.

— Он путешествует с нами и если он ранен, я должна заботиться о нем. Это делает его частью этой группы.

— Может быть, по твоим меркам, — говорю я. — Но не по моим.

Эмма вздыхает, беря бинты в руки.

— Не мог бы ты вначале подумать, прежде чем реагировать? Я знаю, это трудно для тебя, но ты должен попробовать. Ты выше этого.

Ее голос звучит как-то странно, как говорит Блейн — разочарованно, тыкая мне на мои недостатки. Но в данный момент мне не нужно слышать о моих недостатках. Мой отец умер и мне нужно услышать, что бывают ситуации, когда логика и разум не помогают, что иногда уродливые действия являются необходимыми. Мне не нужно слышать, что я неудачник из-за своей импульсивности. Прежде всего, мне просто нужно, чтобы кто-то сказал: «Все хорошо. Я понимаю». И если мне не могут это сказать, я не хочу ни с кем разговаривать.

ЗАЖАТЫЙ МЕЖДУ ЭММОЙ И БОа заднем сидении, Клиппер раздает указания, пока Бри ведет машину. Сэмми и Ксавье с Копией находятся в багажнике с большей частью нашего снаряжения. Каждый раз, когда мы на гребне нового подъема и не видим ничего кроме земли, Сэмми просит обновленный прогноз о времени нашего прибытия. Терпение Бри быстро заканчивается.

— Сэмми, я не понимаю, как можно было проводить недели в походе и ни разу не спросить, как далеко нам еще осталось, но теперь, когда мы находимся в машине и ты прекрасно знаешь, что мы приедем к Группе А в сумерках, тебе вдруг понадобилось получать обновленные данные каждые две минуты.

— Нокс, если бы тебе пришлось сидеть здесь и тебя бы укачало, потому что человек, ведущий машину, рулит как неуклюжий малыш, ты бы тоже бесконечно бы задавала вопрос о времени нашего прибытия.

Бри посмотрела на него в зеркало заднего вида.

— Тебе лучше следует быть начеку, когда мы разобьем лагерь.

Команда захихикала, но я смотрел в окно, наблюдая за пролетающим пейзажем. Все на Западной территории было серо или бело, или мертво. Снежные сугробы разрастались. Автомобиль заносило снова и снова, но Бри не пыталась притормозить, она держала скорость. Как только небо начало темнеть, вдалеке появился каркас сооружения. Наружная стена, опоясывающая Группу А Внешним Кольцом.

— Ближайший населенный пункт находится на севере, — говорит Клиппер, изучая карту на навигаторе, лежащий на его коленях. — Возможно, он в часах двух езды отсюда. Нам лучше следует приблизиться с любого другого направления.

Когда Бри везет нас к сооружению, в машине наступает тишина, за исключением характерного неровного постукивания Бо. Вскоре стена возвышается над нами. На ней написано слово, буквы которого разнесены на равные интервалы: *К А Р А Н Т И Н* Буквы, каждая по отдельности, выглядят агрессивными и мощными, несмотря на то, что они со временем поблекли. Я знаю, что это ложь, но я могу понять, почему люди избегали это место, когда Франк создал тестовые группы для запуска Проекта «Лайкос».

Бри медленно объезжает сооружение. Мы все ищем дырку в фасаде, место, которое может быть достаточно широким для машины, когда Джексон объявляет:

— Здесь. Тормози.

Сэмми с Ксавье вытаскивают Копию наружу согласно моей инструкции. Со своего места я вижу, как Джексон водит руками по стене, по стыкам, которые такие трудноуловимые, что я удивлен тем, как он заметил их из движущегося автомобиля.

— Вы должны были мне дать сначала попробовать, — произносит разочарованно Клиппер, как будто ему сказали посидеть на месте во время захватывающей игры.

— Мы бы никогда не поняли, что этот участок стены является входом, — говорю я. — А кроме того, пора уже понять, правду ли говорил Копия.

Джексон разрывает снег у основания стены и прижимает к ней ладонь. Панель размером с его руку открывается. Он начинает что-то выстукивать, но я со своего места не могу понять что.

— Скажи, чтобы он ввел правильный код доступа, — говорит Бри. — А вообще оно

откроется? Франк давным-давно отрубил электроэнергию в Группе А.

— Я обсуждал это с Райдером, прежде чем мы ушли, — говорит Клиппер. — Есть вероятность резервного источника питания только на вход. Только Орден может вручную подключиться к нему, если они когда-нибудь решат вернуться в это место.

Джексон, вставая, почти нервно потирает лоб. Через мгновение появляется вход.

— Это заняло у него слишком много времени, — произносит Эмма, что я нахожу занятным, поскольку по мне вышло достаточно быстро, к тому же это могло выйти еще дольше с Клиппером.

Сэмми запикивает Джексона обратно в машину.

— Теперь мы можем убрать этого слизняка? — спрашивает он.

Я почти говорю «да». Сделка завершена и не стоит больше держать Джексона в живых. Не после его выходки на «Кэтрин». Потому что мой отец умер и он никогда не вернется, и мне хочется, чтобы Джексон страдал за это. Я не хочу, чтобы это было быстро. Я хочу, чтобы он почувствовал боль и я хочу, чтобы он чувствовал это в течение долгого, долгого времени. Может быть, это делает меня бессердечным, но мне плевать.

— Мы оставим его привязанным к чему-нибудь на территории Группы А, — говорю я. — Он может умереть с голоду.

— Вы не можете сделать это, — говорит Джексон, запаниковав. — Я выполнил свою часть сделки.

— Ну, Копия, теперь ты знаешь, на что похоже предательство.

— Черт, всадите в меня пулю, если потребуется. Но оставить меня мерзнуть? Голодать? Никто не должен умирать подобным образом.

Я испытываю желание ответить ему тем фактом, что он — Клон, а не человек, но я соглашаюсь с таким мнением. Это — милость, которую он даже не заслуживает.

— Может быть, если ты скажешь нам, куда, как думал Франк, наша команда изначально направлялась, я передумаю. Так как насчет этого? Он считал, что мы попытаемся связаться с ЭмВестом? Есть причина перестать думать о них, как о нашем враге?

Копия не отвечает

— Отлично, — говорю я. — Будешь голодать до смерти.

Он чертыхается. Я не знаю, чего он ожидал. Он дал нам понять, что он, в конце концов, попытается завершить свою миссию, а наша сделка просто оттягивает время. Если у него нет больше информации, которую он мог бы нам преподнести, я не предоставлю ему шанс узнать месторасположение Долины Расселин. Особенно, когда я знаю его методы добывания информации, которые будут включать в себя пытки.

Я прошу Бри загнать автомобиль во Внешнее Кольцо. Тень проходит над автомобилем, и мы внутри.

Все это навевает много воспоминаний. Побег с Эммой. Пробуждается чувство замешательства и недоумения не только в связи с обнаружением еще большего пространства вне Клейсута, но и другой Стены, заманивающей нас в ловушку, не говоря уже об огромном, невообразимом мире за его пределами. Я открываю окошко, и холодный воздух успокаивает меня.

Мы пробираемся сквозь мертвые, заснеженные земли до Стены Группы А, которая внезапно появляется перед нами. Я пулей выскакиваю из машины, подхожу к ней и прикладываю ладонь. Ее фасад гладкий и блестящий, на ощупь как лед. Она выглядит так же, как и наша Стена в Клейсуге.

— Что теперь? — спрашивает Ксавье.

Вся команда смотрит на меня, даже Бо. Я ненавижу, что я как-то стал главным. Я понятия не имею, что делать.

Бо выглядит замершим и несчастным, Эмма — тревожной. Клиппер выглядит... юным. Я не знаю, как мой отец вел так много людей под своим командованием. Я не знаю, как их вести. Я знаю только то, чтобы я сделал бы в одиночку, с чего бы начал я.

— Эти люди осторожны. Когда мы увидели их на экране в диспетчерской, они были едва заметны — просто мелькнула рука или нога. Если мы отправимся туда сейчас, пока еще есть немного света, они никоим образом не покажутся. Но ночью, если мы будем вести себя тихо, мы будем в состоянии обнаружить их, прежде чем у них появится шанс спрятаться. В любом случае темнота была бы нам полезна, я не хочу, чтобы нас обнаружили на камерах.

Теперь, когда я начал говорить, план сформировался без особых усилий.

— Мы разделимся. Бо остается здесь с Ксавье и Эммой — так что у нас будут уши снаружи. Остальные идут вовнутрь.

Пока Сэмми на ужин согрел на костре консервированную фасоль, мы с Ксавье провели инвентаризацию нашего оружия. Всего того, что мы смогли погрузить на спасательную шлюпку, покидая корабль, и то, что у нас осталось: лук и стрелы Ксавье, два ножа, переданные Бо и Клипперу, два запасных пистолета лежащих в сумке моего отца. Так же у нас есть пистолет, который я нашел в машине Ордена, тот самый, что в настоящее время находится у Бри.

Когда Сэмми говорит, что ужин готов, я приношу чашку фасоли Джексону. Он сидит в машине, глядя на возвышающуюся Стену через окно. Что-то в его глазах выглядит слишком полным надежды.

Это должен был быть он, думается мне — не Оуэн — кто должен был опуститься на дно вместе с «Кэтрин».

* * *

Темно и снова идет снег, когда мы движемся на машине вдоль Стены, чтобы переправиться на ту сторону. Ксавье отдал мне свой лук, — я никогда не любил огнестрельное оружие, особенно если у него длинный ствол — а он взял один из пистолетов отца, так что оставшаяся часть команды не осталась безоружной. Сэмми досталось второе оружие моего отца, у Бри за поясом засунут пистолет, которым я грозил Джексону.

В машине было только два прибора ночного видения, и я надел один из них. Второй достался Бри. Остальная часть команды, идущая с нами, выключили свои фонари, несмотря на то, что смысл был в том, чтобы не использовать их без крайней необходимости. У нас есть рации, так что мы сможем общаться с оставшейся командой. Клиппер дважды или трижды проверяет каналы и прием, прежде чем говорит мне, что мы готовы.

Когда команда вылезает из машины, готовясь подняться на Стену, чья-то рука хватается меня за локоть. Эмма.

— Я хочу пойти с тобой, — говорит она. — Я могу оказать медицинскую помощь, если кто-то пострадает. — Она кладет ладони на мою куртку, и я чувствую знакомую боль в груди.

— Никто не пострадает.

— Но если это случится, мне следует быть там.

— Клиппер знает достаточно о первой помощи, чтобы справиться с чем угодно небольшим.

Она хмурится.

— Если травмы будут незначительными, то я не понимаю, почему я не могу пойти.

Этот спор мог идти по кругу всю ночь. Я положил руки на ее плечи.

— Эмма. — Она смотрит на меня снизу вверх. — Пожалуйста, останься здесь с Бо и Ксавье. С людьми, которым мы доверяем. Где безопасно. Я скоро вернусь.

Она смотрит на Стену.

— Только будь осторожен.

— Я постараюсь изо всех сил не делать глупостей.

— Я не знаю, что заставляет меня чувствовать себя лучше. Но я знаю, что это ты.

Я смеюсь, а потом застываю, когда она обнимает меня за шею, приподнимается на цыпочки и оставляет поцелуй на моих губах. Поцелуй быстрый и дружелюбный, но миллион воспоминаний прилагается к нему.

— У меня хорошее предчувствие, — говорит она, отступая назад. По поводу Группы А. Миссии. Очень хорошее чувство.

— У меня тоже, — говорю я, обуреваемый новоприобретенной уверенностью. — Я скоро увижу тебя. Обещаю.

Она улыбается улыбкой, свойственной только ей.

— Я буду ждать.

Я иду к машине, поднимаюсь на ее крышу, где команда с нетерпением меня ожидает. Особенно Бри. Она злится на меня, сложа руки на груди, указательными пальцами постукивая по бицепсу. Еще присутствует какая-то эмоция, которую я не распознаю. Страх, может быть? Тревога?

— С тобой все хорошо? — спрашиваю я.

— Я большая девочка, Грей. Меня не волнует, кого ты целуешь.

— Я вообще-то говорил о Стене, — говорю я, опешив. — Ты готова?

— О. — Сейчас она выглядит оскорбленной, почти как если бы она хотела спросить меня о поцелуе, который начал не я или который я не планировал. — Конечно. — Она замолкает и хмурится. — Надеюсь, они не сошли с ума, как и предсказывала Феллин — не стали сборищем дикарей. Это бы все усложнило.

Феллин — капитан Повстанцев и главный представитель народа Бри из Солтвотера, которая никогда не поддерживала нашу миссию. Она клялась нам, что пройдя через полстраны мы не найдем ничего, кроме диких зверей, живущих за Стеной, но я всегда думал, что видео, которые мы видели в диспетчерской предлагало совсем другое.

— Все будет хорошо, — говорю я. — Особенно когда мы вместе. Я чувствую себя намного увереннее, когда ты за моей спиной.

— Прекрати, — огрызается она. — Не смей говорить мне такие вещи.

— Какие такие?

— Обо мне и о тебе, о нас. Это только делает все труднее.

— Поэтому мне нельзя высказывать свое мнение? Даже если это — правда?

Она хмурится и так пристально смотрит на меня, что ее выражение лица превращается в нечто более печальное, чем жестокое.

— Особенно если это — правда.

— Ты хочешь, чтобы я лгал тебе?

— Меня не волнует, что ты будешь делать, если это не будет каким-то образом похоже на то, как будто ты стоишь на моей груди и ломаешь мою грудную клетку.

Вот так мы возвратились к этому — в один прекрасный момент мы снова стоим друг другу — и это просто отлично. Я могу играть с ней в эту игру бесконечно. Отталкивать ее, дразнить ее, науськивать, постоянно язвить ей. Я говорил ей с самого начала, что у меня есть куча доводов, почему у нас не получится быть вместе. Это даже не борьба, это наша вторая натура — перегрызать друг другу глотки. Это так же легко, как дышать.

— Если ты заметишь камеру с той стороны, не жди от меня, чтобы я пойду спасать твою задницу, когда Орден схватит тебя.

Она ухмыляется, и это заставляет ее выглядеть немного больше похожей на себя.

— Аналогично.

— Кроме того, твои шнурки на ботинках развязаны.

Бри смотрит вниз и видит, что ее шнурки крепко связаны. Она отпихивает меня, ее рот сжимается, сдерживая смех и ярость одновременно.

Сэмми откашливается.

— Мы это делаем или мы будем стоять здесь всю ночь?

— Нет, мы идем, — говорю я, и после моих слов, Ксавье, находящийся рядом со мной, предлагает свои переплетенные пальцы, чтобы я мог использовать их в качестве дополнительной ступеньки.

— Увидимся на другой стороне, — говорю я Бри. Ее лицо ожесточается, и она кивает коротким кивком.

Я ставлю свой ботинок на ладони Ксавье, и он поднимает меня вверх.

Мои руки достают до верхнего края Стены, и я влезаю.

Я СВИСАЮ СО СТЕНЫ, немного поболтавшись, перед тем как, наконец, спрыгнуть.

За тот небольшой промежуток времени, который я нахожусь в свободном падении, я представляю себе, что я возвратился в Клейсут. Что когда мои ноги коснутся земли, я обнаружу глину под своими ногами и увижу начало привычных охотничьих троп. Но за Стеной земля бесплодна, как и во Внешнем Кольце. Деревья, растущие тут, в основном молодняк, да и редки они на этой заснеженной земле. Я думал, что я смогу разглядеть очертания зданий на расстоянии, но непрерывный снегопад мешает мне что-либо увидеть.

Рядом со мной приземляется Бри. Дальше идет Клиппер, следуя после Джексона и наконец, Сэмми. Я направляюсь связать руки Джексона, но он отшатывается от меня, упираясь рукой в Стену, чтобы не упасть.

— Меня тошнит, — говорит он.

Я уверен, что это часть спектакля, для того, чтобы избежать того, что мы для него придумали, убежать от судьбы, как говорится, но после своих слов он выносит в снег свой ужин.

— Давай, — говорю я, одергивая его.

Он смотрит на Стену и дергает головой в сторону, словно уворачиваясь от удара, а затем зажимает переносицу и начинает что-то бормотать.

— Что с ним такое? — шипит Бри.

— Эй, соберись. — Я встряхиваю Джексона и его глаза распахиваются.

— Мы не должны туда идти, — говорит он. — Это плохо. Это плохое место.

Он все бормочет и дергается. Клиппер выглядит напуганным, а у меня не должно быть Копии, пугающей до смерти ни из-за чего мою команду.

— Эй! — Я хватают его за плечо. — Джексон!

Он замирает.

— Ты назвал меня по имени.

— Если бы я знал, что сделав так, тебя будет легче контролировать, я бы уже давно перестал бы называть тебя Копией. Я заново свяжу тебе руки, и если ты не успокоишься, я без особого труда опять сломаю тебе нос, прежде чем мы найдем место, где тебя оставить. Выбирай: ты хочешь умереть с голоду еще и со сломанным носом, или просто от голода?

Он предлагает мне свои запястья.

— Я думаю... Мне нужно... — Его голова падает на грудь, и он снова съеживается, как будто испытывает резкую боль. — Я не знаю. Я ничего не знаю.

— Пойдемте, — говорю я другим, поражаясь, каким хороший актером становится Джексон. — Он будет в порядке.

Сэмми хватает Джексона за локоть, чтобы сопроводить его.

— Копии было не достаточно. Нет, нам надо было спрыгнуть, чтобы получить еще один нервный срыв.

Бри огрызается на него, требуя замолчать, и мы начинаем продвигаться вперед. Трудно видеть сквозь хлопья снега, но я могу разобрать по мере приближения к городу безжизненные поля и загоны для скота.

Группа А была наиболее хорошо укомплектована из подопытных групп, у них было подведено электричество и водопровод, пока Франк не отрезал их. Я знал это с того самого

дня, как прочитал документацию проекта, но я никогда по-настоящему не осознавал, какие условия жизни были у них до сегодняшнего дня, пока мы не вступили в сам город. Как этой группе удалось поднять восстание и напасть друг на друга, а потом практически вымереть, когда в их распоряжении было так много ресурсов — мне было не понятно. С просевшими крышами, здание за зданием стоят прижатые друг к другу. Некоторые похожи на скелеты — от них остались лишь каркасы. У других стены не повреждены, но выглядят они так, будто сейчас развалятся. Даже с учетом разрушений, очевидно, что когда-то они были безупречными. И современными.

Я прищуриваюсь и всматриваюсь в разбитые окна строения справа. Школьные парты стоят рядами, некоторые опрокинутые. Следующее здание — это больница, намного совершеннее, чем Клиника, где управлялись Эмма со своей мамой. Здесь кровати на колесиках и вдоль стен стоят мощные шкафы с замками. Их содержимое было вытащено и разбросано по полу: ржавые ножницы, разбитая техника, медицинские мензурки, что катаются от ветра.

Джексон все еще бормочет, когда мы подходим к деревянной платформе. Т-образный остов возвышается из своего основания, и веревочная петля болтается на самой высокой точке. Я думал, что это должно быть, что-то типа нашего Колокола Совета — устройства, которое кое-кто использовал для встреч с Орденом — пока Сэмми не шепчет:

— Виселица.

Затем он тянет веревку, висящую над головой, и затягивает ее на своей шее. Он наклоняет голову на бок и высовывает язык, свешивая его изо рта, и тут меня озаряет. Мы обходим платформу по широкой дуге, проходя мимо.

— Помнишь, когда ты сказал, что докажешь мне, что я ошибаюсь? — шепчет мне Бри. — Ну, это место выглядит не особо заселенным.

— Они должны быть здесь. Мы их видели.

Чего я ей не могу сказать, так это то, что я тоже начинаю волноваться, как и она, что мы зря пересекли весь ЭМИст. Я не ждал, что выжившие будут вываливать на улицу, чтобы поприветствовать нас, но мы не увидели ни одного признака жизни. Вероятность того, что Группу А перебили всех до единого, все еще кажется более правдоподобной.

Но вдруг...

— Там.

В одном из зданий впереди светится огонек. Он слабый, еле проглядывается в снегопаде. Мы с Бри бежим туда. Сэмми что-то кричит о том, что останется с Копией, но мы не останавливаемся. Я врываюсь в дом, Бри за мной. Две туши оленей свисают с потолка и воздух наполнен металлическим запахом крови. Первый признак людей. Выживших.

— Есть кто живой? — кричит Бри.

Мы движемся вокруг столов, уставленных топорами и киянками. С другой стороны комнаты скрипят половицы. У меня наготове стрела, да и пистолет Бри направлен в темноту. Я надеюсь, что тот, кто здесь находится, не видит также хорошо как мы, с нашими приборами ночного видения. Я сомневаюсь, что мы выглядим располагающими к себе.

— Есть кто? — повторяет Бри.

Слышатся шаги, а затем появляется фигура с факелом, ослепляя им меня в очках.

Человек пробегает между двумя тушами и выскальзывает в боковую дверь. Мы с Бри преследуем его, пересекая переулок и забегая в другое здание. Мы входим в большое помещение — возможно сарай — пустое, кроме деревянной обрешетки и пары лопат.

Оружие наготове, и мы с Бри двигается в центр комнаты. Факел, и человек, держащий его, исчезли.

Взрыв с улицы достигает наших ушей: Клиппер зовет на помощь, Сэмми вскрикивает.

Джексон. Мы никогда не должны были оставлять его наедине с другими. Истерика Копии была игрой, как я и подозревал. Он, наверное, сбежал прямо сейчас.

Но прежде чем я успеваю двинуться, пол подо мной оживает, отступая. Мы с Бри смотрим друг на друга, и затем падаем.

Я достигаю дна и ничего не вижу, меня опять слепит. Тепло пронзает мою спину. Я задыхаюсь, снова и снова пытаюсь набрать воздуха, и, наконец, он возвращается в мои легкие. Сверху прыгает незнакомец и люк, в который мы с Бри упали, закрывается.

Незнакомец держит факел в вытянутой руке, быстро моргая, как будто его яркость режет ему глаза. Я снимаю очки ночного видения, чтобы рассмотреть его. Он не намного старше меня, с растрепанными волосами, которые слиплись в спутанные до плеч космы, с бледной, почти просвечивающей кожей. Что-то темное, похожее на смолу размазано по его лицу как своего рода ночной камуфляж. Он наклоняется вперед, сверкая лезвием передо мной.

— Смот'ите-ка, у нас гости, — говорит он.

И только потом, когда зажигаются еще факелы, я замечаю с полдюжины фигур по периметру комнаты. Группа людей состоит полностью из мужчин, их одежда имеет беспорядочное сочетание материалов — меха, с заплатками из хлопка, шерсти, и кожи. Они приседают у стен, как животные — костлявые колени и ладони ставят на пол, моргая при этом налитыми кровью глазами.

Одно слово приходит на ум, слово, которое произносила Феллин, когда она смеялась над нашей миссией и над ее планами.

Дикари.

И они окружают нас.

Я ОТПОЛЗАЮ НАЗАД, МОИ ПЛЕЧИ опираются в плечи Бри. Парень прижимает плоское лезвие своего кинжала к моей шее под подбородком и направляет его вверх, вынуждая меня посмотреть на него.

— Я не делал бы никаких ‘езких движений. — Его слова звучат растянуто, соединяясь друг с другом таким образом, как будто он съедает согласные. — Я п’едпологал, что вы пойдете за мной. Теперь я буду вынужден пе’е’езать вам глотки.

Дверь за его спиной распахивается, и двое мужчин втаскивают Клиппера, Сэмми и Джексона. Всех троих связали и заткнули им рты. Получается крики, которые мы слышали до этого, не имели никакого отношения к Копии.

— Титус, мы нашли д’ругих, — говорит один из конвоирующих.

Титус ослабляет нажим кинжала к моему подбородку и поворачивается в их сторону. Мы с Бри понимаем, что это наш шанс и приходим в движение в эту же секунду. Она вскакивает на ноги и хватает рацию с моего бедра.

— Ксавье. Мы...

Кулак Титуса приходит из ниоткуда. Я чувствую вкус крови, рация падает. Весь мир становится на мгновение размытым. Когда мое зрение восстанавливается, Титус стоит передо мной, раскручивая металлическую цепь в своих ладонях. Он растоптал рацию своим каблуком.

— Достаточно! — кричит Бри, наставляя на него пистолет. — Развяжи их. — Она дергает стволом в сторону остальной части нашей команды. — Сделай это сейчас же или, клянусь, я выстрелю.

Титус проводит кинжалом так быстро, что я этого не ожидаю. Проходит одно мгновение и моя грудь горит огнем. Я задыхаюсь, прижимаю ладонь к своей рубашке. Материал становится влажным, а мои пальцы липкими.

— Опустит пистолет, девочка, — говорит Титус Бри, — или в следующий ‘аз ему станет хуже.

— Мы пришли помочь вам, — говорит она, отказываясь опускать пистолет. — Мы пришли...

— А мы не п’осили вашей помощи! Так всегда с вашими людьми. Вы думаете, что знаете лучше, кому что надо. Вы думаете так много, но не з’аете ничего.

Я моргаю, и лезвие его кинжала во второй раз утыкается в мою шею. Двое мужчин позади Титуса также прижали свои ножи к шеям Сэмми и Клиппера. Только Джексону никто не угрожает, видя, что он был связан с самого начала, стало, наверное, ясно, что мы никогда не заботились о его безопасности. На долю секунды я надеюсь, что он воспользуется этим и как-то освободит нас всех. Глупая, отчаянная мысль.

— Клади на пол свой пистолет и мы но’мально пообщаемся, — говорит Титус Бри.

— Откуда мне знать, что ты не перережешь ему горло, когда я опущу пистолет?

— Ты п’осто должна мне дове’иться.

— Чего это?

— Если ты этого не сделаешь, я пе’ебью всю твою команду.

Бри переступает с ноги на ногу.

— Ты блефуешь.

Но я понимаю, что он говорит правду. Я вижу это в его налитых кровью глазах. Мы были неправы думая, что эти люди здесь нуждались в нашей помощи, что мы могли бы убедить их присоединиться к нам, превратить их тюрьму в наше убежище. Это было неправильно.

— Бри, — говорю я. Кинжал Титуса режет мою шею. — Это того не стоит.

— Я не могу это сделать.

Они слишком рассредоточены. Она только успеет выстрелить, может дважды в лучшем случае, прежде чем один из нас умрет.

— Ты хороша, но ты не настолько хороша для всего этого. Никто из нас бы не смог. Если ты умна, ты признаешь это.

Ее рука дрожит, переводя ствол пистолета между Титусом и его людьми. Бри сглатывает и опускает оружие. Титус выхватывает его у нее. Он поворачивается лицом к голой стене, и нажимает на курок шесть раз. Мои уши закладывает, в голове стучит и пульсирует от выстрелов в закрытом помещении.

Титус улыбаясь, передает пистолет обратно Бри.

— Насколько убедительным оно было до э'ого момента, не 'ак ли, да?

Она смотрит на пистолет, теперь просто пустой кусок металла. Ее челюсти сжимаются. Она бросается на него, но кто-то, стоящий вдоль стены, прыгает, чтобы сдержать ее.

Титус оборачивает цепь вокруг своей ладони.

Он ударяет Бри три раза, прежде чем мне завязывают глаза и вытаскивают из комнаты.

Меня кидают на холодную землю. Боль вспышкой проходит через мои плечи к моим рукам, когда их связывают сзади. Потом моя рубашка распахивается. Позже наступает момент, когда жало иглы, не пытаясь быть аккуратным, зашивает мой разрез на груди. Мой рот затыкается кляпом, когда я не переставая зову Бри и остальных.

Когда рана зашита и повязку с глаз наконец-то снимают: я вижу, что нахожусь в темной комнате, наполненной трубами и столбами, и как ни странно одинаковыми по размеру металлическими баками. Стало совсем темным темно, когда ушел лекарь, закрыв за собой дверь. Теперь моя единственная компания — это мерцание свечи находящейся от меня вне досягаемости.

— Эй! — кричу я через мой кляп. Мой голос разносится эхом по темной комнате. Я пытаюсь встать, но мои руки связаны не только за спиной, но и вокруг столба. Я кручусь, пытаюсь освободиться, и чувствую, как напрягаются мои швы от движения.

— Эй! — кричу я снова. — Развяжите меня!

— Они не придут, — отвечает мне кто-то. Джексон.

Я приспускаюсь на пол и заглядываю под металлический бак за столбом, к которому я привязан. Я едва-едва могу разобрать его с другой стороны, сидящего ко мне спиной.

— Джексон. Ты можешь развязать меня? — Из-за кляпа мои слова произносятся нечетко, но, кажется, он понял меня достаточно хорошо, потому что он смеется.

— На фиг мне тебе помогать? И, кроме того, я не могу. Я тоже связан...

— А где остальные?

— Сэмми и Клиппера куда-то утащили. Я не знаю, где держат их.

— А Бри? — спрашиваю я заискивающе. — Что насчет Бри?

— Титус бил ее пока она не отключилась. Потом меня затащили сюда, но ты был слишком занят, крича, чтобы услышать, когда они меня сюда притащили. Я больше ничего не знаю.

Мои губы пересохли. Как это произошло? Как мне удалось испоганить нашу миссию, сделать так, что всю мою команду поймали? И Бри. Это полностью моя вина. Я сказал ей опустить пистолет. Я сказал ей отдать ее единственный способ защитить себя.

Громкий звук эхом проносится через комнату и она наводняется факелами. Я отстраняюсь от этого. Входит человек, одетый в меха и кожу, волоча за собой Сэмми и Клиппера. Белобрысая челка Сэмми мокрая от крови, и нос распух вдвое больше нормального размера. Он наверняка сломан. Я чувствую небольшое облегчение, когда вижу Клиппера невредимым.

Человек привязывает Сэмми к столбу передо мной, а Клиппера за Сэмми. Затем он замечает меня, смотрит и кричит в сторону двери.

— Он хочет увидеть следующим лидера?

— Тащи его, — слышится ответ.

Меня быстро отвязывают и вытаскивают из комнаты. Мы поднимаемся по лестнице и минуем ряд коридоров. В некоторых коридорах бетонные стены покрыты инеем, в других нет ничего, кроме замерзшей грязи. Я ни разу не увидел окна. Мы все еще под землей. Даже странно, что я не вижу ни одного человека. Здесь должно быть больше народу, чем та горстка, которую мы с Бри видели после падения в люк.

Мы делаем крутой поворот, и меня впихивают в комнату. Гамак висит между двумя трубами. Туалетный горшок стоит на полу. Несколько свечей расположились на поверхности грубо сделанного стола. Титус выходит из угла на их свет.

Меня толкают на ящик служивший стулом, и хотя бы вынимают кляп, тем самым как мои руки остаются связанными у меня за спиной.

Титус пренебрежительно отмахивается от моего эскорта.

— Б'уно, ставь че'тов факел и вали отсюда. Он 'ежет глаза.

Бруно ворча, уходит. Как только я остаюсь один на один с Титусом, я выдаю первую мысль, которая приходит мне в голову.

— Где Бри?

Его улыбка превращается в злой оскал при свете свечей.

— Ты здесь не для того, чтобы сп'ашивать о своей женщине.

— Где она?

— Скажи мне свое имя, и возможно я скажу тебе, где она.

— Грей, — немедленно отвечаю я. — Грей Везерсби.

Он повторяет мое имя, как будто пробует его на вкус. Затем он проводит пальцами по пламени свечей.

— Я сказал тебе мое имя. Теперь говори где она?

— Я пе'едумал.

Я стараюсь развязать руки.

— Ты сказал...

Титус поднимает свой кинжал и всаживает его в стол. Он входит вертикально, колеблясь, и свет, отражается от его лезвия.

— Что на этот 'аз? — оскаливается он, распрямив грудь. — Что вы хотите?

— На этот раз? Мы пришли предложить вам помощь.

Он скрещивает руки на груди и смеется.

— То же самое гово'или люди и в п'едыдущий визит, и что потом п'оизошло, п'едставитель?

Я пытаюсь осмыслить его слова, но ничего не понимаю. Я вспоминаю все, что я знаю про Группу А.

Подопытные стали нецивилизованными. Они дрались, убивали друг друга, полностью вышли из-под контроля. Франк отключил электричество, надеясь, что они погибнут. Что и произошло (Бо несколько лет назад подслушал отчет одного члена Ордена для Франка подтверждающего это). Но затем, несколько месяцев назад, мы увидели выживших из Группы А на экранах в диспетчерской Центра. Я должно быть что-то упустил — решающую деталь — ведь то, что говорит Титус, не имеет смысла.

— Т'ои люди сказали мне то же самое, когда мы доп'ашивали их, — сказал Титус. — *Мы здесь, чтобы помочь.* Блондин был п'актически бесполезен. Он к че'тям собачьим отказался гово'ить. Утве'ждал, что ты бы этого не хотел.

Я почувствовал прилив благодарности за верность Сэмми.

Титус, сидя на ящике напротив меня, вытаскивает свой кинжал из стола. Он направляет его на меня.

— Тепе'ь я слушаю, и я слушаю внимательно. Вы не надели эти че'ные мунди'ы, но я знаю, что вы задумали. И даже если я еще не 'одился в то в'емя, когда Жнецы пе'есекли нашу Стену, я слышал исто'ии. Я знаю, что за ст'адания вы сеете.

Правда бьет меня, как удар под дых. Бо интерпретировал доклад о Группе А как то, что они умерли поубивав друг друга. Но теперь, я думаю, я знаю. Я не хочу в это верить, но думаю...

— Титус, что случилось в последний раз, когда к вам пришли?

— Ты п'ек'асно знаешь, что п'оизошло, — выплевывает он. — Это были твои люди, и это была бойня. Все, кто жил наве'ху были уничтожены.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

МОЙ РОТ РАСКРЫВАЕТСЯ Это невероятно жестоко, но логично. Это объясняет, как так они выжили, почему они так осторожны и скрытны даже сейчас.

— Твои люди тогда сражались, — произношу я. — Это была война. Те, кто не хотел принимать участие в кровопролитии, должно быть, ушли в подполье. Остальные продолжали бой на поверхности, в открытую, в течение нескольких месяцев. И потом... — Я вспоминаю слова Титуса, используемые им для описания скорее всего Ордена. — И тогда прибыли Жнецы.

— Я смотрю ты вспомнил, п'едставитель. Поэтому я сп'ашиваю снова: что ты хочешь на этот 'аз?

— Мы не с ними, — говорю я. — Не с теми людьми... Жнецами. Они часть Франконианского Ордена, группа под предводительством Дмитрия Октавия Франка. *Он* ваш враг — не моя команда. Он поместил вас внутрь этой Стены, и когда все стало слишком из рук вон плохо, он решил навести порядок, начав с того, что стал безжалостно истреблять твой народ.

— Ты знаешь очень много о нашей исто'ии. — Глаза Титуса сужаются. — Слишком много.

— Мы такие же, как вы, Титус. Я тоже вырос окруженный Стеной.

Он с сомнением хмыкает.

— Ты лжешь.

— Почему? Потому что если кто-то взберется на Стену и попытается перебраться на ту сторону — сгорит? Потому что меня бы тут не было, если бы я перебрался?

Он смотрит на меня исподлобья.

— Я, конечно, знаю, об этом. Как и любой Жнец.

— Я *не* Жнец. Моя команда не имеет никакого отношения к Ордену.

Он поднимает голову и смотрит на меня с налитыми кровью глазами. У меня отвратительное предчувствие, что он решает, как избавиться от меня, когда наша встреча подойдет к концу. Он не верит ни единому моему слову.

— Ты сказал, что тебе нужны ответы, у меня они есть, — отчаянно говорю я. — Я расскажу правду, с какой целью моя команда находится здесь, но только после того, как увижу Бри, убедившись, что с ней все в порядке.

Он соглашается на это, и, в конце концов, кивает мне, чтобы я продолжал. Я начинаю открывать правду, которую однажды открыли мне.

— Это место, ваш дом — он часть проекта. Проекта «Лайкос».

И я рассказываю ему все.

Я объясняю, как Франк создал пять подопытных групп в ЭМИсте. Как он поставил общества этих групп в различные условия жизни, чтобы создать свою собственную марку солдат. Как он с помощью церемонии Похищения забирал мальчиков в возрасте восемнадцать лет, а в случае Солтвотера — иногда и девушек в возрасте шестнадцати лет. Я рассказал ему о Копиях, о плане Франка создавать Колонов похищенных людей для его постоянной борьбы с ЭмВестом, и о его конечной цели — безграничном числе клонов, расходной армии солдат, которую, я боюсь, он, наконец, достиг. Я заканчиваю рассказ как Повстанцы заметили Группу А на экранах в диспетчерской Франка и решили с этим

разобраться.

— Мы хотим помочь вам взять здесь власть в свои руки. Затем мы могли бы войти в контакт с нашими людьми на востоке, и сражаться с Франком с двух сторон. Вы можете помочь нам. Или вы могли бы оставить все это, перелезть через Стену, и начать жизнь где-то еще. Все, что захочет твой народ. Дело в том, что вы не должны так больше жить. Повстанцы готовы помочь вам.

— Тот, кто пе'елезет че'ез Стену, тот ум'ет, — твердо произносит Титус.

— Я только что сказал тебе: Франк даже не знает, что вы здесь. Он думает, что всех убили. Ничего не случится, если вы перелезете.

— Ложь! Все мы помним 'асказы наших бабушек и дедушек о Жнецах, одетых в че'ное, единственной целью кото'ых было сеять сме'ть. Сме'ть всем пе'елезающим че'ез Стену.

— О, действительно? Когда в последний раз кто-то пытался пересечь Стену?

— Никто не лазил последние десятилетия, и никто в ближайшее в'емя не полезет. Мы выходим только по ночам, темнота — это безопасность, день — опасность. Ничего хо'ошего там нет.

— Нет, там есть много чего. Там тоже плохо, но я предлагаю тебе помощь. Сотни, *тысячи* нас на вашей стороне. Мы хотим сделать это правильно. Мы хотим свергнуть Франка так, чтобы никто больше не боялся его, включая твой народ.

Он крутит своим кинжалом по столу, вырезая ударами крошечные дерна.

— Жнец, это зак'ученная ложь то, что ты гово'ишь. Думаешь, я попадусь на нее, потому что она такая наве'нутая?

— Я говорю тебе правду!

— Похищения, о кото'ых ты упоминал, в чем состоит смысл этого п'едполагаемого п'оекта — у нас они не п'оисходили. Их *никогда* здесь не было. Твоя исто'ия полна п'отиво'ечий и я не куплюсь на нее.

— Конечно, они здесь не происходили! Франк считал твоих людей нестабильными. Он не хотел использовать их в качестве основы для Копий. Он считал вас настолько дикими, что просто пришел и убил всех наземных, чтобы положить конец его собственному беспорядку. И теперь, даже если он действительно *захотел* бы Похитить твоих людей, он не смог бы, потому что он не знает о твоём существовании. Вы прячетесь здесь в течение многих лет, боясь показать свои лица.

Титус ударяет ладонями по столу.

— Ты не был свидетелем сме'тоубийства. Ты не слышал к'ики и мольбы о пощаде, когда Жнецы убивали наших людей.

— Ты тоже! Это произошло много лет назад.

— Я не должен жить, забывая об этом! — закричал он. — Мы никогда не забывали об опасностях, кото'ые находятся наве'ху и я не пойду на'ужу с тобой. Я ничем не помогу вам.

— Я хочу поговорить с ответственным лицом.

Он улыбается.

— Ты смот'ишь на него.

— Здесь нет никого старше?

— Да много, но не так уж много пользы от людей, кото'ые не могут долго охотиться или уби'аться, или создавать новую жизнь. У ста'иков нет никакой власти в Бу'ге.

— В Бурге?

— Не надо п'итво'яться, что ты не знаешь, где ты находишься, Жнец.

Итак, у Группы А наконец-то появилось название.

— И сколько вас здесь? В общей сложности?

— Я не дам моим в'агам больше инфо'мации, — сказал он, вставая.

— У нас *один и тот же* враг! Как долго я должен повторять это?

Но он уже не слушал.

— Б'уно! Каз!

Бруно снова вошел в комнату. При свечах я смог его рассмотреть. У него была пятнистая борода и глаза-бусинки, и он, скорее всего, не старше Сэмми. Второй человек выглядит с ним одного возраста, одетый в шерстяной свитер с кожаными заплатками на локтях и плечах.

— Отведите его в каме'у, — говорит Титус. — Дайте ему пять, а затем б'осьте его об'ратно к остальным.

— Стойте! — ору я. — Вы должны послушать меня. Вы должны...

Но Бруно и Каз уже тащат меня из комнаты. Я теряюсь по дороге, не зная, куда мы идем, потому что я усердно пытаюсь вырваться. Мы делаем резкий поворот и останавливаемся перед сплошной, зловещей дверью. Один из них открывает ее, а другой развязывает руки. Затем меня пихают внутрь, и запирают в темноте. На полу стоит одинокая свеча. Через минуту мои глаза привыкают к темноте, и когда это происходит, я понимаю, что Титус сдержал слово хотя бы в одном.

Он позволил мне увидеть Бри.

Она лежит лицом вниз на жестком полу, головой упираясь в предплечье. Небольшая миска воды, практически пустая, стоит рядом.

Я ползу в сторону Бри, положив голову рядом с ее лицом. Теплый выдох бьет меня по щеке.

Я переворачиваю ее и сжимаю. Я не думаю, что видел ее в худшем состоянии. Ее губа разбита в двух местах, и ее нос, как и у Сэмми, гораздо больше, чем должен быть. Из раны на лбу, оставленной металлической цепью Титуса, льется кровь, пуская ручеек в ее волосы. Над ее левым глазом ужаснейший рубец. Его надо зашивать. Ужасно.

— Бри? — я легонько трясую ее за плечи.

Она стонет, заставляя свои глаза открыться. Они расширяются, когда она видит меня, и мое имя пронизано болью, когда оно срывается с ее губ.

Я отрываю кусок ткани от своей рубашки и смачиваю его в воде из миски. Таким образом я могу попытаться очистить кровь с ее лица.

— Я убью его за это. Он считает, что это что-то доказывает — избить того, кто попал в твои руки.

— Не трать... свою энергию, — говорит она между резкими вдохами.

Я поднимаю бровь.

— Я убью его сама, — уточняет она. — Мне не нужно ни с кем сражаться — она морщится, когда я прижимаю ткань к ране над ее глазом — за свою битву.

Я усмехаюсь ее упрямству.

— Хорошо, что он не сломил твой дух.

— И что тебя удивляет? Ты думал, что я сломаюсь после нескольких ударов?

— Нет. Определенно нет. Я только...

Мне вдруг захотелось прикоснуться к ней руками, а не влажной тряпкой. Я захотел почувствовать ее кожу и притянуть ее к груди, и сказать ей, что это нормально потерять

бдительность и ослабить свою оборону. Что сейчас, ей не обязательно быть настолько жесткой. Я все понимаю, и судить не буду. Она могла бы даже плакать, мне все равно, ведь это ничего не изменит, я и так знаю, что она сильная. Со мной можно расслабиться.

— Что? — спрашивает она.

Ее глаза, ясные и голубые, полные надежды, ищут мои, но я не знаю, что ей ответить. Не хватит слов в мире, чтобы даже начать объяснять, что я чувствую. Недолго думая, я прикладываю ладонь к ее щеке.

Она замирает.

— Грей?

Я хватаюсь за нее, и вдруг обхватываю ее лицо своими руками и смотрю прямо на нее, ошарашенный тем простым фактом, что я хочу ее поцеловать. Мягко, чтобы не причинить ей больше боли. Страстно, потому что боль будет стоить этого.

Но потом она произносит:

— Не делай этого, если ты не имеешь это в виду, — и я понимаю, что моя жизнь одна импульсивная реакция за другой. Совсем не факт, что то, что мне хочется в данный момент, захочется мне завтра или послезавтра, а также поцеловать ее сейчас будет равносильно тому, как растоптать ее сердце, о чем она предупреждала меня той ночью с гагарами.

Так что я отвечаю:

— Что — что? Я вправляю тебе нос.

Даже когда я перемещаю свои пальцы, я могу сказать, что она мне не верит. Я вправляю ее кости, и она вскрикивает.

Позади нас рывком открывается дверь.

— Время вышло, — ворчит Бруно, а затем вытаскивает меня из комнаты. В этот раз я не борюсь, когда он ведет меня. Я считаю шаги, запоминаю повороты и лестницы. Я запоминаю дорогу обратно к Бри.

— Я видел ее — говорю я команде, после того как Бруно привязывает меня к моему столбу и желает нам сладких снов с безжалостной улыбкой. — Она жива.

— И? — Сэмми спрашивает в темноте. — Что она сказала? Есть идеи, как выбраться из этого?

Пока он это не сказал, я не понимал, что растратил в пустую свое время с Бри. Вместо того чтобы разработать план, я прожил эти пять драгоценных минут с упором на неправильные вещи. Вот почему я никогда не стану и таким наполовину руководителем, каким был мой отец. Я эгоистичный, легкомысленный и безответственный. У меня ветер в голове.

Я перекатываюсь на свою сторону, не отвечая Сэмми.

— Конечно, не торопись, Грей. Нас же не держат против нашей воли или что-то в этом роде.

Спустя несколько мгновений он уже храпит, как будто враждебный аргумент — лучший рецепт для хорошего сна. И, возможно, для него так оно и есть; он высказал свое мнение. Но мне снится нечто тревожное, что-то вроде кошмара.

Небо черное от воронов, чьи крылья как тучи, заслоняют солнце. Краснохвостый ястреб пытается прорваться, но он не идет ни в какое сравнение с их числом. Эбеновые клювы спускаются и потом появляется кровь. Везде. Небо идет рябью, и вдруг оно становится поверхностью озера, темным под осколком Луны, с одинокой гагарой в его центре. Она тоже истекает кровью. И кричит грустную, одинокую песню.

Она кричит снова и снова.

Проходит ночь.

И она остается одна.

НАС ОТВЯЗАЛИ И ПО ПРОШЕДСТВИИ БОЛЬШОГО количества времени Бруно с Казом отвели нас в общую уборную. Я предполагаю, что сейчас утро, но ни в чем нельзя быть уверенным в этих туннелях.

Мужчины оставили нас с двумя зажженными свечами, уйдя в коридор и закрыв за собой дверь. Воды было мало, только одно ведро для нас четырех, и мы помылись, как смогли. Я соскребу засохшую кровь со своего лица и груди. У меня появился синяк под глазом, оставленный Титусом, но выгляжу я гораздо лучше по сравнению с Сэмми. Кровоподтеки вокруг его глаз, сломанный нос смотрятся намного хуже.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как в аду. — Он поворачивается к осколку зеркала на стене и рассматривает свой нос.

— Хочешь, я его выправлю?

Сэмми игнорирует меня, просто делает глубокий вдох, кладет пальцы на нос и ставит кости на место. Из его глаз текут слезы, когда он заканчивает.

— Как тебе кажется — прямой?

Я киваю и он мне криво улыбается.

— Так что мы будем делать? — спрашивает Клиппер. Его глаза практически закрываются, как будто он спал не более часа или двух, что вполне может быть правдой. Я посветил их в историю чудовищного истребления людей Группы А несколько лет назад и в то, как Титус считает, что мы с Орденом заодно, или, как он любит его называть — со Жнецами.

— Я думаю, что единственный способ двигаться вперед — это, если Титус действительно поверит, что мы на его стороне, — говорю я. — Мы должны заслужить их доверие.

Сэмми резко вздыхает.

— Это означает, я не смогу разбить ему нос и сравнять счет, да?

Я резко перевожу на него взгляд.

— Определенно нет.

— А что по поводу Бо и остальных? — спрашивает Клиппер. — Он же придут за нами, так?

— Я так не думаю. План для них состоял в том, чтобы дать нам несколько дней, чтобы найти выживших. Наша же задача была в том, чтобы привлечь их на нашу сторону. Узнать, как восстановить электроснабжение. Найти место, откуда производится управление камерами и поставишь их крутить одно и то же, в то время как Бо и Ксавье должны оставаться на своих позициях.

— Но ты радировал им, — говорит Клиппер. — Ты только успел позвать Ксавье по имени, прежде чем Титус разбил рацию, но если он услышал это, то он также услышал и панику в твоём голосе. Они заподозрят, что что-то не так. Попробуют вызволить нас.

— Они умнее, — произносит Джексон. Я удивлен, не только тем, что он вступил в разговор, но и из-за того, что он разделяет мою точку зрения.

— Именно так, — говорю я. — Они не будут врываться в Группу А вслепую. Ни тогда, когда они не знают, что им противостоит. Мы должны быть терпеливыми. Дать понять

Титусу, что мы действительно хотим помочь его людям, что мы здесь не для того, чтобы разрушить тут все, как сделал Орден много лет назад.

— Вам не кажется, что «Жнецы» звучит лучше, — говорит Сэмми. — Гораздо более устрашающе и зловеще. Франк действительно промахнулся, не назвав так свою армию.

По какой-то причине это замечание выводит меня из себя.

— Слушай, для тебя реально сложно хоть иногда быть серьезным? Хоть когда-нибудь?

— Мне? — говорит он, выглядя одновременно невинно и яростно. — Это ты тот, кто поставил нас в это положение.

— Это *не* моя вина.

— Да неужели? Забавно, особенно, когда ты тут главный.

— Я не просил об этом! — отрезаю я.

— Так оставайся мужиком или позволь другому взять это на себя.

— Отлично! Ты хочешь, чтобы я начал раздавать приказы? Вот один: завязывай с бесконечным сарказмом!

Мы почти перешли на крик. Я впервые понимаю, что Сэмми не намного выше меня и мне приходится смотреть на него снизу вверх. Мне это не нравится.

— Я буду серьезнее, Грей, — говорит он медленно, — как только ты прекратишь разрывать Эмму, как тряпичную куклу.

— Что, прости, это означает?

— Это означает, что все, что она делает — это говорит о тебе. Что она переживает из-за всего, а ты все никак не отпустишь ее, будто у нее есть шанс, когда совершенно очевидно, где блуждают твои мысли. Почему ты не переспшишь с Нокс и не покончишь с этим? Разбей сердце Эммы, чтобы она могла двигаться дальше!

Я толкаю его так сильно, как могу. Он ударяет меня, что я едва успеваю увернуться и, прежде чем получаю шанс ответить, Джексон встает между нами.

— Боже, вы же с Нокс достойны друг друга, — выплевывает Сэмми из-за плеча Копии. — Вы оба эгоистичные, жестокие и совсем рехнувшиеся.

Я нападаю на него, но Джексон зажимает меня в угол.

— Мы на самом деле делаем это? — говорит Клиппер. — Довольно глупо драться прямо сейчас.

Я перестаю вырываться из хватки Джексона, опуская свои руки. Клиппер дело говорит. Нам сейчас нельзя ссориться. Не по поводу этого, не по поводу чего-то другого. Если мы не едины, мы не выберемся из этого бардака.

Я вытираю ладонь о рубашку, и предлагаю ее Сэмми, хотя я все еще чувствую, как он сверлит меня взглядом.

— Мир?

Он смотрит на мою протянутую руку, и, наконец, пожимает ее.

— На сейчас.

Клиппер нервно смотрит на дверь и все, чего я хочу, чтобы он мне доверял, но я не знаю, как это сделать, эту *лидерскую* штучку. Мне нужен мой отец. Или Блейн. Они, вероятно, сказали бы что-то вдохновляющее, или, что-то по крайней мере, обнадеживающее.

— Я достучусь до Титуса, — объявляю я, пытаюсь казаться уверенным в самом себе. — Я не знаю, как, но я заставлю его поверить в нашу историю. Мне просто нужно несколько дней.

— А если он решит все по-другому? — спрашивает Клиппер и его лицо становится

бледным от беспокойства.

— Типа как?

— Он считает, что мы заодно с Орденом, что мы такие же убийцы, что убили его народ. Ты действительно думаешь, что он будет держать нас в живых достаточно долго, чтобы разобраться? Развяжет нас? Может, давайте начнем искать в этом месте источники питания?

Я стучу в дверь, давая понять Бруно и Казу, что мы готовы.

— Ну? — говорит Клиппер, но никто ему не отвечает.

* * *

В итоге в Бурге осталось около нескольких сотен уцелевших. Мы стоим с ними в коридоре, ожидая в очереди, которая теряется за углом.

Девушка, которая не может быть намного старше меня, стоит прямо перед нами. Она держит свою руку на плече маленького мальчика трех или четырех лет. На руках у нее отдыхает младенец и, судя по ее выпирающему животу, она еще ждет ребенка. У нее темная кожа — не такая темная, как у Эйдена, как бы загорелая, как будто она проводит свои дни на солнце. Ее глаза выдают правду: они налиты кровью и щурятся, смотря вниз, чтобы избежать бликов факелов, развешанных вдоль коридора. Ее волосы торчат в разные стороны, как у Титуса.

— Чего мы ждем? — я спрашиваю ее.

Она притягивает сына к себе, как будто я могу навредить ему, только дыша на него.

— Жнецов, кото'ые п'ишли ночью, — говорит она. — Они де'жат некото'ых в котельной.

Бруно толкает девушку в плечо.

— Они не должны знать, где мы их де'жим.

— Что за котельная? — спрашиваю я, но девушка уже отвернулась от меня. Я знаю, что даже не стоит пытаться спрашивать Бруно.

— Это техническая комната, — поясняет Сэмми, — которая полна водонагревателей, насосов, генераторов. Она, по-видимому, как-то питает это место.

Наша очередь в коридоре сдвигается, прежде чем я успеваю поблагодарить его. Очередь затихает, а потом: что-то жужжит. Глубоко и утробно. Сверхъестественно. Нет никакого колебания в гуле, нет изменения высоты тона, но я это чувствую. Своими костями, на своей коже. Это как будто мир слегка вибрирует от своей силы.

Очередь, пошаркивая, начинает двигать вперед.

— Это было похоже на то, как будто заработала печь, — сказал Клиппер. — Большая такая.

Мальчик впереди, который до сих пор стоял с рукой матери на плече, поворачивается к нам.

— Это Зво', - говорит он.

Сэмми выглядит поставленным в тупик.

— Звон?

— Каждое уг'о, каждую ночь, — объясняет Бруно. — Он под'азумевает, что по'а есть.

Когда я был маленьким, мама иногда звонила в колокол, чтобы позвать нас с Блейном

на обед. Мы убегали на сельскохозяйственные поля или дурачились на лестнице Совета, но колокол слышали отовсюду. Он издавал безошибочный звук, который подразумевал нечто определенное, что не мог донести до нас ее голос. Мы мчались домой с урчавшими животами, и ноги бежали впереди нас.

Но этот шум не был колоколом. Он звучал противостоестественно, как бесконечный выдох спящего гиганта.

— Откуда он исходит? — спросил я.

— Из «Комнаты Свистов и Жужжаний» — отвечает мальчик.

Я слегка посмеиваюсь, ожидая, что его мать разоблачит выдумку сына, но она поворачивается и говорит:

— Это п'ава. Эта комната никогда не спит. Там всегда шум за две'ью. Мягкий жужжащий шум, 'ычание монст'а. — Ее малыш начинает плакать и она прижимает его к бедру. — Хотя кто знает, что там п'оисходит. Эту две'ь невозможно отк'ыть. Ни'огда.

— Ваш график питания основан на шуме, который разносится из комнаты, в которую вы фактически никогда не входили?

Глаза девушки выпучиваются.

— Не ооска'бляй «Комнату Свистов и Жужжаний». Она услышит. Она узнает.

Сэмми закатывает глаза. Когда очередь начинает двигаться, он наклоняется ко мне и шепчет:

— Мы так облажались.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Меня передергивает, зная, что он прав в том, что первоначальные предположения Феллин были тоже верными. Мы пересекли весь ЭМИст из-за миссии, которая возможнс обречена. Даже если мы избежим наших оков, нам понадобится достаточно долгое время, чтобы найти способ возродить город и найти камеры, если выжившие здесь не присоединятся к нашей борьбе. Они не позволят это, пока Титус стоит во главе, и нет никакой возможности у Бурга стать второй базой повстанцев без их сотрудничества.

Прийти сюда всегда было риском, но я все равно не ожидал оказаться погрязшим в такой ловушке. Мой желудок бухнул вниз, когда я осознал, что за один день наша миссия полностью изменилась.

Это больше не спасательная миссия, это побег. Для нас.

Нам нужно отделаться от Бурга.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАВТРАК СОСТОЯЛ ИЗ ДВУХ ПОЛОСОЧЕК вяленого мяса и маленькой корочки хлеба, чего было недостаточно, чтобы утихомирить мой ворчащий желудок. Нас привели в котельную, как только очередь растворилась и граждане Бурга разошлись, получив свою пищу. Бруно практически закончил нас сопровождать, когда Каз проорал:

— Титус ещё раз хочет увидеть младшего.

— Если он сделает ему больно...

— И что ты сделаешь? — огрызается мне Бруно. — Уда'ишь его? Убьешь его? Плюнешь ему в глаза? Твои уг'озы ничего не стоят, пока ты не сможешь освободить себя от этих ве'евок, Жнец.

Он хватает Клиппера, поднимая его на ноги, и уводит, оставив нас в темноте, закрыв дверь.

Когда я закрываю глаза, я вижу Титуса с цепью, намотанной на его кулаках, и Клиппера пытающегося загорodиться своими долговязыми руками. Я предпринимаю попытку перенаправить мои мысли по другому руслу, но мне в первую очередь нужно одержать победу над Титусом, что невозможно, если он отказывается мне во встрече. Я начинаю беспокоиться, что опасения Клиппера могут воплотиться: Титус может избавиться от нас.

— Сэмми? — зову я, надеясь, что он может помочь мне с мозговым штурмом. — Сэмми!

Но он легонько похрапывает.

— Забавно, не так ли? — говорит Джексон позади меня. — Мы скоро уснем навечно, а он почувствовал необходимость еще вздремнуть.

— Конечно, Джексон. Это просто смешно.

— Мое имя. Ты опять назвал меня по имени.

— Сейчас мы одна команда.

— Удивительно, как это произошло. — Только его слова звучат не удивленно. Он кажется самодовольным, как будто он знал, что этим все кончится.

— Ты знал об этих людях? Что они скорей всего будут сумасшедшими?

— Откуда я должен был это узнать?

— Когда мы залезли на Стену, ты сказал, что мы не должны идти в город. Ты сказал, что это плохо.

— Я ничего не знал. Я все ещё ничего не знаю.

Я хотел бы уловить на его лице вранье, но оттуда, где я сижу, я могу только смотреть вперед, в сторону, где храпит Сэмми. Я представляю, как плохо будет выглядеть Клиппер, когда он вернется. Я удивлюсь, *если* он вернется.

— Мне надо сказать тебе кое-что, — произнес Копия. — Я пытался сказать это тебе, когда мы перелезли Стену, но ты не хотел слушать.

Он делает паузу, как будто ожидая разрешения продолжить.

— Ну? О чем?

— Я помню.

— Помнишь что?

— Кусочки моей жизни, которые всегда были как в тумане, о том, что произошло, когда мне исполнилось восемнадцать. Они вернулись, когда я увидел Стену. Вначале это казалось

сном, как будто мой мозг что-то наколдовал, чтобы развлечь меня, но потом мы перелезли через Стену и правда так сильно ударила меня, что дыхание сперло.

Он делает глубокий вздох и я боюсь прервать его, сказав что-либо, из-за чего он не продолжит, поэтому я сижу в тишине, боясь разрушить чары.

— Есть некоторые вещи, которые я всегда знал, например как бывает жарко там, где я вырос. У нас не было зимы как эта, но у нас была Стена. И ее невозможно было пересечь. Если пытались, то умирали. Декстен. Это был мой дом. Он был назван в честь кого-то важного еще до меня, но он пропал. Они все пропадали в восемнадцать лет... мальчики. У меня было два брата: один старше, другой младше. Первый ушел от меня, потом я ушел от младшего. Что-то забрало меня. — Он ненадолго умолкает. — А вот что я никак не мог вспомнить, но теперь я знаю: свет. Ослепляющий свет. И беснующийся ветер, как если бы я попал в шторм. Затем комната и холодная, металлическая панель под спиной, и лица над головой, одетые в белые маски, прикрывающие рты и носы. Я заснул и почти сразу же снова проснулся, только мне казалось, что я проснулся в первый раз, подобно тому, что все, что было до этого, было сном.

— Теперь мне понятно, собрав все это воедино. Это как пытаться заплести в две пряди в косу, и только сейчас найти третью. Я думаю, я знаю, что это значит, но я хочу услышать это от тебя. — Он замолкает на мгновение, а затем спрашивает: — Что со мной произошло, Грей?

— С тобой *ничего* не происходило. Это происходило с Джексоном.

— Но я и есть Джексон.

— Ты Копия, зовущая себя Джексоном. В этом вся разница.

Харви как-то объяснял, что Клон является идентичной копией похищенного мальчика. У них одинаковая внешность и манеры, и даже воспоминания. Программное обеспечение, интегрированное с их умами, заставляет их действовать по приказу Франка, несмотря на то, что он заставляет их делать. Код Харви написан настолько мощный, что он может аннулировать свободу воли, убедить Копию блокировать определенные мысли и действия, таким образом, чтобы руководить их разумом. Также, например, он мог заставить их забыть свое Похищение и некоторые моменты после него.

Но Джексон...

Возможно, Стена что-то инициировала. Увидеть ее — могло стать слишком личным. Взбирание на нее могло вывести его из себя, вызвать какой-то глюк в его внутреннем программном обеспечении. Его ум теперь может обрабатывать вещи сверх его программы. Или может он все это выдумал. Я боюсь, что никогда не смогу понять его, отделить правду от лжи.

— Франк — человек, который отправил меня по следу вашей группы, — говорит Джексон. — Он тот же человек, который посадил меня за Стену в Декстерне. Он — Орден и он — Жнец. Вот что я сейчас понимаю. Это одно и то же.

— Да, — говорю я, хотя он не просит подтверждения. Слышится искаженный звук — это Джексон рыдает в складках своей рубашки. — Ты плачешь? — спрашиваю я. Такое проявление чувств невозможно для Копии.

— Нет, — отвечает он. — Но это больно.

— Добро пожаловать в Проект «Лайкос», Джексон. Он причинил боль многим людям: мне, Бри, Ксавье, моему отцу. Он сделал им больно, чтобы создать таких людей как ты.

— Это не та правда, которая приносит боль, — говорит он. — У меня есть вопрос. Я

только недавно начал об этом думать, но каждый раз, когда вопрос приходит в мою голову, я чувствую, как мой череп скоро треснет под тяжестью всего этого. Это самая худшая головная боль в моей жизни. Она заставляет меня хотеть умереть.

— Должно быть, тот еще вопрос.

Он быстро выдыхает, как будто ему больно дышать.

— Я продолжаю... Я продолжаю спрашивать себя, действительно ли вы мои враги. Я задаюсь вопросом, а что если... — Он замолкает, подавившись своими словами. — Я постоянно спрашиваю себя, должен ли я вам помочь.

Металлический бак между нами дрожит, когда Джексон ударяется об него. Мне слышно его вздрагивания, хрип, кашель от боли

Я хотел бы знать, что это означает.

И тогда я задаюсь вопросом, а что если это все ложь.

* * *

Когда Клиппер возвращается, он выглядит хорошо. Взъерошенным, но нормальным.

— Что хотел Титус?

— Он хотел знать, зачем здесь я, — сказал парень. — Из-за того, что я намного младше вас.

— Что ты ему сказал?

— Правду. Что я технический спец. Что предполагалось, когда я попаду в это место, я должен буду поставить камеры на повтор. Казалось, он заинтересовался этим. Привел меня в «Комнату Свистов и Жужжаний» и заставил меня приложить ухо к двери. Спросил, что там за ней.

— И?

— Это может быть именно то, что мы ищем: зал контроля с доступом к камерам. На самом деле мне интересно, есть ли там генераторы, и являются ли они Звоном — народ Бурга слышит, как они включаются и выключаются.

— Но зачем им нужны генераторы? — спросил Сэмми, наконец, проснувшись. — Здесь ничего не работает.

— Ничего, кроме камер, — сказал я.

— Титус хочет, чтобы я открыл ее, — сказал Клиппер после короткой паузы. — Дверь.

— Возможно, я смогу заключить с ним сделку. Наша свобода за дверь. Если я смогу это организовать, ты сможешь открыть ее Клиппер?

— Я должен попробовать. Если эту комнату держат закрытой из-за того, чего я думаю, то попадание внутрь означает, что мы могли бы выполнить миссию после всего этого. Может даже смогли бы перетащить Титуса на нашу сторону.

— Что тебе понадобится?

— Около двери есть панель, скорее всего для получения кода доступа. Мне нужны мои вещи, но скажи Титусу, что мне нужны инструменты.

— Какие инструменты? — спрашиваю я.

— Придумай что-нибудь. Медную проволоку. Спирт из больницы. Меня не волнует. Все, что поможет тебе выйти наружу, чтобы найти их.

— И зачем я должен хотеть выйти наружу?

— Потому что я спрятал свой рюкзак, прежде чем они схватили нас в ту ночь. Он под виселицей. Там есть открывающиеся доски в основании. Ты заберешь мои вещи и я смогу связаться по радиис с Ксавье. Просто на всякий случай. На тот случай если дело дверью не сработает.

— Клиппер, ты гений.

Я желаю, чтобы он смог увидеть меня в темноте, потому что я улыбаюсь. В первый раз за долгое время.

Когда Звон снова бьет вечером, Бруно сопровождает нашу команду в очереди за едой. Мы снова наблюдаем за людьми перед нами, которые забирают полоски сухого мяса, прежде чем рассеяться. Но вместо того, чтобы разбредаться, как это было ранее, многие направляются к лестнице. Половина из них очень молоды и невысоки, они на своих плечах несут матерчатые мешки. Старшая часть группы, состоящая в основном из мужчин, сжимают ножи и копья. У большинства из них лица смазаны дегтем как это было у Титуса, когда мы впервые встретились, они маскируются, чтобы слиться с ночью.

— Куда они идут? — спрашиваю я Бруно.

— На 'аботу, — отвечает он, не глядя на меня. — Мусо'щики и Охотники 'аботают по ночам. Ка'дый божий день.

— Хуже, когда те'е не повезло и п'иходится 'аботать на двух 'аботах — ворчит парень, убирающийся рядом.

— Да уж, быть Размножителем 'еально му'орно, — обрывает его Бруно.

Парень тянется рукой к рукоятке своего ножа. Его кожа такая темная, что ему не требуется маскировка. Выглядит он примерно на мой возраст, но трудно быть уверенным, потому что у него поднят капюшон, и он отбрасывает большую тень на его лицо. Я думаю о девушке, которую видел во время утреннего Звона, и о детях, которые были с ней и мне кажется, я знаю, в чем состоит работа Размножителя в Бурге. Даже притом, что концепция одна и та же, здесь все выглядит как то хуже, чем в Клейсуге.

— Предоставь мне возможность встретиться с Титусом, — говорю я Бруно. — У меня есть предложение.

— Он не заключает сделок со Жнецами.

— Даже если они знают, как открыть «Комнату Свистов и Жужжаний»?

Бруно сжимает губы и вытаскивает меня из очереди. Я смотрю через плечо на команду, и Сэмми подмигивает мне, когда меня уводят. Между нами есть незавершенный, затяжной спор, но я знаю, что он видит те же перспективы в том, что я делаю, и на этот раз это здорово иметь поддержку.

— **МОЯ ДВЕ'Ь ЗА ВАШУ СВОБОДУ?**— повторяет Титус, после того как я сделал предложение.

— Таков план.

— Откуда мне знать, а вдруг ты соби'аешься отп'авить сюда еще больше Жнецов?

Я даю ему такой же ответ, какой он дал Бри, когда она противостояла его людям:

— Тебе просто придется довериться мне.

Титус чешет затылок.

— Не у'ерен, что смогу это сделать.

— Мы не с ними, и я могу тебе это доказать, когда мы откроем дверь. Мы думаем, что возможно «Комната Свистов и Жужжаний» является комнатой управления.

Он перебрасывает кинжал из одной руки в другую.

— И если я прав, то мы сможем внести измерение в трансляцию камер. Обезопаситься от них, чтобы твои люди могли спокойно выходить на поверхность. Вы сможете даже уйти отсюда, если захотите.

— Конечно, мы сможем уйти. Вот почему мы и хотим отк'ывать ее. Это единственный выход.

Я чуть не рассмеялся, но выражение его лица осталось суровым.

— Титус, то, что находится за дверью, *не* выведет вас из Бурга.

— Наши исто'ии гласят, что Звон 'азнесся в день, когда п'ишли Жнецы, — говорит он. — За несколько минут до их п'ибытия. Как п'едуп'еждение. Как будто она *знала*.

— Совпадение.

— Она защитила нас.

— Это просто комната.

— А Стена, по кото'ой ты хочешь, что бы мы взоб'ались, — п'осто лестница к огненной сме'ти, — отрезал он.

Нет смысла спорить. Я не смогу изменить его мнение — по крайней мере, пока дверь не будет открыта. Может тогда я смогу его убедить, что я не с Орденом. Может, он даже присоединится к нам, сделав это путешествие не бессмысленным. Но до тех пор...

— Хорошо. Сделка все еще в силе. Дверь за нашу свободу, не более. Мне нужно выйти на поверхность, чтобы собрать материалы для Клиппера.

— Почему мальчик не может сделать это са'остоятельно? — спрашивает Титус.

Я откидываюсь на свой ящик, пытаясь казаться равнодушным.

— Он может. Они заметят его, Жнецы. Они наблюдают за этим местом. Ты знаешь это. Вот почему вы выходите только ночью. А Клиппер не придерживается тени, как я. Если вы хотите кого-то невидимого, как ваши Мусорщики и Охотники, тебе надо послать меня.

— С'ажи, что тебе надо и мои люди это достанут.

— Я не узнаю об этом, пока не увижу.

Титус подбрасывает кинжал в своей ладони.

— Ты видишь здесь этот кинжал, Жнец? Я люблю его больше всего на свете. Я точу его каждый день. Я поли'ую 'учку. Я вычищаю его до блеска, когда он становится в к'ови, и потом я поли'ую его еще 'аз. Это п'одоление моей 'уки. -

Он демонстративно держит его, нанося удары в воздух.

— К чему ты ведешь?

Его глаза сужаются.

— На самом деле, у меня не возникает п'облем с его п'именением и я хорошо им владею. Если ты не ве'нешься своев'еменно, та твоя девушка будет ме'тва.

Мне это не нравится, но у меня нет другого выбора.

— По 'укам, — говорит он. — Заключим сделку на к'ови. Ты быст'о возв'ащаешься или ее жизнь будет п'инадлежать мне. Потом, когда я пойму, что две'ь отк'ыта и никакие Жнецы не п'идут сюда, я позволю твоим мужчинам уйти.

Он сжимает лезвие в кулаке и быстро отпускает, раскрывая свою ладонь. Бруно берет у него кинжал и проделывает то же самое с моей рукой. Оружие настолько острое, что я едва чувствую порез, пока внезапная боль не раскаляет мою ладонь.

— Мы догово'ились? — спрашивает Титус с протянутой рукой.

Я могу согласиться на все это, кроме последнего требования. У меня нет контроля над Орденом, я не могу гарантировать, что они никогда сюда не придут. Но зачем им делать это? Они не заинтересованы в этом месте. И мне нужна сумка, находящаяся под виселицей. Мне нужно поговорить с Ксавье и Бо, организовать альтернативные планы эвакуации, в случае если у Клиппера возникнут проблемы с дверью.

Таким образом, я протягиваю ладонь к руке Титуса, и мыжимаем руки.

Бруно вручает мне тряпку, чтобы я обернул ее вокруг моей кровоточащей ладони, и кожаный мешок, такой же, какой я видел у Мусорщиков. Затем он ведет меня к единственному лестничному пролету, находящемуся сразу за комнатой Титуса.

— Не медли. Он на самом деле п'ольет ее к'овь без колебаний.

Но я уже понял это, и я поднимаюсь по лестнице, не произнеся ни слова.

Я толкаю дверь в подвал и выхожу в темный переулочек. Луна освещает снег как солнце водную гладь. Я моргаю, временно ослепший после целого дня в тускло освещенных туннелях.

Запах жизни является волнующим: коры еловых деревьев, растущих где-то неподалеку, даже замерзшей грязи на которой я стою. Да и снег, кажется, богат на сенсации. Такое впечатление, что я проснулся от дурного сна и заново живу. Я не знаю, как Титус довольствуется тем, что держит своих людей запертыми под городом, которые живут как кроты, когда они могли бы жить здесь.

Я делаю глубокий вдох и холод обжигает мои легкие. Как быстро я забыл о нем.

Луна светит намного ярче, чем в тот день, когда мы проникли в Бург, и без снегопада, мешающего видимости, мне становится все видно. Что означает, что камеры тоже могут меня засечь. Я наглухо застегиваю куртку и насколько возможно низко натягиваю шапку, а затем крадусь по переулочку.

Впереди две фигуры шныряют между домами. Мусорщики. Я жду, когда большое облако закроет луну, и несусь к виселице. Мне требуется некоторое время, чтобы найти непрочно закрепленную доску. Я пинаю ее и убеждаюсь, что сумка Клиппера здесь, холодная на ощупь.

Долю секунды я размышляю, а не рвануть ли мне до Стены. Я мог бы слетать быстро туда и обратно и рассказать команде о нашей ситуации лично. Но моя идея может быть воспринята Титусом по другому, и я не могу рисковать жизнью Бри.

Облако смещается, и лунный свет прорывается на землю, я хватаю сумку и ныряю в

близлежащее здание школы. Опасаясь, что камеры расположены внутри комнаты, я втискиваюсь между двумя опрокинутыми столами так, чтобы я, в основном, был скрыт от глаз, и начинаю рыться в сумке.

Я отложил все, что, как мне кажется, Титус может конфисковать: небольшой ножик, который компактно складывается, фонарик, которым можно кого-то ударить, посатижи, которые только грозные на вид, но в остальном безвредные. Навигатор. Еду и воду. Провода и компьютерные чипы, аккумуляторы и все виды технологического оборудования, которые, как я думаю, должны помочь Клипперу вскрыть «Комнату Свистов и Жужжаний», я перекладываю из сумки Клиппера в мешок, который дал мне Бруно. Потом я стягиваю ботинок и ножом отрезаю кусок стельки. Я складываю нож и засовываю его в ботинок и опять их надеваю. Когда я встаю, я чувствую его под своей пяткой. Довольно неудобно так передвигаться, но я собираюсь сегодня освободиться из плена, и он мне понадобится.

Я выглядываю в окно и гляжу в сторону Стены. Я представляю, как Эмма накручивает прядь волос вокруг пальца — она всегда так делает, когда волнуется. На долю секунды мне становится интересно, а Сэмми тоже сейчас думает о ней, и эта мысль заставляет мой желудок скрутиться.

— Что ты де'аешь здесь?

В дверях стоит фигура. Я прищуриваюсь и узнаю в ней парня, который до этого задел Бруно, жалуясь на две работы. Его руки по локоть в крови.

— Я мог бы спросить у тебя то же самое. Разве ты не должен охотиться?

Он фыркает.

— Мы с Паком завалили оленя. Я 'аспотрошил его. Он пошел за мелкой дичью.

— Но не ты?

Парень пожимает плечами и молча проходит мимо меня, попутно беря небольшую книгу из щели между подоконником и стеной.

— Немного темновато для чтения, ты так не думаешь?

— Я читаю, когда мне п'едоставляется возможность и сейчас именно тот момент, когда я могу это сделать. Ниже читать не позволено.

— Титус не...

— Нет. Моя ма меня научила, потому что ее ма научила ее, и так далее и так далее, потому что кто-то когда-то умел, только этого человека уже давно нет. — Он проводит ладонью по обложке. — Мне действительно не нужно читать больше — я уже получил все эти знания — но мне н'авится п'иходить сюда по ночам и из-за чего я 'ано п'ек'ащаю охотится, только чтобы п'ийти сюда. Так я не забываю.

— Не забываешь, как читать? — спрашиваю я, потому что я не думаю, что это то знание, которое можно забыть, когда не в состоянии тренировать его.

— Нет, — говорит он, косясь на меня. — Я не хочу забывать то, что в них написано. Это дневник. Какой-то девушки. Она пишет о том, что она видит каждую ночь, во сне: ми', больше Бу'га, с го'ами и океанами, и землями. Там, где нет никаких войн. Где ме'твых хоронят на кладбищах и где люди гуляют д'уг с д'угом, а их дети к'утятся под ногами. Она видит это все, когда взби'ается на Стену. Ей снится это каждую ночь. — Он смотрит на дневник в своих руках. — Я хотел бы поблагода'ить ее. Она де'жит меня в зд'авом уме. Каждый день мне п'иходится возв'ащаться назад и я знаю, что это дневник находится здесь, и я смогу ве'нуться и заново пе'ежить ее сны.

— Почему ты говоришь мне все это?

Он на мгновение кривится.

— Жнец ты или нет, но ты оттуда. Ее сны были ‘еальностью, не так ли? Ты видел все это.

— Да, — отвечаю я, хотя мир за Стеной Бурга далеко не такой мирный, как в дневнике сновидений. — Ты тоже можешь его увидеть. Если перелезешь.

— Я пытался однажды сделать лестницу, — говорит он, качая головой, — но Титус п’ознал п’о это, унюхал и до без чувств избил мою ма. Так что я сделал кое-что поменьше, что легче сп’ятать. Отпилил ‘учку сломанных вил — их зубцы сгибались так сильно, что они могли бы быть более полезны для стягивания чего-либо, чем для ‘аз’ыхления сена — и я п’ивязал к ней ве’евку. С хо’ошим б’оском я мог бы, наве’ное, зацепиться за ве’хнюю часть Стены и подняться, но мне... Мне ст’емно.

— Мы, может быть, скоро уйдем, — говорю я ему. — Ты бы мог пойти с нами.

— Да. Возможно. — Но его голос не звучит убежденным.

— Мы также можем остаться, в зависимости от того, что мы найдем в «Комнате Свистов и Жужжаний». В любом случае я предлагаю тебе остаться с нами. Ты ничем не обязан Титусу.

Он рассеянно проводит рукой по корешку дневника. Вздохнув, я хватаю мешок, лежащий у меня в ногах, и направляюсь к двери. Я потратил впустую слишком много времени.

— Как тебя звать? — окликает он меня.

— Грей.

— Я Блейк, но все зовут меня Блик*.

— Почему так?

— Потому что я все в’емя недовольный. Потому что я ненавижу Бу’г и эти тоннели, и свою ‘аботу, и свою жизнь. — Я начинаю размышлять, что имя действительно подходит ему, когда он добавляет: — Но я не понимаю п’ичем тут уныние и без’адостность, когда желаешь чего-то лучшего. Надеешься на что-то хо’ошее.

Я быстро ему улыбаюсь и выныриваю наружу, избегая идти по переулку. Прежде чем толкнуть дверь в подвал, я делаю глубокий вдох. Ветер гуляет по земле, поднимая снег, закручивая его и бросая. Снежинки танцуют, пока ветер не стихает, а затем город становится неподвижным, как памятник. Только лунный свет и облака, и каркасы зданий.

Я думаю о Бликке и дневнике, о том, что эти маленькие слова, написанные там, совершенно незнакомым человеком содержат в себе то, что внушило ему надежду, когда остальные не видят ничего, кроме своего негатива. Столько силы в этих словах. Столько сил в этих снах.

И я спускаюсь по лестнице, выключая за собой мир.

***Прим. переводчика:** Bleak (анг.) — унылый, безрадостный, суровый, мрачный, печальный, тусклый

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

БРУНО С КАЗОМ ВЫВОРАЧИВАЮТ мой вещевой мешок на стол Титуса, чтобы покопаться в его содержимом. Они ворчат, тыкают пальцами и бормочут, задавая вопросы друг другу. Титус, в конце концов, кивает своим людям, и они запихивают содержимое обратно в мешок. Бруно поворачивается ко мне и начинает досматривать меня, похлопывая мою рубашку и штаны. Он проверяет каждый карман, но не догадывается снять с меня ботинки.

— Мальчик завт'а пе'вым делом займется две'ью, — говорит Титус. — Сейчас же, Б'уно убе'и этого Жнеца с моих глаз.

— Подожди. Я сначала хочу увидеть Бри.

— Ты здесь, и ты не медлил. Ее не т'огали.

— Я бы все таки хотел убедиться в этом.

— Ах, — сказал Титус, лукаво улыбаясь. — Может ты таким об'азом хочешь ее сам пот'огать?

Моя челюсть сжимается.

— Пусти меня к ней или Клиппер не откроет дверь.

— Возможно, я также должен дать тебе несколько одеял, — глумится Титус. — Чтобы ты смог пожить в 'оскоши.

— Сейчас же!

Он взрывается смехом.

— Тебя так легко разозлить, Жнец.

Я ненавижу, когда он меня так называет, будучи ассоциированным с Франком и его Орденом, с людьми, которые разрушили всю мою жизнь. Я задаюсь вопросом: то же ли ощущает Джексон, когда мы называем его Копией.

— Дай ему еще пять минут с девкой, — говорит Титус Бруно. Пальцы сжимаются на моем локте и меня тащат из комнаты. Когда мы приходим к двери Бри, Бруно улыбается.

— Развлекайся. Я поста'аюсь не подслушивать.

Я прохожу мимо него. Бри сидит в дальнем углу комнаты, но когда дверь захлопываются за мной, она немедленно поглощается тьмой. С тем же успехом я мог бы быть слепым — настолько мне ничего не видно.

— Бри?

— Здесь, — говорит она. — Я здесь. И она повторяет эти слова, взывая ко мне, в то время как я ползу сквозь тьму навстречу ее голосу. Мои руки находят ее колени, и я сажусь рядом с ней, спиной к стене. Она справа от меня, но я все еще ее не вижу. Мы потеряны в море мрака, блуждающие во тьме.

— Почему у тебя не горит свеча? — спрашиваю я.

— Она сгорела. Они не принесли другую.

— Они кормили тебя?

— Да.

— А ванная комната. Они позволяли тебе ее посещать?

— Дважды в день, после еды.

Пауза. Тишина, за исключением моего пульса, стучащего в моих ушах.

— И однажды приходили несколько медсестер, — добавляет она. — Сняли с меня мою

одежду и осмотрели меня.

— Они причиняли тебе боль?

Очередная пауза.

— Бри они причиняли тебе боль?

— Нет, — она огрызается. — Они только потыкали меня как скот и уши.

— А сейчас?

— А сейчас ничего, Грей. Это все. Я и эти стены. Тьма. Мои глаза жжет каждый раз, когда они открывают ту дверь. Как это случилось? Как мы застряли здесь?

— Я работаю над этим.

Я рассказываю ей про «Комнату Свистов и Жужжаний», и веру Титуса в то, что его люди смогут сбежать с Бурга через неё. Про сделку, которую я заключил, и про то, что Титус согласился освободить нас, как только Клиппер откроет дверь.

— Это звучит слишком легко, — говорит она. Я не вижу ее лица, но уверен, что на нем выражено сомнение с упрямейшим, сердитым взглядом, обрамленным нахмуренными бровями.

— Почему они держат тебя отдельно от нас?

Она фыркает.

— Если бы я знала, я бы что-нибудь с этим сделала.

Тьма настолько непроглядная, что у меня начинается головокружение. Если бы не пол подо мной, я бы не знал в какой стороне верх.

— Грей? — говорит она, и в ее голосе слышится дрожь, которую я никогда до этого не слышал. — А что, если мы на самом деле не выкарабкаемся из этого? Что если Титус не держит слова, что если это будет так, и мы застряли здесь? Мне не хочется думать в таком ракурсе. Я продолжаю повторять себе, что так не будет. Но у меня ужасное ощущение, что... — я чувствую, как ее плечи начинают трястись рядом со мной. Она делает глубокий вдох. Другой. — Я боюсь, что на этот раз, это выше наших сил. Я никогда не чувствовала такого рода сомнения. Ни разу. Но потом, ребята, они закрывают меня без вас, и я остаюсь одна, окруженная этими стенами и мраком, с этими безнадежными мыслями, которые не перестают кружиться в моей голове. Неважно, насколько сильно я стараюсь заставить их замолчать, они просто становятся все громче и громче, и...

Я нахожу ее. Ее руки огрубели, также как и у меня. Они покрыты мозолями от работы ножом и от метания копья, но все такие же нежные. Тонкие. Небольшие. Я сжимаю ее ладонь, и из нее прорываются рыдания.

— Бри?

Но ее голова уже уперлась мою грудь. Она плачет, выливая на меня ручей безудержных, беззастенчивых слез. Я ничего не говорю, потому что знаю, что ей не нужны слова. Она не ищет успокоения или не ждет обещания от меня, что все будет хорошо. Ей просто нужно, чтобы я был здесь. Рядом с ней. Сидел. Что бы одна рука держала ее за руку, а вторая обнимала. Это все, что ей нужно и все, что она хочет.

И это все, что я делаю.

Мгновением позже она отстраняется от меня.

— Если ты расскажешь кому-нибудь об этом, я клянусь, я выбью из тебя все дерьмо.

— Ты-то можешь.

— Я серьезно, Грей. Не говори им, что я сломлена. Я не вынесу это.

— Кто сломлен? Я не знаю, о чем ты говоришь.

Я бы отдал все, чтобы увидеть сейчас её лицо. В моем воображении, я рисую её улыбающейся.

Но она не улыбается, потому что в этот момент дверь рывком открывается и свет заливает камеру, так что я могу ее увидеть. Синяки разукрасили ее кожу зловещими оттенками фиолетового и желтого. Большинство ее мелких царапин практически зажили, кто-то достаточно любезный зашил ее рваные раны и серьезную рану над бровью. Ее глаза припухли от слез и их голубизна, как у ирисов, сверкает ярче, чем я помню. Она выглядит испуганной. Я никогда не видел страха на ее лице, и мое сердце замирает.

Бри крепче вцепляется в мою руку. Ее глаза блестят. Бруно растаскивает нас в разные стороны и слез становится еще больше.

* * *

Нас запирают так же, как и прошлой ночью, с одинокой свечей, чей фитиль перегорит задолго до утра. Вещи, которые я забрал находятся недалеко от меня, но вне досягаемости.

Как только в коридоре раздались удаляющиеся шаги Бруно и Каза, я скидываю ботинок. Я действую в темноте: отклеиваю стельку, нахожу нож, вытряхиваю его, раскрываю. На разрезание моих веревок уходит вечность, но я справляюсь. Я хватаю свечу, мешок с вещами и развязываю Клиппера. Он роется в вещах пока не находит резервную рацию. Клипперу была дана возможность держать вторые экземпляры оборудования у себя, несмотря даже на то, что во время нашего путешествия это доставляло ему неудобства, делая его сумку тяжелее.

Он несколько минут вертит в руках рацию, а затем протягивает ее мне.

— Это должен быть верный канал. Прием может быть плохим — я не знаю, насколько глубоко под землей мы находимся.

— Ксавье? Бо? — неуверенно спрашиваю я.

Рация трещит, а затем раздается слегка порывистый голос Ксавье.

— Грей? Слава Богу. Бо как раз собрался идти за вами — он молчит слишком долго. — Что случилось? — Слышится приглушенный шум на заднем плане. — Да, Эмма, все хорошо.

Я обрисовываю Ксавье нашу ситуацию, объясняя, что Клиппер должен открыть «Комнату Свистов и Жужжаний», чтобы обеспечить нашу свободу.

— Если это не комната управления, как мы подозреваем, то, вероятно, нам не удастся убедить Титуса присоединиться к нам, — объясняю я. — Но мы сможем уйти сразу же, как откроем дверь. И вот почему я хотел поговорить с тобой. Если вы не услышите вестей от нас завтра до вечера, то значит, что что-то пошло не так.

— Что значит — не так? — спрашивает он. — Как если бы вас удерживали против вашей воли?

— Возможно.

Рация трещит, и я не могу расслышать все, что он говорит.

— ... нашли еще топлива, в задней части автомобиля, хранящееся под сиденьями. Должно быть, вот почему те две машины так легко взорвались, когда ты стрелял по ним с «Кэтрин». Короче, у нас будет транспорт на некоторое время, если уж на то пошло. — Опять треск, невнятные голоса. — Эмма, он в порядке. Мы сейчас общаемся... Нет, ты не можешь с

ним поговорить... Хорошо.

— Грей? — Голос Эммы такой мягкий и деликатный как будто она стоит рядом со мной. — Что случилось?

— Это долгая история.

— Я должна была быть там.

— Нет я рад, что тебя здесь нет. Поверь мне.

Пауза.

— С тобой все будет в порядке?

— Да, — говорю я твердо. — Мы будем завтра на связи и все будет хорошо. Я клянусь.

Она прыскает от смеха.

— Не надо давать таких громких обещаний, Грей. Ты можешь быть не в состоянии сдержать их. — Наступает тишина, и затем ее голос доходит до меня как шепот. — Грей, я люблю тебя.

Вот они, эти слова. Я отдал бы все на свете, чтобы услышать их от нее прошлым летом, чтобы у меня была возможность ответить, но теперь, более чем когда-либо, я знаю их истинную силу. Как они могут растоптать вас так же, как и вознести. Как не должны они быть произнесены в ответ, если сила чувств не так глубока, как у признающего. И это не то, чего вы можете не знать. Не по-настоящему. Слишком много слепой веры заключено в этих словах и это всегда, *всегда* риск. Будет больно вам. Или другому человеку. Вы можете растоптать чье-то сердце, даже не подразумевая об этом. Любить глупо и рискованно, как и пытаться построить дом на болоте. Эмоции не являются прочным фундаментом.

Поэтому, когда Эмма зовет меня, повторяя эти слова, спрашивает меня, здесь ли я еще, я говорю ей только, что она пропадает, что она должна передать рацию Ксавье, пока связь не прервалась.

В конечном итоге я слышу Бо.

— Есть еще кое-что, — говорит он. — Я вчера переключал каналы на рации, надеясь, вдруг вы пытаетесь связаться с нами не по нашей линии, и услышал повторяющееся сообщение: *«Друзья Сопротивления, пожалуйста, повторите: Феникс думает, что вы должны вступить в бой с врагом»*. А сегодня я наткнулся на это сообщение снова. Другой голос, другой канал, но то же сообщение. Звучало чище, как будто источник был ближе.

— Феникс, — говорю я, озадаченный, и чувствую, как мое лицо становится сосредоточенным.

— Ну же, Грей. Разве ты не понимаешь? Я думаю, что это Райдер... возможно... Оуэн же говорил, когда мы были на лодке, что он собирался связаться с Сентябрем.

И внезапно все становится по своим местам.

— Она дозвонилась до него! Сентябрь как-то связалась с Райдером из Бон Харбора рассказала ему все наши подозрения о ЭмВесте, и это его ответ, переданный сторонниками Повстанцев, которые случайно наткнулись на него. Райдер *Феникс* считает, что мы должны выйти на Экспатов! Разве что... Не *означает же* это, что нам следует вступить с ними в бой, разве только пообщаться?

— Мы всегда видели в них врага, — отвечает Бо. — И я знаю, Райдера. Он не пошел бы на все эти трудности, с отправкой нам сообщения, если только оно не означает, что нам следует осмотреться в ЭмВесте.

— То есть ты думаешь, это значит...?

— Я думаю, да. Мы вправе поинтересоваться, а что если Экспаты были другой группой

Повстанцев, отличной от нас.

Я смотрю на Клиппера и Сэмми. Они оба выглядят неуверенными, как будто не знают, что делать с этими новостями.

— Это нам мало сейчас поможет, — говорю я Бо.

— Вы завтра войдете в комнату управления, не так ли? — отзывается он. — Перетяните Титуса на нашу сторону, а после Клиппер сможет заняться своей работой... Мы могли бы как на основе Бурга, так и нескольких Экспатов скомпоновать новейшую базу Повстанцев.

Я обещаю Бо как можно скорее, позже, принести новости, после чего Клиппер прячет рацию. Потом я опять привязываю его к столбу, беру вещи и свечку и возвращаю их к двери, также как и маленький нож прячу в тайник в моем ботинке. Мне удается связать свои руки за спиной и отпихнуть излишки веревки, которые я отрезал, когда отвязал себя, надеясь, что Бруно не заметит утром разницы. Свеча шипит спустя некоторое время, и я понимаю, что, несмотря на все, у меня появилась надежда.

Я прислушиваюсь к другим, их дыхание медленное, они спят. Наконец, мои веки тяжелеют, когда Джексон шепчет в темноте.

— Я полагаю, Франк не переоценил тебя, в конце концов.

— О чем ты говоришь?

— ЭмВест. Он с самого начала боялся, что вы собираетесь объединиться с ними. Естественно, они станут вашими лучшими союзниками.

Конечно, теперь он может признаться в этом, когда мы наконец-то разобрались сами. Не раньше, когда мы могли бы более эффективно использовать данную информацию. Не когда мы спрашивали его об этом и он утверждал, что он хочет нам помочь.

— Ты все еще планируешь оставить меня здесь, когда вы освободитесь? — спрашивает он.

— А ты все еще собираешься пытаться нас, чтобы узнать месторасположения нашей штаб-квартиры?

— Я знаю, что мне следовало бы. И это не было бы так сложно. Ты, Грей, сказал бы мне то, что я хочу знать в одно мгновение.

Я думаю о тех людях, что находятся в Долине Расселин. О Райдере, капитанах, семьях и детях. О Блейне.

— Я раньше умру.

Джексон смеется.

— О, я бы не стал тебя трогать. Я бы начал резать одну из девушек, и ты бы дал мне координаты месторасположения прежде, чем я мог бы даже придумать где пройти лезвием.

— И ты еще имеешь наглость спрашивать, избавлюсь ли я от тебя?

— Забота о людях — это слабость, Грей, — говорит он. — Позволяя своему врагу знать, что так близко твоему сердцу, ты будешь уже повержен, перед началом боя. Но дело в том, что я не... — он кашляет, и когда он снова говорит, его слова звучат так, как если он произносит их через силу. — Я не думаю, что я хочу быть твоим врагом. — Несколько интенсивных глубоких вздохов. — И я также не хочу ранить Эмму или Бри.

— Тогда и не нужно.

— Это не так просто.

— Да Джексон. Так и есть. Если ты не хочешь что-то делать, то и *не надо*.

Я так устал от его игр, ото лжи.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о Кае? — спрашивает он. — Он мой младший брат,

он был примерно в возрасте Эйдена, когда меня забрали из Декстерна. Эйден напомнил мне его. Он не боялся улыбаться, как он и не позволял всем трудностям жизни ожесточить его. Я тоже с Каем играл в эти игры с руками. Они всегда заставляли его смеяться, и этот звук мог скрасить любой день. — Он хихикает над своими собственными воспоминаниями. — Я так его любил.

Эти слова неправильные. Они невозможны. Харви много спрашивал меня, когда я прибыл в Долину Расселин. В ходе тестов Харви, я рассказывал об Эмме и том, как сильно я люблю ее, и он сразу сказал, что я не могу быть Копией, потому что они не способны на чувства. Но если Джексон по-прежнему любит своего брата в его состоянии Копии, на что еще он способен? Раскаяние? Жалость? Он может чувствовать эмоции так же сильно, как и я? Может быть Стена, в конце концов, действительно что-то сломала в его программировании. Может быть, он действительно является Копией с сердцем.

Я, должно быть, сошел с ума, размышляя об этом. Джексон — это машина. У него нет совести, и хотя он и размышляет сейчас о правильном и неправильном, просто мысли об этом причиняют ему боль. Я сомневаюсь, что он способен даже пошевелить пальцем против отданной ему команды.

— Я не удивился бы, если Кай скучает по мне, — говорит он.

— Кай не знает о твоём существовании. Он знает только, что его *настоящий* брат был Похищен в день своего восемнадцатилетия. Я уверен, что он скучает по *реальному* Джексону.

— Что делает меня менее реальным?

— Если ты решишь действовать так, как Джексон, то скорей всего ничего.

— Настоящий Джексон помог бы тебе. Я... — Он кашлянул во второй раз. А потом стал задыхаться от боли. — Я помогу вам.

— Потом, когда придет время, сделай это.

— Со... — он прерывается, бранясь. Я слышу его стон. — Союзники, — произносит Копия, задыхаясь, как будто он только что пробежал длинную дистанцию.

— Союзники.

Я с удивлением понимаю, что я хочу ему доверять, что надеюсь всеми фибрами души, что боль в его голосе реальна. Если Копия может стать союзником Повстанцев...

— Я знаю, ты мне не поверишь, — говорит он, — но я *сожалею* о твоём отце. Это было ужасно.

Капля человечности. Заявление раскаяния. Я должен быть счастлив, но возможность того, что Джексон теперь на нашей стороне такая многообещающая, такая огромная и такая беспрецедентная, что все это также заставляет меня сомневаться. Мои мышцы напрягаются так, как если я уже готов к разочарованию.

МЫ С МОИМ БРАТОМ В Клейсуте выслеживаем оленя при свете полной луны. Блейн нарочно пугает его и он бежит подальше от него, вдоль Стены, прямо на меня, как мы и планировали. Когда он появляется, белый с поднятым хвостом, с широко раскрытыми глазами, я ваю его одной стрелой.

— Нам следует сделать рагу, — говорит Блейн, догоняя меня. — Также как его делала Ма.

— Я пойду на рынок утром. Выторгую овощей. — Я наклоняюсь, чтобы разделать тушу.

— Позволь мне помочь. — Но, несмотря на долгий путь к городу, я хочу сделать это сам. Он хватается меня за плечо, когда я игнорирую его. — Я хочу помочь тебе, Грей.

Через облаков поглощает луну, в то время как я свирепо смотрю на Блейна, раздраженный его настойчивостью, я замечаю что-то неестественное в его глазах. Они безжизненные, его зрачки едва расширяются с наступающей темнотой. Я осознаю, что это знак. Ужасный знак, который я до этого момента не был способен распознать. Девушка предупреждала меня об этом однажды. Я не могу вспомнить кто она или что даже это значит, только то, что я не могу доверять Блейну — не после того как я увидел это. Я отхожу от него со стучащим сердцем.

— Куда ты идешь, маленький братец? Мы союзники, команда, близнецы. — Он вытаскивает нож из-за пояса. — Я хочу помочь тебе. — Он направляет на меня лезвие. — Позволь мне помочь тебе.

Я бегу. Ветер завывает, и его шаги гулко стучат за мной. Я спотыкаюсь о корень дерева и кувыркаюсь вперед. Когда я перекатываюсь, он оказывается надо мной, падая на меня, прищипывая меня к земле. Я едва успеваю вовремя поднять руки. Нож сверкает, удержанный в считанных дюймах от моей шеи.

Я ударяю локтем ему по лицу, и он отклоняется достаточно, чтобы я смог высвободиться. Он размахивает ножом, пока мы вскакиваем на ноги. Моя рубашка разрезана, но до кожи он не достал. Хватая Блейна за плечи, я ударяю его своим коленом — раз, два и снова — пока он не роняет нож. Я хватаю его и затем пачусь назад, задыхаясь, выставив оружие перед собой.

Блейн некоторое время смотрит на меня с усмешкой, наклонив голову. И затем он атакует. Он бежит во весь опор, мчится без каких-либо признаков промедления. Он собирается сокрушить меня, броситься на меня, задушить меня голыми руками. Я отскакиваю в последний момент, ударяя его в обороне.

Блейн пошатываясь, останавливается, прижимая руки к животу. Когда он убирает их, его ладони оказываются влажными от крови.

— Грей?

Его голос как-то изменился, стал мягче. Он падает на колени и смотрит на меня. Появляется луна, освещая Клейсут, как солнце днем. Мир становится все ярче и ярче, словно он вот-вот взорвется, и зрачки Блейна сужаются так резко, что это невозможно не заметить. Я делаю к нему шаг. Моя тень падает на его лицо и его зрачки расширяются. Его глаза снова становятся нормальными. Они нормальные, но я клянусь, я и не думал о них до этого. Он просто до этого был сам не свой.

Блейн кашляет — кровь забрызгивает глинистую землю — и он падает замертво.

Я бегу к нему, переворачиваю его, но он уже мертв. У него стрела во лбу и вокруг нас глина становится снегом. Окровавленный снег, берущий свое начало из-под черепа Блейна, распространяется дальше: стремящийся, раздувающийся, покрывающий мир красным. И потом кровь повсюду. На моей одежде, моих руках, моем лице.

Блейн, садясь, выпрямляется и сжимает мой локоть. Каждый дюйм его глаз — черный, кровь струится из них подобно слезам.

— Ты убил меня.

Я вскакиваю — весь вспотевший, трясусь и кусаю костяшки пальцев, сдерживая рыдания. В темноте, все, что вижу, это Блейн. Мой брат был в той Копии, которую я убил около с Стоунуолла. Как и Джексон, настоящий Блейн тоже находился внутри под программой, и я убил его. Я убил его, прежде чем он смог высвободиться.

«Ты не знал», — говорю я сам себе. — «А если бы и знал, то это не тоже самое. Это был не он на самом деле».

Я закрываю глаза.

Я могу жить с этим. Я буду с этим жить.

Мне придется.

Титус и Бруно пришли забрать нас утром, но развязали только Клиппера и меня и вывели из комнаты. У меня было неприятное ощущение, что я присутствую исключительно на тот случай, если Титусу потребуется пересмотреть нашу сделку. Я надеюсь, что до этого не дойдет.

Мы проходим мимо большой группы жителей Бурга, когда направляемся в «Комнату Свистов и Жужжаний». Они разделены на пары и заполняют отдельный коридор. Замыкает колонну Блик. Я должным образом вижу его впервые, и он выглядит иначе, чем смотрелся при лунном свете. Он наверняка моего возраста. В отличие от большинства жителей Бурга, его волосы не свалились в колтуны, он стрижет их невероятно коротко, как будто он довольно часто проходит по ним лезвием. Он прогуливается с распрямленными плечами, с почти скучающим лицом, но девушка рядом с ним, кажется, не замечает этого. Она ему игриво улыбается.

Глаза Блика находят мои, и прежде чем завернуть за угол, он легко и равнодушно пожимает плечами. Я точно знаю, что он чувствует. Я испытывал то же самое все время после близости в Клейсуге. Трудно ненавидеть то, что предстоит, потому что это далеко от пыток, но формальность всего дела одновременно и истощает и гнетет. Я не виню Блика из-за его эмоций. Если есть что-то, чему я удивлен, так это то, что так мало людей в Бурге разделяют его чувства.

— Приступай, парень, — говорит Титус, пихая Клиппера вперед.

Мы достигли «Комнаты Свистов и Жужжаний». Дверь выглядит тяжелой, толстой и прочной, без петель и ручек. Ее очертания распознаются только благодаря тому, что она находится в углублении от остальной части коридора, примерно на ширину ладони.

Клиппер открывает маленький, серебристый ящик, расположенный рядом с дверью, который внутри выглядит как ряд кнопок. Он вытаскивает их, обнажив месиво из проводов и небольших панелей, которые блестят при свете факелов. Они, кажется, имеют больше смысла для Клиппера, чем кнопки, потому что он наклоняется, чтобы достать что-то из сумки. Спустя какое-то время, он приделывает свои провода к ящику на стене, а затем прикрепляет их, к какой-то тонкой, портативной панели.

Мальчик сползает на пол, устройство находится на его коленях, и ждет. На экране что-

то нерегулярно мигает, но это происходит до тех пор, пока постоянный синий свет не освещает его лицо, что заинтересовывает Клиппера. Он судорожно что-то выстукивает на устройстве, высунув язык из уголка рта, прищурился в концентрации глаза.

— Нож, — говорит он, вскакивая на ноги. — Мне нужен нож.

Титус колеблется.

— Ты хочешь открыть дверь или нет?

Титус щелкает пальцами и Бруно исполняет просьбу. Клиппер берет нож и собирает провода, вывалившиеся из серебристой коробки, сжимая их вместе у стены в некое подобие порядка. Он считает, пересчитывает, проводит между ними лезвием. Закусив губу, он прижимает нож к двум проводам и режет. Провода разделяются. Он лезвием снимает кожу с этих проводов и скручивает их вместе. Бруно забирает обратно свой нож.

Клиппер возвращается к судорожному постукиванию на сине-горящем устройстве. Я задаюсь вопросом, почему он потрудился разрезать провода, если он только хотел соединить их, когда низкий, механический щелчок эхом отзывается за дверью. Титус кидается вперед.

— Ты сделал это, — шепчет он.

И Клиппер сделал.

Дверь двигается. Мы стоим, затаив дыхание, в то время как «Комната Свистов и Жужжаний» открывается.

СТРАННО ПАХНЕТ.

Но не ужасно.

Просто пахнет. Как затхлый воздух. Как в забытом помещении. Как в месте, в которое давно не заходили.

И оттуда идет шум. Постоянный гул, который и дал название комнате. С открытием двери он стал громче.

Клиппер входит первым, освещая путь экраном своего устройства. Спустя некоторое время слышится глухой, протяжный звук, как если бы он открыл окно, которое не хотело открываться, и слабый свет заполняет комнату.

Комната квадратная и окрашена в темные цвета — серые и пегие, как безжизненные поля под зимним небом. Справа находится механизм, который напоминает мне технологию затворки в Долине Расселин. Компьютеры располагаются на длинном столе, покрытом пылью, а дополнительные экраны висят на стене над ними. Другие стены комнаты покрыты большими, прямоугольными элементами, они все металлические и висят заподлицо по краям. Жужжащий шум исходит от одного из них.

— Генераторы, — говорит Клиппер, быстро их осматривая. — Как я и подозревал. Их силы недостаточно, чтобы питать весь город, поэтому они, должно быть, для этих компьютеров. И для камер, наверное, тоже. Электрические кабели и трубы должно быть проложены под землей — я имею в виду, мы поэтому не видели их по пути сюда. Звон — это звук, который издают генераторы, когда они включаются и выключаются, наполняясь энергией, но я все равно не понимаю: зачем тратить ресурсы на то, чтобы держать камеры включенными, если она думают, что вы все вымерли?

— Может быть, Франк не наблюдает за тем, что внутри. Может быть, он наблюдает за Внешним Кольцом. Убеждаясь, что никто не бродит рядом с его проектом.

— Уничтожить место, кажется легче, хотя, я думаю, на это тоже потребуются ресурсы. — Глаза Клиппера широко распахиваются. — Если они следят за Внешним Кольцом, могли ли они видеть, как мы вошли в его пределы несколько дней назад?

Я думаю Орден в этом случае уже заявился бы сюда, если бы это было так, но у меня нет возможности ответить Клипперу, потому что Титус начинает орать.

— Это должен быть он! — кричит он. — Это был наш выход. Если это не так, в чем смысл комнаты — Он в ярости бросает свой кинжал. Кинжал отскакивает от стены и приземляется на клавиатуру одного из компьютеров. Экран неярко оживает под слоями пыли.

— Исследуй это, — приказывает Титус Клипперу.

— Для чего? — спрашивает мальчик.

— Для всего. Найди их сек'еты. Найди путь выхода из Бу'га.

— Вам придется перелезть через Стену. Есть только такой путь.

Титус ударяет Клиппера с такой силой, что тот оказывается на полу.

— Я не сп'ашиваю твоего мнения! Я п'иказываю тебе изучить эту штуку и я не буду повто'ять дважды.

— Наша договоренность заключалась только в открытии двери, — говорю я. — Мы выполнили свою часть сделки.

Но Титус не обращает на меня внимания. Он хватается Клиппера за рубашку и поднимает его на ноги. Мальчик смотрит прямо на меня, и хотя его глаза широко раскрыты, я не вижу, чтобы их обуял страх. Они упрямы, смелы и готовы противостоять. Я вспоминаю, что чувствовал год назад, в день, когда я выслеживал Клиппера в лесу. *Я, возможно, был испуган, но я не трус.*

Даже до сих пор я не могу смириться с мыслью, что он пострадал из-за моего решения. Бри как-то сказала, что Повстанцы доверяют людям с талантами и не важно, сколько им лет, но никому не должно быть предложено положить свою жизнь на плаху в двенадцать лет. Я не буду требовать этого от Клиппера.

— Делай, как он говорит, — говорю я ему.

Он смотрит на меня, но садится за компьютер.

Какое-то время спустя, Клиппер подтверждает, что генераторы действительно питают камеры энергией, создавая резервную копию видео на компьютеры, которые работают от одного источника питания. Он также обнаружил, что компьютеры связаны с сетью Таема. Оттуда могут посылаются команды на компьютеры, корректировать и перемещать камеры без присутствия члена Ордена в Бурге.

— Выключи их, — требует Титус, вертя кинжал.

— Камеры? — голос Клиппера звучит прямо-таки боящийся это идеи.

— Да. Я избавлюсь от твоей команды Жнецов, но не от ваших глаз. Я хочу, чтобы они не ‘аботали.

— Но я не могу сделать этого, не будучи обнаруженным.

— Меня это не заботит. Делай сейчас же.

— Нет, этого достаточно, — говорю я, выпрыгивая вперед. — Мы выполнили свою часть сделки и даже больше.

Титус в одно мгновение набрасывается на Клиппера, ударяя его во второй раз. Он достает кинжал и держит его перед лицом мальчика.

— Будет ли нож более убедительным, чем мои кулаки?

Губы Клиппера кровоточат после последнего удара.

— Если мы и отключим их, то сделаем это по-нашему, безопасным способом. И тогда ты дашь нам пару минут побыть здесь одним. — Это существенное изменение нашего соглашения и я не хочу позволять Титусу командовать нами просто так. Особенно, когда мы попали в комнату, содержащую столько всего.

Глаза Титуса сужаются.

— Что за безопасный способ?

— Если ты хочешь работать *с нами*, то мы можем произвести манипуляции с видео потоком камер. Клипперу понадобится некоторое время, но мы можем сделать так, что Орден будет видеть только то, что мы заставим его увидеть — мы поставим запись видео последних нескольких дней на повтор. У нас с самого начала был такой план. Мы хотим помочь вам избежать Ордена, а не приводить их прямо к вашей двери.

— Я не ‘аботаю ни с кем к’оме своих людей. Я недостаточно тебе дове’яю. Жнец, ты знаешь слишком много, чтобы не быть одним из них. Выключите их сейчас же, п’оведите свое в’ремя наедине в комнате, и потом уби’айтесь из нашего дома.

— Мне потребуется время, — говорит Клиппер. — Собрать видеоматериал: разную погоду, день, ночь. Я не могу сделать это немедленно.

— Тебе лучше сейчас же ликвиди’овать каме’ы или ты будешь ме’тв в течение

следующей минуты, — произнес Титус, с кинжалом на изготовку.

Клиппер поворачивается к компьютеру и начинает стучать по клавиатуре. На экране перед ним все строки заполнены словами и цифрами. Половина слов даже не похожа на настоящие. Это должно быть *код*, о котором рассказывал мне Харви, команды говорящие машине что делать и что запускать. Нечто похожее присутствует в Джексоне, возможно побуждающее его разорвать союз, который мы заключили прошлой ночью.

Клиппер продолжает печатать и строки кода вылетают снова и снова, пока на экране не появляется единственный вопрос.

Прервать видеонаблюдение? Да / Нет

Титус прищуривается, смотря на командную строку, и у меня возникает такое чувство, что если он умеет читать, но недостаточно хорошо. Он формирует слова губами, но не произносит их. Наконец, как если бы что-то щелкнуло, он выпрямляется и произносит:

— Сделай это.

Но Клиппер качает головой, кровь выступает в уголке его рта.

— У меня плохое предчувствие.

— Сейчас же!

Клиппер поглядывает на меня, ища помощи. Очевидно, что Титус никогда не станет нашим союзником. Мы должны сделать это и молиться, чтобы нас не поймали. Может быть, мы позже сможем спасти ситуацию. Я не хочу покидать это место — его подземные ходы, компьютеры, их соединение с информацией Ордена. Это именно то преимущество, в котором нуждаются Повстанцы, а Титус заставляет нас отбросить это в сторону. Но Бург не будет стоять ничего — *возможно, ничего* — если мы умрем, неспособные укомплектовать его кадрами или рассказать Райдеру об стольких преимуществах города. И таким образом я вроде как киваю и развожу руками, смотря на Клиппера, потому что в данный момент, это наш единственный вариант.

Клиппер вводит команду. Экран мигает с неким сообщением об успехе.

Мы все задерживаем дыхание. Мы ждем.

Минута, и ничего.

Несколько минут. Все еще ничего.

— Готово, — говорит парень.

— Тогда ваша оче'едь, — отвечает Титус и выходит наружу вместе с Бруно.

Я спешу к Клипперу, его глаза опухают от ударов Титуса. Я вытаскиваю из своего кармана платок моего отца, который он так давно дал мне, и вытираю кровь со рта Клиппера.

— Ты все испортил, — говорит он, наблюдая, как ткань становится розовой.

— Все итак уже испорчено. Все уже испорчено довольно давно. — Я убираю платок обратно в свои штаны и кладу руки на плечи Клиппера. — Я сомневаюсь, что он даст много времени, так что не заморачивайся с камерами. Давай войдем в контакт с Райдером. Мы должны рассказать ему, чему противостоим здесь: как Титус и пальцем не пошевелит, но это место было бы прекрасной базой, обсудим, стоит ли воевать за нее или нам следует лучше продвигаться на Запад в поисках Экспатов.

Клиппер качает головой.

— Райдер недоступен. Я не могу подключиться ни к чему кроме Таема и тестовых групп.

Я бросаю быстрый взгляд на дверь. Титуса все еще не видно, и я чувствую, что я теряю

последний шанс.

— Так что мы *можем* сделать?

— Это соединение как бы находится в большом хранилище секретов Таема — в информационной базе данных — только мы здесь как невидимки. У нас есть возможность посмотреть почти все, что мы хотим, и они никогда не узнают, что мы были здесь. Это также, если бы мы приняли меры и повлияли на видео трансляцию так, чтобы они не смогли поймать нас.

— Итак, тогда ты можешь проверить есть ли какие-нибудь записи Франка о Копиях? — спрашиваю я и меня захлестывает эта идея.

— Конечно, а для чего?

— Блейн так легко обманул нас в Стоунуолле, но если мы будем *знать*, кто еще существует как Копия, тогда такого никогда не повторится. Не с нами. Или ни с кем-нибудь еще из Долины Расселин.

Клиппер кивает и берется за работу. Я не понимаю, как у него получается набивать слова так быстро, нажимая буквы пальцами не по порядку — *й, ц, у, к*. Код выскакивает на экране и ускользает из поля зрения, прежде чем я даже успеваю прочитать его. Мгновение спустя, Клиппер выдает небольшой взглас. Список имен появляется на экране, заголовок над списком звучит так: «Имеются Копии».

— Проверь Ксавье, Бо, каждого, кто вышел из Проекта «Лайкос», — говорю я. — Не самом деле начни с Блейна.

— Его Копия мертва.

— Но целью Франка всегда была создание Копии, которую можно будет воспроизвести снова и снова. Последний раз, когда я говорил с ним, звучало так, что он добился этого. Насколько мы знаем, там могут быть десятки Блейнов.

Клиппер содрогается от этой мысли и скользит по списку, который, в отличие от кодов, в алфавитном порядке. Мы легко находим Блейна в «*BE*».

Везерсби Блейн.

Тип модели: К-Ген4.

Копия модели: 1

Модель в действии: 0

Последнее так отрадно, что я выпускаю огромный выдох. Я убил единственную его версию. Мне не придется делать это снова. Я чувствую себя лучше. Я чувствую себя намного лучше.

— Эм... Грей. Ты видишь это? Здесь?

Я следую за рукой Клиппера дальше вниз по экрану. Я так сосредоточился на Блейне, что даже не удосужился прочитать следующую запись.

Везерсби Грей.

Тип модели: К-Ген5.

Копия модели: 1.

Модель в действии: 1.

Мое сердце замирает. Такое чувство, что оно останавливается.

Я где-то там. Я такой же, как я выгляжу прямо сейчас, только это не я — не совсем я. Это не должно быть так удивительно — если существует клонированная версия Блейна, почему бы и не быть моей тоже? — но я чувствую, что в комнате становится нехватка воздуха.

— И твоя модель новее, — говорит Клиппер, указывая на цифру 5 на экране. — Мне вот интересно, что это значит с точки зрения ее возможностей.

Означает ли это, что *моя* клонированная версия может быть скопирована снова и снова? Ну нет же, только одна в действии. Этого не может быть. Если только просто одна сейчас в действии, а сотни других еще производятся.

— Проверь Бри! — говорю я с паникой в голосе. — Быстрее. Бри и всех капитанов, и Ксавье, и Бо, и...

— В'емя вышло! — объявляет Титус, вальяжно входя в комнату, прежде чем Клиппер успевает дотянуться до клавиатуры.

— Подожди. Это важно. — Бруно хватается за руки и начинает оттаскивать от компьютера. — Твою же мать! Ты не понимаешь насколько это важно!

Но меня выпихивают в коридор, несмотря на мои мольбы. Каз ждет вместе с Сэмми и Джексон. Сэмми, должно быть, увидел панику на моем лице, потому что он обыскивает взглядом комнату, вытянув шею, в то время как нас из нее выталкивают.

Мы врываемся в жилище Титуса, и Бри уже там. Она сидит на одном из деревянных ящиков, охранник стоит прямо за ней. Ее лицо покрыто синяками и порезами, но ее глаза загораются, когда мы входим, и ее раны внезапно кажутся крохотными.

Она одаривает меня улыбкой, но я не отвечаю ей тем же.

Я должен. Я хочу.

Но у меня это чувство.

Это ужасное, тягучее, гнусное чувство.

Когда я встретил Бри, она уже давно убежала от Франка. Она уже была Похищена. Чтс если девушка, которую я знал... что если она никогда на самом деле не была ей?

Нет. Этого не может быть. Я бы знал. Я бы смог распознать.

«За исключением того, что ты не смог отличить собственного брата», — говорит мое сомнение.

Но Бри жила с Повстанцами по крайней мере год, когда я ее встретил. Она бы уже раскрыла местоположение Долины Расселин, нашла бы способ добраться до Франка. Или она могла бы сделать это персонально, когда мы возвращались в Таем за вакциной. Она бы уже давно предала Повстанцев, если бы она на самом деле была бы Копией.

«Только если у нее не было своих собственных мотивов», — шепчет сомнение. — *«Если только она не настолько сильна, чтобы оставаться больше верной самой себе, чем Франку. Как Джексон. Он расторг сделку в Стоунуолле, которая пошла против его миссии просто для того, чтобы остаться в живых»*.

Я не могу думать в таком направлении. Бри есть Бри. Это то, кем она всегда была. Как она без колебаний дралась за Повстанцев с тех пор, как я ее встретил. То, что она чувствует ко мне — вся та страсть, и злость, и боль лилась из нее, когда мы спорили на пляже. Как она плакала в тот день в своей камере. Она настоящая. Она должна быть такой, потому что я не готов оставить ее позади. Я не могу. Это убьет меня.

Она убьет себя, если она Копия.

Но она не Копия.

Она не Копия. Она не Копия. Она не...

Я решил.

— Ну, впе'ед, — говорит Титус, держа свои руки скрещенными на груди. — У тебя есть в'емя, пока я не досчитаю до пятидесяти.

— Для чего? — я бросаю взгляд на команду, но они все выглядят растеряно.
Титус кивает головой в сторону Бри.
— Для того чтобы поп'ощаться.

УЛЫБКА БРИ СПАЛ — немедленно замененная рычанием. Она вскакивает на ноги и охранник позади нее хватается за локти.

— Это шутка? — говорю я, пытаюсь удержать свой голос спокойным.

Титус выглядит оскорбленным.

— Я никогда не шучу. Ты сделал свою 'аботу и тепе'ь ты уходишь, как мы и догова'ивались.

— Мы пожалели руки! На крови. Дверь — за мою команду.

— Ах, видишь ли, вот в чем дело, — говорит он, покачивая головой. — Мы никогда не догова'ивались по-поводу твоей команды. Я сказал, что если мальчишка отк'оет две'ь, твои мужчины смогут уйти. Мы догово'ились на том.

— Я... ты... — Но я не смог больше ничего из себя выдавить, потому что мои легкие как будто бы сжались. Я изначально не уловил выбор его слова, и даже если бы я это сделал, я бы не воспринял бы это так буквально. Нет смысла, соглашаться на сделку, которая обеспечит безопасность только части вашей команды.

— Почему? — наконец-то сумел выдавить я.

— *А почему нет?* Здо'овая женщина дето'одного воз'аста? Мы не настолько глупые, чтобы дать столь ценному 'есурсу уйти от нас. Это, на самом деле, было бы 'асточительством.

Не удивительно, что они держали ее отдельно от нас, присылали медсестер осмотреть ее. Я не могу уйти сейчас, оставив Бри на произвол судьбы. Я делаю глубокий вздох и говорю себе, что если я только смогу урезонить его, все будет в порядке.

— Ты знаешь, что я не соглашусь с этим.

— Это не моя вина, что ты не 'азобрал мои слова.

— Ты не можешь этого сделать, — попытался я снова.

— О, еще как могу. — Он улыбается и не отводит от меня глаз, пока машет рукой охраннику в направлении Бри. — Забе'ите ее в Потомственный зал и пусть кто-нибудь познакомит ее с ее новой 'аботой.

Бри кричит, в то время как ее тянут в сторону двери, визжа:

— *Нем!* — и ее голос, необычно высок и надтреснут, что заставляет меня отказаться от всех доводов.

Я нападаю на Титуса. Он вытаскивает свой кинжал, но меня это не заботит. Меня заботит только Бри, потому что я в мгновение ока осознаю миллион истин: она нужна мне и я доверяю ей, и я думаю, что я люблю ее, и я спас ее с тонущего корабля, и она читает мне, почти так же как мой брат, и может воспроизвести крик гагар своими руками, и она упряма, и безумна, и безрассудна, и искренна, и даже если это поставит мою жизнь на кон, я не уйду из Бурга без нее.

Мы с Титусом падаем на пол. Я слышу, как Сэмми кидается в бой следом за мной, направляясь в сторону Бруно или Каза. Я думаю, что даже Клиппер присоединяется к этому, но я не смею повернуть голову, чтобы проверить. Я выхватываю кинжал из рук Титуса, отбрасывая его в сторону. Я не хочу драться с ним с ножом, потому что это будет слишком легко. Я хочу почувствовать каждую унцию боли, которую я ему причиню. Я потерял счет своих ударов. Мои руки все в крови, костяшки моих пальцев горят. Титус находится в двух

шагах от обморока, когда кто-то — Бруно или Каз — ударяет меня сзади. Передо мной все размывается. Я падаю на колени, мой череп раскалывается.

Я ищу взглядом Титуса и нахожу его уже на ногах, возвращающего себе кинжал. Он разворачивается и пинает все одним движением. Моя голова откидывается. Мир становится белым. И затем Титус оказывается надо мной, прижимая меня коленями и наводя лезвие промеж моих глаз. Я плюю на него. Он приподнимает меня за рубашку и впечатывает в пол.

— Твои последние слова, Жнец, пе'ед тем как тебя 'азделают? — Из носа Титуса хлещет кровь, заливая зубы, но он выглядит таким счастливым в этот момент. Гордым. Позади него Сэмми прижимает к стенке Каза, а Клиппер ошеломленно падает на пол. Брунс поворачивается ко мне, наблюдая за происходящим с удовольствием.

Я вижу Джексона в углу. Он просто неподвижно стоит там и смотрит, как на нас забивают до смерти. Я знал, что он не будет способен перебороть это. Это было, как желаемое выдавать за действительное, поверить в то, что Копия смог бы когда-либо стать нашим союзником.

Но опять же...

Руки Джексона сжимаются в кулаки. Они сжаты по бокам и дрожат. Его губа дергается. Его глаза мечутся между всеми нами. Он словно хочет что-то сделать, но не может найти в себе мужество.

— Сейчас то самое время, Джексон. Это тот момент, о котором мы говорили.

Титус гримасничает, делая сбитое с толку лицо, казалось бы, удивленный странным выбором последнего слова. Затем он пожимает плечами и придвигает лезвие.

И Джексон возвращается к жизни.

Он оттаскивает Титуса от моей груди, как будто тот ничего не весит и ударяет коленом ему в живот. Титус кашляет, сгибается, роняя кинжал. Он уже в руке Джексона и в мгновение ока, прежде чем я даже успел встать на ноги, Джексон проводит им по шее Титуса.

— Не надо, — умоляет Бруно, когда Джексон оборачивается к нему. — Пожалуйста.

Но Копия все равно нападет. Он впечатывает голову Бруно в стену, и прежде чем охранник падает на землю, он поворачивается к Казу. Джексон ударяет его по виску тупым концом рукоятки ножа и человек затихает.

— Ты убил его, — произносит Клиппер, уставившись на тело Титуса. — И остальных.

Джексон качает головой.

— Те двое живы.

— Какого черта только что произошло? — Сэмми смотрит в шок на поверженные тела. — Ты? — Он смотрит на Джексона, а затем меня, потом снова на Копию. — Ты *помог* нам. Грей сказал, что это то время, и ты помог нам.

— Мы пришли к соглашению, — просто отвечает Джексон. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы начать действовать, но теперь я чувствую себя непобедимым.

И возможно он таким стал. Возможно, он разрушил какую-то бы ни было великую силу, что управляла его разумом, и стал по-настоящему свободным, но у меня нет времени, размышлять об этом. Я протискиваюсь мимо них.

Они не спрашивают меня, куда я направляюсь.

Они знают и следуют за мной.

В Потомственном зале спокойно. Двери открыты, в каждой комнате никого, кроме случайных одеял или ковриков. Мой желудок сжимается. А что если мы опоздали? А что

если мы приедем, а худшее уже произошло? Я заставляю себя игнорировать мысли и ускоряюсь.

Коридор поворачивает, и когда мы заходим за угол, я могу разглядеть охранника, ждущего в дальнем конце. Нет, не охранника. Бри.

Она стоит небрежно прислонившись к стене, сложа руки на груди. Я торможу и останавливаюсь рядом с ней, вздрагивая.

— Что случилось?

Она смотрит на меня, подняв брови.

— Ничего.

В комнате справа от нее находятся двое мужчин, они оба без сознания.

— Как...

— Я вырубил парня, с которым меня закрыли внутри, прежде чем он успел что-либо сообразить. Охранник был так удивлен, когда я вышла в коридор, что у него не было ни единого шанса. И потом я ждала. Я знала, что вы парни придете меня искать.

Сэмми смеется.

— Ты, возможно, и сумасшедшая, Нокс, но кишка у тебя не тонка.

Она гордо усмехается, но я все еще пялюсь на нее, поражаясь тому, что она целая, нетронутая и невредимая. Я хватаю и обнимаю ее.

— Я не могу поверить, что с тобой все в порядке, — говорю я в ее волосы. Потом я хватаю ее за плечи и отстраняю от себя так, чтобы я смог посмотреть в ее глаза. — Я бы... Я бы убил его, Бри. Если бы он...

Она отталкивает меня назад, прежде чем я успеваю закончить.

— Грей, это оскорбительно. То, что ты не думал, что я могу позаботиться о себе.

Как я мог задуматься даже на мгновение, что она могла быть Копией? Они куда более расчетливые, и последовательные, и правильные, а вот она, кричит на меня за то, что я бы убил за нее.

— Я знаю, что ты можешь о себе позаботиться, — говорю я. — Но это не означает, что я бы стоял здесь, ничего не делая, если бы тебе нужна была помощь. Я бы никогда не вынудил тебя сражаться в одиночку.

— Я сильнее сама по себе, — говорит она и ее глаза сужаются. — Ты знаешь, я не могу поверить, что я на самом деле пролила слезы из-за тебя той ночью на пляже. Ты такой лгун. Ты *вынудил* меня бороться в одиночку. Ты был таким с самого начала, и даже когда я боролась за нас, ты не видел этого из-за Эммы. И когда ты это увидел, эти крошечные мгновения, которые никогда не повторяются, это уничтожило меня. Я больше так не могу. Я теперь сама по себе. Я не позволю тебе делать меня слабой.

Она серьезно. Я вижу это по ее лицу, по ее позе. Она слегка наклоняется ко мне, сжав руки в кулаки. Удержание в камере ошеломило ее, но сейчас, теперь, когда она свободна, она снова в ярости. Я не знаю, что сказать. Я никогда не знал, как справиться с ней в этом состоянии, в эти моменты, когда она на взводе.

Позади меня, Сэмми нарушает тишину.

— Плакала? — спрашивает он с сомнением. — Нокс, я не верю этому! В конце концов, ты оказалась человеком.

— Сэмми, я изобью тебя до полусмерти, — огрызается она. Ее глаза перемещаются к крови на моих руках. — Давайте просто вернемся к остальным. Я сомневаюсь, что мы здесь еще желанные гости.

И потом она ударяет меня своим плечом, когда проходит мимо.

Я спешу за ней и беру инициативу на себя, потому что она понятия не имеет, куда она идет. Сэмми мямлят что-то про мои приоритеты, и я мысленно отгораживаюсь от него. Я не могу сейчас мириться с его критикой. Или с критикой Бри, которая сейчас вообще неадекватна. Главное — это выбраться из туннелей, вернуться к Стене и решить, каков будет наш следующий шаг: отправиться на запад и попытаться привлечь Экспатов на нашу сторону как предложил Райдер, или отправиться домой с провалом.

Когда мы доходим до лестницы возле комнаты Титуса, над головой раздается странный звук. Интенсивное гудение, словно сотни птиц попали в шторм, и они хлопают крыльями в шуме ветра. Шум резко замолкает и мгновение спустя раздается голос через громкоговоритель.

— Грей Везерсби! — Марко. Над нами. Вызывает меня. — Ты явишься или этот город будет уничтожен так же быстро, как мы потопили твой тщедушный корабль.

Манипуляции Клиппера с камерами Бурга не остались незамеченными. Франк, должно быть, насторожился и отправил Марко проверить, что стряслось. Учитывая то, как быстро он прибыл, он, вероятно, поджидал нас у границы, как и подозревал Клиппер.

— Я на это не куплюсь, — сказал Сэмми. — Он не собирается ничего разрушать. Они не будут тратить припасы, когда они считают, что здесь все вымерли.

— Это не важно, — говорю я. — Они знают, что мы здесь.

Голос Марко снова гремит над нами.

— Мы нашли твоих друзей за Стеной. Мужчины мертвы. Если ты не хочешь, чтобы твой медик стал таким же, ты появишься.

Такое впечатление, что время замедлилось.

Они не могут быть мертвы. Бо, наконец, стал свободным, высвободившись несколько месяцев назад из тюрем Франка. А Ксавье научил меня охотиться, потрошить и снимать кожу с мелкой дичи, расставлять ловушки и силки. Как такое может быть возможно, что этих двоих уже нет?

— Он, скорее всего, лжет, — предупреждает Бри.

Но я не могу так рисковать, и Марко это знает. Существует только один вариант. Так же, как когда мы были на «Кэтрин», Орден загнал нас в угол, выбранный ими.

Я направляюсь в сторону лестницы и Бри хватает меня за руку.

— Не делай этого. Это ловушка.

— Да мы и так в ловушке.

— Я пойду с тобой.

Ее глаза теперь стали мягче, они полны беспокойства. Как парадоксальна ее внезапная забота, не так давно она злилась на меня. Я отпихиваю ее в сторону.

— Я тоже сильнее сам по себе.

Эти ее слова — эхо от гнева и злобы. Я знаю, что это не правда, но я все равно говорю ей их, лишь бы только увидеть, как ее лицо становится пустым. Мне нужно, чтобы она знала, как смешно звучит эта ложь.

— Я собираюсь наверх, — говорю я команде. — Сэмми, смотри, ты можешь найти Блика. Он моего возраста, с темным цветом кожи, почти единственный парень из увиденных мной, у кого побрита башка. Он, кажется, хочет лучшей жизни для себя и для здешних людей, так что расскажи ему, что происходит. Убедись, что он доставит всех в безопасное место. Они должны оставаться незаметными.

— И Клиппер, рация все еще с другими вещами в котельной. Попробуйте связаться с Бо и Ксавье. Может Марко лжет, и они могут помочь.

Клиппер в панике.

— Я не думаю...

— Просто попробуйся.

— А остальным что делать? — спрашивает Джексон.

— Че? Он что, теперь на нашей стороне? — Бри выглядит шокированной.

— Нокс, ты до сих пор не в курсе, — говорит Сэмми. — Замолкни и слушай.

Только я не знаю, какой приказ отдать.

— Просто делай то, что считаешь правильным. Пока это не будет включать в себя следование за мной.

Клиппер с Сэмми побежали по коридору.

— Я вернусь так быстро, как смогу, — говорю я Бри и Джексону. — Место встречи «Комната Свистов и Жужжаний». Скажите это остальным.

— Я могу помочь, если ты позволишь мне, — кричит Бри, когда я перескакиваю через две ступеньки.

Но я поднимаюсь.

И я не оглядываюсь назад.

ОПЯТЬ ИДЕТ СНЕГ, ПОДМОРАЖИВАЕТ слишком облачно, так что лунный свет не проникает на землю. Мир омрачен тьмой за исключением единственного огонька впереди, который едва виден в эту метель.

Я направляюсь к нему, на ощупь, пробираясь по дороге вдоль Стены. Свет исходит из огромной машины, стоящей перед виселицей, освещающий землю вокруг нее блестящим кольцом. Она выглядит как бескрылый самолет, отдаленно похожий на металлических птиц, на которых ЭмВест пролетал над Таемом, когда я сбежал от Франка. Эта модель стоит на поддерживающих опорах, ее кузов выпуклый и вздувшийся. За ней стоит еще две такие машины, только они не светятся. Я прищуриваюсь, пытаюсь рассмотреть ее более детально, и обращаю внимание на лопасти, которые, скорее всего, являются крыльями. Они расположены над кузовом, и их много — это больше напоминает стрекозу, чем птицу. Должно быть это вертолеты. Я читал о них в документации о Проекте «Лайкос». Что-то насчет этого конкретного типа летающих штуковин, с которыми Ордену легче перелететь через Стену.

В свете вертолета движется фигура. Марко. Даже при плохой видимости его ни с кем не спутаешь из-за его бороды. Пара членов Ордена идет по бокам от него. Он поднимает что-то к своим губам, а затем его голос гремит на всю улицу.

— У меня есть кое-кто, кто хочет поговорить с тобой, Грей. Кто-то, кто хочет, чтобы ты знал, как это важно, что ты больше не терял времени.

Я думаю, я знаю, что это означает, а потом я слышу ее раздающийся голос.

— Они мертвы, Грей, — произносит Эмма. Она говорит это храбро, ее голос на удивление спокоен. — Ксавье и Бо. Орден, даже не поколебавшись, застрелил их.

Я сглатываю, пытаюсь протолкнуть ком, возникший в моем горле. Через усилитель слышен всхлип Эммы, и все то мужество, что было в ней всего лишь секунду назад, испаряется.

— Пожалуйста, — просит она. — Нет. Пожалуйста, не делайте этого.

Я понимаю, что она больше не разговаривает со мной, а с кем-то другим по ту сторону Стены.

Марко начинает отсчет.

— Пять...

Теперь Эмма рыдает.

— Четыре...

Они не сделают это. Они не могут.

— Три...

Я бегу туда.

— Два...

— Стойте, — ору я, попадая в круг света от вертолета. — Я здесь.

Слышится звук выстрела.

Я иду не останавливаясь.

— Грей, — говорит Марко. — Я так рад, что ты смог к нам присоединиться.

— Я показал себя! Я пришел, а ты...

— Мы дали тебе кучу времени. Ей не нужно было умирать, но ты пришел слишком

поздно. Ты убил ее.

Я падаю на колени, не обращая внимания на холодный снег. Я должен хотеть схватиться с ним, напасть на него, бить его пока он не попросит пощады, но я опустошен. Сначала мой отец. Потом Бо и Ксавьер. А сейчас...

Я не могу об этом думать... Не могу признаться себе, что ее больше нет.

Один из членов Ордена проверяет меня на наличие оружия.

— Он не вооружен.

— Хорошо, — говорит Марко. Он хватает меня за воротник и поднимает на ноги. —

Пойдем, прогуляемся.

Марко ведет меня в разрушенное здание, и оставляет двоих охранников стоять снаружи.

— Зачем вы сделали здесь остановку? — спрашивает он. — Вы пытались попасть на территорию врага, не так ли? — Даже не смотря на то, что он стоит передо мной, я едва могу различить его в темноте ночи.

— Почему я должен тебе что-либо рассказывать? — смог выдать я. — Ты убил ее. У тебя больше нет рычагов давления, которые ты бы мог использовать против меня.

— Я не думаю что это полностью верно. Если ты хочешь обеспечить безопасность своей остальной команды, ты будешь сотрудничать.

— Они мертвы. Утонули вместе с «Кэтрин». Я единственный кто остался в живых.

— Мы видели, как ты спускал спасательную шлюпку — *полную* спасательную шлюпку.

— Она перевернулась, — говорю я. — Трое людей, которых вы только что убили, были единственными кто не замерз до смерти той ночью.

— Ты уже лгал, Грей, и я тебе не верю.

— Это не моя проблема.

Тут так темно, что я даже не увидел грядущий удар. Мое лицо внезапно вспыхивает, мой разум затуманивается. Это худший удар, который я когда-либо получал, но потом я слышу, как Марко достает из кобуры свой пистолет, и я знаю, что грядет куда более худшее, чем его удар кулака. Я моргаю, качаю своей головой из стороны в сторону, проверяю свою челюсть. Когда я понимаю, что она не сломана, я бросаю несколько грязных слов в сторону Марко.

Он хватает меня за воротник и отпихивает. Я ударяюсь спиной о полку, что стоит вдоль стены и кашляю от боли. Я чувствую глубокое, подавленное желание оттолкнуть его, но когда я пытаюсь пошевелиться, мои конечности оказываются слишком тяжелыми. Похоже на то, как будто бы я уже сдался.

— Почему вы здесь? — снова сердито рычит Марко.

— Ищем убежище по пути в ЭмВест. Это наша цель, та, что ты и подозревал: пересечь границу.

— Тогда почему отключили камеры?

— Я не делал этого.

— Мы знаем, что ты это сделал. Это единственная причина, из-за которой мы умудрились вас найти! — Мне кажется, он качает головой почти что в смущении. — Сидим на границе, ждем вас, как идиоты. Я должен быть благодарен тебе за такой глупый поступок. — Он сильнее прижимает меня к стене. — Последний шанс, Грей. Назови мне местоположение штаба, и я пощажу оставшуюся часть твоей команды.

— Я уже говорил тебе. Они мертвы. Твои угрозы ничего не значат.

— Будь по-твоему. Мне без разницы получим ли мы месторасположение штаба сейчас или в Таеме.

И это прекрасно. Марко может отвести меня к Франку, бросить меня в тюрьму и пытаться меня, чтобы узнать месторасположение штаба. Я умру прежде, чем выдам его. По крайней мере, Бри с остальными смогут сбежать после того, как я уйду. Я отказываюсь отвечать за смерти тех, кто находится под моим руководством.

Марко поворачивается в сторону двери и кричит:

— Готовьте вертушки на взлет. И не забудьте подготовить оружие.

Шаги охранников хрустят по снегу. Марко хватается за мою руку и тащит меня.

— Я знаю, твоя команда где-то здесь, Грей, но у меня нет времени искать их. Я позволю бомбам сделать это вместо меня. — Он наклоняется ко мне. — Но так как ты утверждаешь, что они уже давно мертвы, я думаю, ты можешь считать это бесцеремонным разравниванием заброшенной тестовой группы.

И при этом оцепенении, я ломаюсь, потому что *я не могу* позволить себе остаться в живых одному. Я выкручиваюсь, когда Марко меньше всего этого ожидает и наносит ему удар в живот. Он спотыкается обо что-то невидимое в темноте. Я ударяю еще два раза, пытаюсь отобрать у него пистолет. В темноте ничего не видно, хотя он сильнее, чем я ожидал. Его локоть попадает мне в челюсть, а потом ботинок ударяет по внутренней части ноги, под коленом. Я сгибаюсь, а потом падаю, и меня начинают пинать в живот. Снова, и снова. Я пытаюсь встать на ноги, пытаюсь отползти в безопасное место, но каждый раз его нога находит меня в темноте. Я закрываю свое лицо руками, стараясь защитить себя от ударов. Я чувствую, как он хватается за рубашку и переворачивает. Его пистолет прямо передо мной, ствол прижат ко лбу.

— Я знаю, что плакаты заявляют, что ты жив, — иронизирует он, — но поверьте мне, когда я скажу тебе, что у меня не возникнут проблемы, если я принесу твой труп, в случае твоего отказа сотрудничать. Я могу получить расположение Повстанцев от кого-нибудь еще. Это только вопрос времени.

— Хорошо, тогда сделай это, — говорю я, уверенный, что он блефует. — Давай. Пристрели меня.

Он снимает свое оружие с предохранителя и тянет спусковой крючок.

А потом он делает невероятное: он выпускает пистолет. Выпучивает глаза. Его руки обхватывают собственную шею.

Я хватаю упавшее оружие и отползаю назад, пытаюсь понять смысл всего этого. Марко шипит, изворачивается, хватается за что-то под своим подбородком.

Я отступаю в сторону, и фигура попадает в мое поле зрения: темная кожа, темные одежды, почти неразличимая, кроме белков глаз. Блик. Я не знаю, когда он выбрался из туннелей, или как ему удалось попасть в эту комнату незамеченным, но сейчас он здесь, накинувший веревочную петлю на шею Марко. Он тянет ее со всей силы, и, когда Марко обвисает, Блик позволяет ему сползти наземь.

— Если я смогу пойти с тобой, я приведу твой отряд к Стене. Я клянусь.

— Договорились, — незамедлительно отвечаю я.

Мыжимаем руки, и в это время Марко, кашляя, поднимается на ноги. Он достает небольшой нож откуда-то из-за пояса, и я направляю на него пистолет. Мы стоим на расстоянии чуть больше вытянутой руки, мое оружие дюймах от его груди, его нож настолько же близко.

— Даже не думай об этом.

— Все, что мне нужно сделать, это позвать на помощь, — говорит он охрипшим

ГОЛОСОМ.

— Один звук и я тебя пристрелю.

— Ты не спустишь курок.

— Ты уверен, что хочешь проверить меня?

— Нет, — отвечает он. — Скорей всего нет.

Но он не опускает нож. Он атакует.

Я инстинктивно отскакиваю назад, но так как холодное лезвие жалит меня в бедро, я понимаю, что уже слишком поздно, и я упустил свой шанс на выстрел. Марко кидается к двери, но Блик быстрее. Он опять хватается за петлю на его шее и тащит его назад. Марко хрипит, создавая уверенное впечатление того, что нас поймают, но боль, расцветающая над моей ногой настолько резкая и неумолимая, что я едва слышу его. Я ощущаю темноту и начинаю дрожать. Нож вошел в мясистую часть левого бедра и прошелся к моему колену, когда я отскакивал. Лишь на дюйме всего пореза рана опасно глубокая, но уже вытекло много крови. Слишком много крови. Я скинул куртку и обмотал ее вокруг раны, завязав ее как можно плотнее рукавами.

Слышится ужасный скрипучий звук, когда я смотрю вверх и вижу, как Блик тащит что-то похожее на короткую полку в центр комнаты. Он перебрасывает веревку через стропила и тянет хрипящего Марко на книжную полку, затягивая веревочную петлю вокруг его головы.

В моем сознании вспыхивает понимание того, что я вижу. Виселица.

Блик тянет веревку и Марко задыхается, пальцы ног едва достают до полки на полу.

— Он твой до конца, — говорит мне Блик.

Я подхожу ковыляя. Марко мямлят что-то, но я его почти не слышу. Все, что я могу осознать — это пистолет в моей руке и ярость в груди, такая горячая и горькая. Я презираю этого человека больше всех остальных, кого я когда-либо встречал. Он так много забрал у меня, то, что не может быть заменено или отремонтировано, или перестроено. Он держал в своих ладонях бесценные частички моей жизни и задушил их, не задумываясь.

Я поднимаю оружие, целясь прямо в сердце Марко. Я нажимаю на курок.

Это будет громко. Орден услышит. Но я должен это сделать. *Мне нужно это сделать.*

Моя рука слегка дрожит.

Марко давится своим смехом, звук, вырывающийся из его горла прерывистый и оборванный.

— И твой отец пожертвовал жизнью ради тебя! Какая трата. Посмотри, насколько ты слаб.

Дрожь становится сильнее. Я не могу успокоить свои руки.

— У тебя кишка тонка! — Веселье в его голосе стало отчетливым. — Ты не можешь нажать на курок.

Я опускаю оружие.

— Ты прав. Я не могу.

Триумфальная улыбка расплзается по губам Марко.

— Но я могу сделать это, — сказал я, — и это за моего отца. За всех них.

Я поднял здоровую ногу и выбил из-под него полку.

Я НЕ ОГЛЯДЫВАЮСЬ.

Блик ведет меня в бок к переулку. Я едва могу видеть, куда мы идем, он наверняка запомнил планировку города, потому что он стремительно идет вперед, несмотря на тьму. Я ковьялю за ним, и близко не так тихо как он, потому что мои ноги не готовы к внезапным провалам в земле и моя раненая нога ноет. Я надеюсь, что я не проливаю кровь на снег, давая Ордену очевидный путь преследования. Они обязаны скоро проверить Марко. И это в том случае, если они не слышали нашу борьбу с самого начала.

Мы с Бликом вбегаем в здание с провалившейся крышей, и нам приходится ползти под рухнувшей балкой, прежде чем мы снова можем подняться.

— Сюда, — говорит Блик.

Я двигаюсь навстречу его голосу и нахожу его держащим что-то наподобие коврика, висящего на стене. За ним маленькая комната. Он приподнимает что-то с пола и появляется верхняя ступенька шатко выглядящей лестницы.

Он на полпути вниз, когда Орден находит Марко. Я могу слышать их крики.

— Достаньте его оттуда! Живо.

— Это не имеет значения. Его не спасти.

— Найдите мальчишку!

Не обращая внимания на боль в ноге, я следую за Бликом и закрываю люк над головой.

Проход, в который мы попали, не только сделан более грубо, чем большинство туннелей Бурга, но и намного меньше их. Внизу лестницы мы вынуждены лечь на животы. Я слышу звук удара о кремний, и вижу слабый огонек в руках Блика. Стены туннеля вокруг нас грязные, в земле и с валунами. Я сразу же беспокоюсь, что они обрушатся на нас.

— Где мы? — Шепчу я, в то время как мы начинаем ползти сквозь туннель на наших животах.

— Под землей.

— Я это и так знаю. Ты его вырыл?

Он кивает.

— Чтобы у меня имелась возможность выходить на'ужу на моих собственных условиях.

— Это именно то, что ты делал этой ночью? — Я думаю, о журнале, который он держит припрятанным в здании школы, о девичьих снах, которые стали его собственными.

— Нет. Твой друг Сэмми нашел меня, 'асказал мне что п'оисходит. Я запе' Б'уно и Каза в комнате Титуса и отдал п'иказ нескольким людям, кото'ым я дове'яю, пе'едать сообщение: «Г'ядет бой. Оставайтесь в ук'ытии. Ждите, когда я ве'нусь». Потом я зак'ыл твою команду в «Комнате Свистов и Жужжаний». — Он бросает на меня взгляд через плечо, извиняясь. — Я думал, что ты с ними, знаешь ли? Со Жнецами. Я думал, ты поднялся сказать им как нас найти, но потом, Г'ей, я услышал, что тот человек сделал с твоей командой, даже после того, как ты к ним п'ишел. — Он на мгновение замолкает. — Я сожалею.

Я должен был что-то сказать, но мой язык как будто распух и не похоже, что слова исправят то, что было разрушено. Они не вернут назад Эмму, Бо или Ксавье.

— Я не знаю, Жнец ты или нет, — продолжает он, — но я знаю достаточно, чтобы увидеть, что те, кто наве'ху, такие же твои в'аги как и мои. И если ты убегаешь от них, я

тоже хочу убежать вместе с тобой. И я хочу убедиться, что мои люди не 'азделят ту же судьбу что и в последний 'аз, когда те убийцы пе'есекли нашу Стену.

После этого мы ползем в тишине.

Туннель не очень длинный, но мы продвигаемся медленно. Я представляю себе, как много лет потребовалось Блику выкопать его. В итоге мы добираемся, наверное, до его комнаты, заползая через одеяло висящее на стене. Пространство еще более голое, чем у Титуса. Нет стола или стула-ящика. Нет гамака. Просто коврик на полу. Сложенное одеяло отложено в сторону. Ножи аккуратно воткнуты в стену. Я замечаю модифицированные вилы, о которых он упоминал, они закреплены намотанной на них веревкой.

Блик через всю комнату бросается к ним и хватает их вместе с парой ножей.

— Вот, — говорит он, впихивая мне один. Это хорошее оружие, сделанное из кости. Рукоятка гладкая, слегка изогнутой формы, легко вписывается в ладонь, а лезвие, не длиннее моего указательного пальца, умело заточено.

Мы выскальзываем из комнаты Блика и идем по коридорам, пробираясь в «Комнату Свистов и Жужжаний». Дверь не то, чтобы заперта, как сказал до этого Блик, но команда действительно «закрыта». Два человека, которые должно быть, являются друзьями Блика стоят на страже. Они вооружены ножами, которые находятся у них в руках, привязаны к их спинам, свисают с их поясов — а также, они заложили рядами ящиков дверной проход. Любой, выходящий из комнаты, был бы немедленно и быстро схвачен.

— Они не наши в'аги, — говорит Блик, подходя к парням.

Он рассказываем им все, а я перелезаю через ящики, слишком нетерпеливый, чтобы разобрать вход надлежащим образом. Вся команда внутри, сгрудилась вокруг компьютеров. Первой меня замечает Бри. Ее глаза впиваются в меня, потом скользят к моей кровоточащей ноге, потом возвращаются к моим глазам.

— Ты смог вернуться. — Такое впечатление, что она не верит своим собственным словам.

Остальная команда оборачивается, и их лица озаряются. Сэмми обнимает меня так, как часто это делал Блейн, одной рукой сжав мою руку, другой обхватив за спину.

— Твой надежный Блик запихнул нас сюда, и я думал, что ты выбрал не того парня кому можно довериться, — сказал он, — но, похоже, в конце концов, он спас твою шкуру. Хотя, черт возьми, Везерсби, ты действительно был на волоске.

— На волоске?

— Он по-поводу отчета Марко, — произносит Клиппер, стоя рядом с компьютером.

— Сэмми чуть не обмочился от облегчения, когда Марко остановился на два, — сказал Джексон.

Я натянуто улыбаюсь, но не могу заставить себя сказать им правду. Если они слышали обратный отчет, то они, должно быть, так же слышали, как Эмма подтвердила, что Ксавье и Бо мертвы. Но Сэмми выглядит успокоившимся, Копия балагурит, и только Бри полуотчаянно хмурится, как может только она, что на самом деле является улыбкой — и все это означает, что они, возможно, не услышали выстрела. Они думают, что Эмма еще жива, и маленькая победа, кажется, дает им надежду. Я не могу разрушить это, рассказав, что я был слишком медлителен, что я причина того, что Эмма мертва, как и другие. Мне нужно, что они надеялись, чтобы их надежда питала нас всех, потому что я ищейка.

— Я послал сигнал бедствия, — объявляет Клиппер. — Я не смог связаться с Ксавье и Бо, и затем, когда нас здесь закрыли, я начал думать: об этих компьютерах, о всех тех слухах

об ЭмВесте и о *задействованных* сообщениях Райдера.

— О чем ты говоришь, Клиппер?

— Ты был там наверху с Марко, и мы не знали, вернешься ли ты. Орден окружил нас. Кстати, еще до сих пор окружает. — Взгляд Клиппера переходит с клавиатуры на экран компьютера, и, наконец, возвращается ко мне. — Я подумал, что они наш единственный шанс. Я не мог связаться с ними, так что я просто... Я послал широкоформатный сигнал, призыв. Обращенный к Экспатам. Позвав их нам на помощь.

— Что? — Волна паники проносится через меня. — Я думал, ты говорил, что компьютеры были только в сопряжении с Франконианской сетью.

— Так и есть. Но у Повстанцев всегда были шпионы. Помнишь Кристи, которая помогала тебе с Харви получить вакцину? Кто сказал, что у Экспатов их не может быть? С доступом к Франконианской информации?

— Но если ты отправил сигнал в открытую, это же означает, что Орден также его перехватит?

Он хмурится.

— Ну, да. Всегда есть риск.

— Риск? — ору я. — Как ты мог сделать такую глупость, Клиппер? Если Орден еще не вызвал подкрепление, то оно безусловно будет отправлено к нам сразу же после того, как они перехватят твой сигнал о «бедствии». И с чего это Экспатам *даже помогать* нам сейчас? Мы окружены большими силами Ордена, чем они. Помогать нам — это как отправляться на верную смерть!

— Пошел ты, — говорит Клиппер так тихо, что я почти этого не слышу.

— Прости что?

— Пошел ты! — Он встает и засучивает свои рукава до локтей. — Ты дал мне приказ и я рискнул. Так же как и ты, когда пошел наверх на встречу с Марко. Вот что происходит, когда все идет не по плану. Вы рискуете и надеетесь, что все получится. Харви сделал бы то же самое, что и я. Он отправил бы такой же призыв — я *знаю* это — я уверен, что ты не стал бы на него орать, как ты орешь на меня. Я может быть и молодой, но я не тупой.

Он останавливается, запыхавшись, и я так поражен его вспышкой, что я совершенно не знаю, что сказать. Впервые, начиная с начала похода, я рассматриваю его не как почти тринадцатилетнего мальчишку, а как члена нашей команды. Не смотря на возраст. Не смотря на должность. И он прав. Во всем есть риск, и все может нам аукнуться. Ведь я сделал то, что считал необходимым, и это убило Эмму.

— Я догадывался об этом, поэтому мы просто будем надеяться, что твой сигнал дойдет до нужных людей, — говорю я.

Клиппер больше не выглядит уверенным в себе, но я бы испытывал к нему больше любви, если бы он мне доказал, что я не прав. Что, выйдя на поверхность, мы найдем союзников, желающих отвести нас в безопасное место и осуществить нашу мечту.

— Пак соби'ает остальных, — говорит Блик с порога. — Они соби'аются подняться наве'х и 'асс'едоточиться на п'отивоположной сто'оне го'ода, попытаясь создать тем самым отвлекающий манев'. Это даст твоей команде шанс сбежать. Я доведу вас до Стены, а затем п'иведу своих людей после того, когда п'отивостояние закончится. Здесь больше не будет безопасно для нас.

— Ты же понимаешь, что вас превосходят, ведь так, Блик? Оружие, которое находится у тех людей... Мы вам очень благодарны и все такое, но...

— Мы знаем, чему мы п'отивостоим из 'асказов наших бабушек и дедушек, — говорит он мне. — И мы здесь, как не никто д'угой, хотим немного отомстить.

Лестница, по которой мы поднимаемся наверх, выводит нас на окраину города, туда, где начинаются поля, захваченные поголовьем скота. Обернувшись, я могу разглядеть огни вертолетов Ордена находящихся возле виселицы. Меня передергивает при мысли о том, что ждет жителей Бурга. Половина меня хочет стоять с ними, но я должен принять решение, и какое бы ужасное оно не было, я лягу костью за жизнь моих четырех оставшихся членов команды и поставлю их жизни выше сотни людей, которые будут сражаться, пока мы сбегает. Может быть, это делает меня ужасным. Я не знаю. И у меня нет времени, чтобы дать оценку этому.

Блик указывает вперед.

— Мы побежим, и когда мы начнем, мы не остановимся, пока не достигнем Стены.

Бри вздыхает.

— Как ты только можешь видеть?

Она права. Это кромешная тьма.

— *Я не могу*, — признает Блик. — Но здесь нет де'евьев, и земля по большей части 'овная. П'осто дайте своим ногам двигаться и дове'йтесь своему балансу. Мы уходим, как только мы услышим сигнал.

И после этих слов, позади нас, раздается взрыв. Члены Ордена кричат в растерянности. Лучи от фонарей отражаются от зданий, от снега, от тучных облаков над головой. Жители Бурга начали действовать.

— Тепе'ь! — шепчет Блик, и мы все бежим.

Мы неуклюже и громко пробираемся по снегу. Мне слышно, как вдалеке проходит бой между Орденом и жителями Бурга, но я клянусь, что некоторые голоса становятся ближе. И что лучи от их фонарей мелькают на снегу.

— Там! — кричит кто-то, и мои подозрения подтверждаются. Нас засекли.

— Зови остальных. Отдай приказ.

— Сейчас! Включи сейчас же свет!

Стена света появляется впереди. Вертолеты. Их намного больше, чем те три, что стоят в центре Бурга. Я думаю, что слышу далекий рев, и в одно мгновение понимаю, что Орден вызвал подкрепление. Может быть, после нахождения Марко. Несмотря на это, мы оказались окруженными, в ловушке, нам некуда бежать. Мы притормаживаем.

Когда первый член Ордена спускается вниз с одного из вертолетов, я чувствую нечто подобное тому, если бы кто-то воткнул нож мне между ребер.

У него те же широкие плечи и худощавая комплекция. Те же темные волосы и тихая походка. Тот же подбородок и нос, те же уши и рот, и глубоко посаженные бесцветные глаза.

Это кажется невозможным, даже когда я смотрю на доказательство.

Но это не так.

Это моя единственная операционная модель, как и было написано в записях Франка, и он стоит передо мной.

КРОВЬ СТУЧИТ В МОИХ УШАХ.

Я забираю все свои слова о том, что я раздумывал о желании сохранить небольшой кусочек Блейна, который был в его Клонированной версии. Потому что Копия — она не настоящая. Это клон, это отражение — это не я. Я хочу, чтобы он умер. Я хочу, чтобы он исчез. Я хочу, чтобы он никогда не существовал.

Он движется, кулак в воздухе, и небольшая армия, которая я предполагаю, состоит из Копий, выходит из вертолета, чтобы присоединиться к нему на снегу. Они представляют собой разнородную группу. Разного роста и комплекции, с разным цветом волос и кожи. Некоторые из них женщины, но большинство мужского пола.

Копия меня рассматривает наш отряд ужасно расчетливым взглядом. Он просто слегка склоняет свой подбородок, глядя на меня через перегородку носа. Это признание моего присутствия. Кивок, что он меня видит.

Ненадолго у меня была бредовая мысль, что он поможет нам. Что они все помогут. Но в отличие от Джексона, эти Копии не видели Стены. Они не трогали ее, не взбирались на нее. Они летели над ней, а вид ее — если она вообще была видна в темноте — не был ничем, кроме как пятном. Эти Копии не сломаются и не станут неисправными. Независимо от того, насколько я сильно хотел бы этого, они не будут в конечном итоге на нашей стороне.

Губы Копии меня растягиваются в слабой улыбке, будто он может слышать мои мысли. Он указывает пистолетом в нашем направлении и говорит:

— Привет, Грей.

Отдаленный рокот сейчас был больше похож на рев, дополнительное подкрепление надвигалось быстро. Не было никакой возможности, чтобы мы выбрались оттуда.

— Что нам делать? — отчаянно спрашивает Сэмми, но я слишком занят, чтобы ответить ему, хватая Бри и притягивая ее к своей груди.

— Мне жаль, — говорит она в мою рубашку.

— Мне тоже.

Копия меня говорит солдатам:

— Готовься.

Они поднимают оружие. Рев приближающегося врага становится громче.

— Целься.

Сэмми снова:

— Грей! Что нам делать?

Я кладу подбородок на макушку Бри и закрываю глаза, потому что ответ — ничего. Мы проиграли.

— Ог...

Яркая вспышка и я сбит с ног. Мир затихает.

Я мертв.

Я мертв. Я мертв. Я мертв.

Но я до сих пор чувствую, и это — боль.

Везде.

Я заставляю свои глаза открыться. Один из вертолетов в руинах, его металл искорежен и разбросан. Земля вокруг него вскопана, грязь окрасила снег яростными брызгами. Вокруг

разбросаны истерзанные тела, месиво из черных и кровавых частей. Те, кто еще жив, бегут в укрытие, но я не могу их слышать. Я не могу слышать ничего, кроме гулкого эха в моих ушах.

Вокруг несет огнем и дымом, и горячей плотью. Тени двигаются над головой, отбрасывая четкие очертания на снегу. Мир вспыхивает снова.

Во второй раз меня отбрасывает в сторону, как будто я ничего не вешу. Я поднимаю руки над головой, защищая себя от случайных кусков металла, которые летят в вниз. Когда я поднимаю взгляд, еще два вертолета уничтожены.

Я вижу Бри боковым зрением. Она ползет ко мне. Ее рот движется, но слов не слышно. Рядом Джексон поднимает Блика на ноги. Они тоже кричат, и я до сих пор не могу их услышать. Я пытаюсь встать, но теряю равновесие.

Звуки возвращаются медленно.

Сначала появляется рев самолета над головой, отступая, за ним следуют размытые крики Ордена об отступлении в укрытие. И потом, наконец, Бри.

— Грей! — Ее голос мутный и приглушенный, как будто она зовет меня под водой. — Проклятье, Грей!

И теперь все четко и резко, когда она хватает меня за запястье. Я заставляю себя подняться, слабо балансируя, и моя поврежденная нога вспыхивает болью. Я понимаю, что могу упасть, но рев над головой снова становится громче.

— Быстро! — кричу я остальным. — Пока они не вернулись.

Сэмми смотрит на небо, и я знаю, что он соединил все кусочки того, что мы имеем воедино. Сигнал бедствия, который послал Клиппер, поймал не только Орден. Кто-то в ЭмВесте услышал наш крик о помощи и пресловутые Экспаты сейчас летают над головой, давая нам небольшой шанс на побег. Конечно, они вполне могут нас убить в процессе этого.

Джексон поднимает Клиппера на ноги — плечо мальчика в крови и я поражен, что он еще в сознании — и мы бежим. Каждый шаг обжигает болью мою ногу. Мы пробегаем между горящими обломками двух вертолетов, Бри на бегу хватается винтовку у лежащего мужчины. Фрагменты частей тела разбросаны среди руин, это солдаты, которые были разорваны, как будто они были бумажными. Снег под нашими ногами окрасился в миллион оттенков розового. Я собираюсь с силами, чтобы меня не стошнило.

Как только позади нас тускнет свет от все еще неповрежденных вертолетов, небо становится ослепительным в третий раз. Даже с такого расстояния, взрыв просто оглушительный. Мы бежим в безопасность темноты, и впервые с момента прибытия в Бург, я рад, что так мало света. Мы становимся временно невидимыми. Но тут я слышу звук шагов за нами: Орден — и ли еще хуже — Копии на нашем хвосте.

Я торможу, когда мы добираемся до Стены. Она вечером кажется особенно массивной. Блик скидывают скрученную веревку с прикрепленным куском металла со своих плеч, и бросает ее вверх, пытаясь зацепиться за Стену. Мы слышим характерный скрежет, и якорь веревки закрепляется на месте, когда он тянет ее вниз.

— Что это? Самодельный крюк? — Сэмми берет веревку и испытывает ее на прочность. — Ты, гений! — Спустя мгновение он как можно быстрее взбирается, упираясь ногами в фасад.

— Хватайте это, — слышится его ответ после некоторого ворчания, и даже притом, что я не вижу его, я знаю, что он поднялся по Стене. — Обхватите себя узлом веревки, и я смогу подтянуть вас. Это будет намного быстрее, чем восхождение.

Я поворачиваюсь к Бри.

— Сначала ты, — говорит она.

— Бри, даже не спорь со мной по этому поводу.

Даже в темноте я могу почувствовать ее хмурый взгляд, но я хватаю ее за руку и тащу к веревке. Она вступает ногами в петлю, которую создал Блик, и Сэмми аккуратно тянет ее наверх. Клиппер идет следующим, его плечо похоже на кусок плохо разделанного мяса. Я никогда не видел оружия, которое может создать такого рода повреждения, и задумываюсь: это обломки вертолета покалечили его или это были фрагменты самого взрывающегося оружия. Клиппер как-то умудряется оставаться в сознании, когда Сэмми тянет его вверх.

— Ты должен взбираться, — говорю я, поворачиваясь к Блику. — Если ты пойдешь обратно к своим людям, ты будешь убит прежде, чем ты доберешься до города.

Я не могу разглядеть его лицо в темноте, чтобы понять его реакцию, но он хватается за веревку. Крики преследующих нас Копий теперь хорошо слышны. Море лучей от фонарей качаются вверх и вниз при их приближении, отражаясь от гладкой поверхности Стены. Я направляюсь к Джексону.

— Нет. Уходи, — говорит он.

Лучи от фонарей настолько близко, что едва хватит времени даже для еще одного человека. Но ведь мы союзники. Как я могу оставить его здесь после всего?

— Я один из них, Грей, — говорит он, будто прочитав мои мысли. — Может они поймут это. А теперь, пожалуйста, уходи. Пока все это не стало впустую.

Я нахожу веревку в темноте и шагаю в нее здоровой ногой. Мое плечо ударяется о Стену из-за толчка Сэмми, в то время как я пытаюсь оттолкнуться своей больной ногой, но это слишком больно. Через мгновение руки Сэмми скользнули под мои плечи, и я был поднят на вершину Стены.

Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как лучи фонарей остановились на Джексоне.

Даже то, что он стоит с поднятыми руками не замедляет Копии. Их там, должно быть, около дюжины, и мой клонированный аналог возглавляет отряд, с оружием на изготовке. Всего в нескольких шагах от Джексона, он делает какое-то движение и как мне кажется, он ударяет кулаком.

Но потом я вижу оружие в его руке: нож, обращенный обнаженным, сверкающим лезвием в сторону локтя.

Руки Джексона тянутся к его шее.

А потом он падает в снег, мертвый.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я КРИЧУ НА СВОЮ КОПИЮ. — проклиная его. Как я могу быть способным на это? Как может часть меня убить человека, который держит свои руки над головой, сдаваясь?

Сэмми тянет веревку, прежде чем кто-либо сможет схватиться за нее. Копия меня поворачивается к другим, начиная выкрикивать приказы, требуя сформировать пирамиду, чтобы попасть во Внешнее Кольцо. Более половины из них выглядят рассеянными, уставившись на Стену, также как Джексон, когда он впервые увидел ее.

Мой взгляд перемещается между Копиями, которые увлечены работой и группой Копий в бездействии. Я бы дал руку на отсечение, что Джексон был старой моделью К-Ген4, как и Блейн, и то, что эти Копии, зависли, уставившись на Стену, а не пытаются взобраться на нее, подтверждает, что они такие же. Возвышающаяся Стена несет в себе какую-то помеху в их программировании. Но Копия меня и несколько других, должно быть, модели К-Ген5 — они сильнее. Ничего, похоже, их не беспокоит.

Сэмми подталкивает меня двигаться. Я последний раз смотрю на распростертое тело Джексона, и мы аккуратно спускаемся во Внешнее Кольцо. Впереди в лагере виднеется огонек. Мы мчимся к нему.

По ходу бега моя хромота становится сильнее, но я с остервенением подталкиваю себя. Я могу различить, как Блик помогает Клипперу, а Бри приближается с винтовкой наперевес. Я понятия не имею, как много членов Ордена обнаружили здесь нашу команду, но наша машина тут единственная в поле зрения, так что, по крайней мере, выясняется, что они были пешком.

Когда я почти равняюсь с Бри, она резко останавливается. Она поворачивается с выражением ужаса на лице. Качает головой. Машет мне, чтобы я остановился. И я вижу почему.

Эмма.

Она не мертва. Она жива. Ксавье тоже. Но она приставила пушку к его голове. Эмма держит Ксавье на мушке, а Бо лежит лицом в земле, снег под ним потемнел.

— Это достаточно близко, — спокойно говорит Эмма.

Я, наверное, вижу все не так. Должно быть. Она одаривает меня своей привычной полуулыбкой. Вместо типичной боли в груди, это выражение ее лица заставляет мой желудок сжаться.

— Того члена Ордена никогда не существовало, ведь так? — оправляюсь я. — Ты убила Бо, перекинулась на Ксавье, использовала рацию, чтобы связаться с Марко.

— Очень хорошо, Грей, — говорит она. Узел в животе стягивается, когда я осознаю, что это не первый раз, когда она нас предает.

— И это ты была на лодке. Ты сказала, что ходила за бинтами, но ты связывалась с Орденом.

— Я беспокоилась, что ты сомневаешься во мне с того момента, как ты увидел меня над картами Исаака, — говорит она, улыбаясь еще шире. — Но любовь — забавная вещь, не так ли? Она ослепляет нас.

— Грей, — умоляет Ксавье. — Пожалуйста...

Эмма прижимает пистолет к его голове немного сильнее, и он замолкает. Остальная часть команды вываливается в лагерь позади меня, и я слышу, как их шаги замирают.

— Эмма, почему ты это делаешь? Франк обещал тебе что-то? Он сказал, что отпустит Картера? Освободит Клейсут?

— Ты думаешь, мне не хочется этого делать? — усмехается она. — Ты думаешь, что у меня сейчас что-то типа момента слабости?

Такое чувство, будто я разговариваю с незнакомцем.

— Не может быть, чтобы ты реально хотела этого, Эмма.

— Но я хочу! — она практически кричит. — Я хотела этого с того самого момента, когда ты забрал меня из Таема, и я даже не могу сказать тебе, как трудно было быть настолько терпеливой, чтобы дождаться нужного момента. И вот почему это так удивительно, не так ли, Грей? Потому что в отличие от Блейна и Джексона, ты даже не думал, что это возможно.

Мое дыхание прерывается и я осознаю правду.

Это не Эмма.

Это никогда не было Эммой.

Эмма до сих пор в Таеме. Или еще хуже — умерла. Девушка, стоящая передо мной, выглядит также как она. Я был глупцом — таким глупцом — предполагая, что Копия будет создаваться только на основе Похищенного.

— Я могла бы это все это прекратить еще тем утром на «Кэтрин», — добавляет она, — но нет, тебе нужно было ворваться ко мне, заставляя меня сбросить мой вызов в тот самый момент, когда я была в состоянии выйти на контакт. Я была *так близко*, но мне просто пришлось прекратить. Сделать из себя застенчивую и смиренную барышню с опущенными ресницами, как я всегда делала в твоём присутствии.

Она выглядит чувствующей отвращение от этой идеи. Это выражение инициирует определенные моменты, которые сейчас кажутся до боли очевидными. Как она не пролила ни единой слезинки, когда как я спас ее в Таеме, несмотря на то, что она пережила. Ее раздражение, когда я позволил Джексону пообщаться с Орденом в Бон Харборе вместо нее, и ее небрежное замечание по поводу его скорости, когда он открыл Внешнее Кольцо, потому что, возможно, это действительно *можно* было сделать быстрее. И ее глаза. Они казались такими безжизненными и мертвыми в последнее время, такими безэмоциональными. Такими отличными от Эммы. Она даже рассказала нам о признаке, как определить свой собственный вид, и я был слишком слеп, чтобы увидеть это.

Я чувствую, что из меня вышибли весь воздух.

— Но ты ни разу не сдала нас, когда мы были в Долине Расселин, — говорю я. — И для тебя было бы не трудно проникнуть в Технологический Центр и выяснить, как связаться с Орденом.

— Я не собиралась связываться с ними, когда я была *там*, и они были бы глупы, думая, что я бы это сделала. Зачем мне охотно давать координаты моего расположения — расположения *Повстанцев* — и позволить им прикончить меня бомбами, которые я уверена они бы скинули? Насколько тупой они меня считают?

Она ведет себя так же, как и Джексон в Стоунуолле: ставит свою собственную жизнь выше своей миссии. Самосохранение — сильнейшее из мотиваций.

— Так что теперь мы здесь, — говорит она, — и я, наконец, смогла достучаться до них. Согласись, Долина Расселин — это всего лишь название и я не знаю, что мне сообщать и как именно найти ее, не имея никаких непосредственных координат. Я сказала им проверить, откуда мой маячок передал последний сигнал. Этого должно быть достаточно для них,

найти твою драгоценную штаб-квартиру, но ничего, если что мы подождем. Как только Орден не будет так занят, — она поворачивает голову к Стене и в это мгновение взрыв освещает небо — ты можешь в этом убедиться, Грей.

Мне становится плохо. Из-за потери крови. Из-за всего.

— Эмма, я не могу просто ждать и позволить тебе выдать нас. Ты должна понимать это. Но если ты опустишь оружие, мы что-нибудь придумаем. — Я придвигаюсь к ней с опаской.

— Ни одного шага больше.

Я все равно делаю один.

— Ты думаешь, я не смогу этого сделать? — Она крепче прижимает ствол к голове Ксавье.

— Я знаю, что не сделаешь, — еще один шаг. — Потому что ты где-то там внутри. И ты лучше этого. Ты можешь помочь нам. Как Джексон.

— Если он помог вам, это значит, что он более старой модели. Я сильнее его.

Она находится на расстоянии вытянутой руки. Один шаг и я могу выхватить пистолет. Еще один шаг и все будет хорошо.

— Если ты сейчас же не остановишься, он покойник.

— Ты не убийца, Эмма. Я знаю тебя.

Она смотрит прямо на меня, и на какой-то момент, я думаю, что она меня слышит. Я хватаюсь за оружие, и признание на ее лице исчезает. Ее глаза сужаются, ноздри раздуваются, когда она говорит:

— Я не твоя Эмма. Ты ничего не знаешь обо мне.

И она спускает курок.

Раздается эхо.

И она направляет пистолет на мою грудь.

Раздается еще один выстрел.

Я падаю вперед.

Но я не истекаю кровью. Я... в порядке.

Эмма смотрит вниз и обнаруживает, что на ее куртке расплывается темное пятно. Она падает на колени, а потом на бок с подогнувшимися ногами.

Я переворачиваюсь, ища стрелка. Бри опускает винтовку. Ее глаза невероятно напряжены, когда они встречаются с моими, ее губы крепко сжаты, как будто они зашиты. Сэмми смотрит на трупы, как будто он увидел призрака.

Позади нас раздается шум. Отдаленные вспышки.

Копии.

Все несутся к машине, но я проверяю Ксавье. Он мертв. Он мертв и это ужасно, я хочу на это смотреть, но не могу поступить по-другому. Меня выворачивает на снег.

— Грей? — кашляет Эмма.

И даже когда я знаю, что это не она, я направляюсь в ее сторону. Я иду к ней, потому что она произносит мое имя, и ее голос звучит так же, как и у Эммы и я не могу игнорировать это. Она тянется к моей руке, хватая ее, ее пальцы липкие от крови, и она улыбается. Она умирает, но она сияет, как будто это лучший день в ее жизни.

— Они приближаются.

Бри начинает стрелять, и этот звук заставляет меня вздрогнуть, но я не могу пошевелиться.

— Где она? — спрашиваю я наспех. — Настоящая Эмма?

Она делает несколько медленных вдохов.

— Я не знаю.

Сэмми кричит мне из машины.

— Проклятье, Эмма, — я трясую ее за руку. — Она по крайней мере жива? Скажи, что она жива!

— Я не знаю, — повторяет она. — Но это было слишком легко, быть ею... притворяться, что я тебя люблю. — Она откашливает небольшое количество крови. — Ее воспоминания... эмоции... Я ощущала их так ясно, как день.

Я отрываю ее пальцы от моих.

— Не думай, что ты знаешь ее. В тебе нет ничего от нее. Ты просто обманула нас, вот что ты сделала сегодня вечером.

— Но ты никогда... не подозревал меня, — говорит она между вздохами. — Ни разу. — Улыбается. — Может *ты* единственный... кто не знает ее.

И мне нечего сказать, потому что я боюсь, что это правда. Сначала Клон моего брата, а теперь и Эммы. Как я могу утверждать, что знаю этих людей, если я не способен почувствовать омерзительную неправильность в них?

Сэмми матерясь, как сумасшедший размахивает руками с места водителя. Я смотрю на Бо и Ксавье в снегу. Они даже не похоронят их достойно.

— Нет времени! — кричит Сэмми, и я знаю, что он прав.

Я отворачиваюсь от Эммы и бегу к машине.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БРИ ЗАБИРАЕТСЯ НА ПЕРЕДНЕЕ сиденье, а я сзади. Мы едва закрыли двери, когда Копии приблизились к свечению костра, Копия меня по-прежнему во главе них. Мы сматываемся, и он теряет нас. Кричит, орет, пинает снег. Его спина выгнута в гневе, руки раскинуты.

Он пугает меня. Он пугает меня больше, чем кто-либо, с чем я когда-нибудь сталкивался.

Он призывает других Копий преследовать нас. Бри высовывается в окно, стреляя по преследующим нас, идущих вслепую, без страха, не останавливаясь за нашей машиной. Земля скользкая от снега, но Сэмми, должно быть, едет достаточно быстро, потому что Бри садится обратно через мгновение. Несмотря на то, что слишком темно, чтобы толком увидеть что-нибудь, я плююсь на свои руки.

Как это случилось? Я не мог почувствовать, что что-то не так с Эммой и в результате Бо и Ксавье мертвы. Клиппер может быть тоже. Я видел кровь. Я знаю, что он долго не продержится.

А потом все это в одночасье сваливается на меня. Перед глазами встают разорванные Копии, и слышится запах их горячей плоти. Умершая Эмма, Исаак, мой отец. Вот Копия меня направляет ружье мне в грудь и режет шею Джексона и беснуется после нашего бегства на автомобиле. Как я могу быть основанием для всего этого? Почему Джексон был в состоянии бороться с его приказами, а Копия меня нет?

Я ударяю сидение передо мной, закрываю рот руками и кричу в них проклятья.

— Не сейчас, Грей, — говорит Бри сбоку. Я хочу наорать на нее из-за отсутствия ее эмоций. Я хочу обозвать ее бессердечной. Я хочу сказать ей, что она может быть Копией, что она такая же бездушная. Но потом она говорит:

— Позже... я обещаю тебе позже, но не сейчас, — и я понимаю, что она говорит именно те слова, которые я хочу услышать. Это не значит, что я не чувствую эти эмоции, я не могу позволить ими овладеть мной в данный момент.

— Клиппер, — говорю я, вздрагивая при звуке собственного голоса. Он дрожит, и я стараюсь изо всех сил успокоить его. — Я сожалею о том, что было раньше. Ты был прав, отправив тот сигнал бедствия Экспатам. Это единственная причина, почему сейчас мы живы.

Я не упоминаю о том, что я спешу извиниться, потому что я боюсь, что у меня не будет другого шанса, что он будет мертв, если я отложу это.

— Прав или нет... я до сих пор... наказан, — Клиппер с трудом дышит. — Шрапнелью в грудь.

— Мы отвезем тебя к врачу. Может быть в тот город, который ты заметил за Бургом. — Я сразу же хотел отправиться на запад, в сторону Экспатов, но Клиппер долго не протянет. — Куда мы теперь?

— Север, — хрипит он. — Едем на север.

И затем он теряет сознание.

Небо озаряется еще одним взрывом, и я клянусь, я слышу, как орут Копии, хотя мы слишком далеко, чтобы это было возможным. Бедро пульсирует, моя штанина стала тяжелой, впитавшая в себя много крови. Мне кажется, я начинаю терять чувство реальности.

— Мы приближаемся к выходу, — объявляет Сэмми. Я вижу как приближается Внешнее Кольцо в моем окне, но прежде чем я могу почувствовать даже малейшие волны облегчения, Сэмми ударяет по тормозам. Мы летим вперед.

— Сэмми! — кричит Бри. — Что за...

Но она не договаривает, потому что становится очевидным, почему Сэмми остановился. Препграда из света вырастает перед нами. Мы в ловушке. Снова.

Сэмми проклинает судьбу и небеса, и вероятности и ряд других вещей, ударяя при этом руль в ярости. Бри поворачивается ко мне лицом, и свет снаружи автомобиля так ярок, что я могу разглядеть достаточно близко выражение ее лица. Напряженность ее лба. Беспокойство в ее глазах. Страх в уголках губ.

— Что теперь? — спрашивает она.

Но темные фигуры уже подходят к машине, открывая двери. Они не трогают Клиппера, но вытаскивают Сэмми и Бри из передней части автомобиля, а потом сзади и Блика со мной. Я смотрю на то, какой сейчас белый снег. Насколько он свежий и идеальный, и чистый. Это точно конец. Если это будет Копия меня, тот, кто будет совершать расправу, я не хочу этого видеть.

Пара сапог появляется в поле моего зрения, но они не являются типичной моделью Ордена. Я смотрю вверх, пораженный.

Мужчина передо мной одет в толстые штаны, заправленные в сапоги, шерстяную шапку и перчатки, у которых пальцы на половину срезаны, хотя на улице мороз, он предпочел объемный свитер вместо пиджака. Выглядит он примерно возраста моего отца, и темная щетина покрывает его челюсти. Наряд женщины рядом с ним также имеет не соответствия с одеждой Ордена.

Я смотрю на машину позади них. Она выглядит примерно как вертолет Ордена, только немного более побитой. Эмблема на ее стороне знакома мне: синий круг с расположенным внутри красным треугольником, с бледной, неукрашенной звездой в центре.

Это они. ЭмВест. Люди, чьи предки начали Вторую Гражданскую Войну и выпустили вирус на миллионы невинных жизней. Люди, которые сегодня нашли причины, чтобы ответить на наш призыв о помощи, даже когда всего за несколько месяцев до этого я наблюдал их самолеты, атакующие Таем.

— Кто главный? — спрашивает мужчина. Его голос низок и скрипуч, будто он не часто им пользуется.

Я поднимаю руку, и он наклоняет голову на бок и оглядывает нас снова, что-то вроде любопытства и сомнения отражается на его лице.

Женщина указывает на нас ножом.

— Не похоже, что их много, Адам.

Мужчина, Адам, не отводя с нас взгляда, отвечает.

— Нас тоже.

Вдали произошел взрыв, и я растворился в этом моменте, прекрасно осознавая, что Копии все еще преследуют нас, что Клиппер истекает кровью в машине.

— Одному из нас нужен доктор, — когда я говорю это, мою ногу пронзает боль, и я понимаю, что и мне он тоже нужен.

Адам просто приподнимает брови:

— Сколько вас?

— Пять.

Он очерчивает небольшой круг в воздухе указательным пальцем.

— *Всех вас.*

— Мы потеряли четырех до этого, и еще нескольких в Заливе. Рассталась с еще одним перед отплытием.

Адам наклоняет подбородок, все еще чего-то ожидая, и я раскидываю руки в отчаянии.

— У меня мальчик при смерти в этой машине! Если у тебя есть еще вопросы, так спрашивай. У меня нет времени для игр, даже если вы спасли там наши задницы.

Адам улыбается на это: широкой, блестящей улыбкой, которая настолько белая, что сливается со снегом.

— Я имел в виду, что сказал: *Всех вас. Твоих людей. Сколько?*

Бри, кажется, понимает суть его вопроса, потому что она отвечает за меня.

— Последний раз, когда был подсчет по головам, нас было чуть более двух тысяч.

Адам поджимает губы, как бы пробуя число на вкус и находя его довольно любопытным. Что там говорил Исаак? *Если у вас есть хорошая информация — способы расшатывания ЭмИста — ЭмВест всегда готов поторговаться или заключить сделку.* Это может быть актуально в данный момент? Они ответили на наш сигнал бедствия только потому, что они думали, что мы могли бы быть полезными в их деле и теперь после подведения Адамом итогов о количестве Повстанцев, он понимает, что эти предположения верны?

— Кое-кто сказал нам, настоящими патриотами являются Экспаты, — говорю я, повторяя слова, которые я впервые услышал от Исаака.

Глаза Адама загораются.

— Я думал, мы могли бы работать вместе. Твои люди. Наши люди. У нас вместе было бы больше шансов на успех.

— Ты знаешь, — говорит Адам с небольшой ухмылкой. — У меня была та же мысль, когда мы решили ответить на ваш призыв.

Мы подходим друг к другу, и одним отрывистым рукопожатием я выражаю преданность Экспатам.

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ В НЕБОи меня сразу же начинает подташнивать. Я держу руку на иллюминаторе, наблюдая, как Бург исчезает из поля зрения. Он до сих пор наполнен взрывами света и хаосом. Я волнуюсь об остальной части людей Блика, размышляя, как они там держатся. По крайней мере, с помощью Экспатов у них есть шанс на выживание. Остальные еще сражаются в воздухе за Стеной, и как только мы взлетели, я услышал приказ Адама о продолжении сдерживания позиций, пока Орден не будет разбит.

Клиппер снова приходит в сознание, сжимая руку Сэмми рядом со мной. Он продолжает делать эти ужасные звуки, вздохи от боли, видимо настолько невыносимой, что я желаю, что бы бомба опять временно оглушила меня. Лицо мальчика выглядит безнадежным. Как будто он просто хочет, чтобы это закончилось.

Я прижимаю голову к окну и желаю, чтобы боль ушла. Боль в моей ноге, груди и разуме. Я начинаю дрейфовать между сознанием и небытием, реальность и сон перемешиваются.

Я вижу Клонированную версию Эммы в облаках, ее куртка вся в крови. *«Ты должен задаться вопросом о том дне, когда ты встретил Эмму с Кроу»*, — говорит она. — *«Была ли это действительно она? Или это была я? Жива ли вообще твоя Эмма?»* — Она слегка хихикает, и продолжает нараспев. — *«Я не скажу. Никогда. Ни за что»*.

Но я уже знаю. Я не хочу признавать это, но я знаю, что это была моя Эмма, настоящая Эмма в тот день в Таеме. Я был одет как Блейн, но когда она прикоснулась к моему лицу, она узнала меня. Она плакала, переполненная эмоциями. И я все испортил, не взяв ее с собой. Я даже уверен, что Франк видел это воссоединение — у него камеры везде. К тому времени, когда я вернулся за Эммой, он знал правду: что я был Греем, а не Блейном. Что я заберу ее с собой в Долину Расселин. Что он может отправить шпиона прямо в мои нетерпеливые, распростертые объятия.

«Ты такой умный», — поет Эмма среди облаков. — *«Только слишком поздно. Очень, очень поздно»*.

Голос Бри доносится издалека:

— Грей, держи глаза открытыми.

Но Эмма превращается в девушку из туннелей Бурга. *«Мои дети слишком маленькие, чтоб уме'еть»*, — говорит она. — *«Никто не п'осил тебя п'иводить Жнецов к нашей две'и»*.

Я моргаю и она уже Ксавье, с отчетливой дырой в черепе. *«Ты оттолкнул Эмму слишком сильно. Ты не думал, что она сделает это, и теперь смотри. Смотри!»*

Но я не могу, и когда я не смотрю, появляется Джексон с рваной раной поперек шеи. — *«Ты союзник»* — И Бо говорит: *«Я, наконец, высвободился, наконец-то стал свободен. Но все не должно было так закончиться»*.

Мир сжимается, сокращается, словно я вошел в тоннель. Рука Бри в моей руке. Я чувствую ее пальцы, в милях от меня, но сжимающие мои. Никаких слов, просто обнадеживающее пожатие. Мое зрение слегка восстанавливается, когда вертолет приземляется.

Как-то я оказываюсь вне машины, рука обернута вокруг шеи Бри. Мы двигаемся, но она делает большую часть работы. Впереди находится приземистое здание белого цвета. И женщина с темно-рыжими локонами бежит нас встречать.

Земля движется подо мной. Это происходит медленно, будто замирает время. Я

поворачиваюсь к Бри, потому что хочу предупредить ее о том, что грядет, но я успеваю произнести только ее имя, прежде чем падаю в снег.

Я просыпаюсь в чужой постели, испытывая жажду и совершенно истощенный. Бри спит в кресле рядом со мной, одна рука лежит на матрасе возле меня, почти как если бы наши пальцы были сплетены, прежде чем она задремала.

Осмотрев помещение, понимаю, что мы в обыкновенном доме. Стены в спальне цвета грязного персика, на окнах шторы настолько тонкие, что первые лучи зари просвечиваются сквозь них. Рядом с кроватью находится тумбочка, стакан воды стоит на ее изношенной поверхности. Я беру воду и делаю несколько глотков. Жидкость попадает в мой желудок, который был пуст слишком долго.

Стиснув зубы, я сажусь и отодвигаю простыни. Моя штанина высоко отрезана со стороны моего раненого бедра, рану обработали и перевязали. Я поднимаюсь с кровати. Переносить вес на ноги не особо приятно, но я справляюсь.

До тех пор пока я не встаю, готовый к новой волне боли, я не замечаю, какой маленькой и беззащитной выглядит Бри. Я до этого не видел ее спящей, не в такой ясности, и теперь, когда утренний свет проливается на нее, все, что я могу видеть — это спокойная, умиротворенная девушка, с таким выражением лица, которое я обычно у нее не вижу. Лоб гладкий, поскольку она не хмурится и не морщится. Ее брови выглядят элегантно, ее губы изящны. Все в ней становится мягче, когда она во сне. У меня такое впечатление, как будто я засвидетельствовал какую-то большую тайну, увидев ее нежную сторону, которую она никогда не показывает миру.

Она вздрагивает, делая маленький, крошечный вздох. Она собирается проснуться с ужасной болью в шее, если она останется в кресле, так что я поднимаю ее и переносу на кровать.

— Грей? — бормочет она. Она все еще спит, и мое имя произносится с оттенком паники, как будто ей снится кошмар. Она даже сейчас хмурится.

— Я здесь, — говорю я ей. — Я здесь и все хорошо.

Ее губы дергаются в улыбке, и ее лицо становится как прежде, будто сон стал спокойнее.

И в этот момент я забываю все, что она сказала мне под Бургом, потому что это то, чего я хочу: заставить ее страхи исчезнуть. Успокоить ее и просто быть рядом, когда она нуждается во мне. Всегда.

Я наблюдаю, как несколько белокурых прядей волос трепещут вместе с ритмом дыхания Бри. Я знаю, что я должен найти команду, но все, что я хочу сделать, это забраться в кровать. Я хочу заснуть, прижимая спину Бри к своей груди и обнимать ее своей рукой вокруг талии, потому что если мы будем вместе, то мы будем в порядке. Я знаю ее всего пять месяцев, но у меня такое впечатление, что намного больше. Я пропустил, когда она стала моей второй половинкой, и теперь мысль о преодолении шторма, бушующего вокруг нас, кажется даже невозможной, если мне придется делать это в одиночку. Честно говоря, мысль о том, чтобы ничего не бояться без нее кажется совершенно абсурдной.

Она была права. Насчет нас. Насчет того факт, что я боролся с этим. Почему она всегда должна быть права?

Я положил руку на ее плечо, но я не бужу ее. Я не знаю, как даже начать извиняться. *Я был неправ во всем... Я действительно нуждаюсь в тебе, в нас, в огне, в том, чтобы быть напуганным и поставленным под сомнения, и быть отвергнутым... Я был неправ, и я*

сожалею.

Ничего из этого не кажется достаточным.

Поэтому я целую ее в лоб, подтягиваю одеяло до ее подбородка и ухожу, чтобы найти остальных.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЭМВЕСТАждет, когда я выйду в коридор. Она представляется как Хайди и рассказывает мне, что раны Клиппера были обработаны, и что он и остальная часть команды еще спят. Я спрашиваю, могу ли я увидеть их, но она настаивает на том, что вначале Адам должен поговорить. Когда я настаиваю на своем, она бросает мне слова типа: «срочно» и «обязательно», так что я, скрепя сердце, следую за ней.

Мы проходим через гостиную, заваленную книгами и заставленную мягкими диванами, кухню, которая пахнет теплым хлебом и супом, и спускаемся вниз по лестнице, прежде чем, наконец, приходим в большую комнату без окон. Она заставлена компьютерами и дисплеями и другими устройствами, с которыми, я уверен, Клиппер знает как обращаться с завязанными глазами. Адам стоит в центре комнаты спиной к нам и разговаривает с женщиной, которая, как я помню, бежала к нам, встречая вертолет, прежде чем я вырубился вчера вечером. Ее волосы связаны сзади, и ее покрытые веснушками щеки покраснелись.

— Сильвия, — говорит Хайди женщине. Это своего рода облегчение, потому что Сильвия уходит, сопровождаемая Хайди, и остаемся только мы с Адамом.

Он сидит в кресле, пьет из стакана, стоящего на столе, а потом откидывается, заложив руки за голову.

— Как нога, Грей?

— Откуда ты знаешь мое...

— Бри сказала нам. Потом начала приказывать нам, будто она владеет этим местом, убедилась, что ты и Клиппер были осмотрены, потребовала еды и питья для вашей команды. — Его брови метнулись вверх. — Вот это девушка.

Я улыбаюсь, чувствуя гордость Бри и за Бри.

— Я никогда не благодарил тебя за твою помощь, — говорю я. — Раньше, с Орден. И здесь. Где бы это «здесь» ни было.

— Я должен поблагодарить тебя за то, что вы послали сигнал настолько же, насколько ты мне должен за ответ на него. От того, что произошло в Бурге, выиграли мы оба. Что касается состояния команды, это надо благодарить Сильвию и ее мужа. Они управляют этим убежищем.

Я слежу за дисплеем на стене позади него. *Убежище*. Дом начиненный всем понемножку — медикаментами, компьютерами, дополнительными кроватями для Экспатов в случае необходимости.

— Как все обернулось в Бурге?

Лицо Адама застывает.

— Я сказал своим пилотам ликвидировать Орден любой ценой, и результаты были не очень приятными. Я не знал, что там были мирные жители, воюющие на земле или живущие под этими зданиям. Нам только удалось сохранить около половины из них.

Я не успеваю спрятать выражение ужаса на своем лице.

— Но Орден был уничтожен, и мы подчистили все, прежде чем прибыли дополнительные силы, — говорит Адам. — Плюс оставшиеся в живых жители Бурга были сопровождены на запад в убежища Экспатов. Это очко в мою пользу.

— Но все те люди. Мертвы. Потому что я позвал вас. Потому что мы...

— Человек может сойти с ума, думая об этом и о жертвах, которые он должен понести в

таких боях. Кроме этого, ты считаешь, что все члены Ордена, которых мои люди убили в процессе сохранения ваших жизней, заслуживали смерти? Возможно ли, что некоторые из них были ослеплены Франком? Думая, что они вершат добро? Готовые измениться, если бы им было указано на их ошибки? Все возможно, но я отдал приказ ликвидировать их, не задавая вопросов.

Я подтягиваю стул и присоединяюсь к Адаму, потому что думаю о том, что Бург уничтожен, и о том, столько людей погибло, да и мои ноги устали.

— Люди — сложные существа, — добавляет Адам. — Мы не полностью плохие и не полностью хорошие. У нас много граней. Много, много оттенков. Тебе ли это не знать, Грей, с таким-то именем.

И я знаю. Практически все, кого я встретил за последние несколько недель, были напичканы комплексом мотивов: Джексон, Титус, Блик. Не говоря о том, что я сам большое противоречие из всех. Я убил версию собственного брата, чтобы спасти ту, кто я думал, была Эммой. Я использовал в своих интересах отношения с Бри, в надежде на восстановление отношений детства. Я смотрел на Джексона как на недочеловека, потому что я считал его опасным, и я оставил так много людей в Бурге умирать. Я отбросил сотни жизней, чтобы спасти небольшую группу, которую я знал.

— Большие жертвы, вероятно, будут принесены в процессе, но все можно исправить, убрав Франка от власти — *это деяние*, которое должно произойти, — говорит Адам. — Как насчет того, чтобы мне связаться с вашим лидером на востоке?

Даже со всем оборудованием, наполнявшим комнату, я знаю только один способ связаться с Долиной Расселин.

— Я не могу этого сделать. Но, возможно, Клиппер может.

— Я думал, что дело может быть в этом.

Сразу после появляется Хайди с Клиппером на буксире. Его раненая рука висит на перевязи, плечо забинтовано. Он медленно заходит в комнату, прежде глядя на оборудование чем, наконец, находя зрительный контакт со мной.

— Что происходит?

— Ты свяжешь нас с Райдером, — говорю я.

Он улыбается, тянет стул к одному из компьютеров, и попадает в свою стихию.

Видеть лицо Райдера, появившееся на дисплее, понимая, что Долина Расселин все еще существует — это огромное облегчение.

Я даю Райдеру короткую сводку о текущем состоянии нашей команды. Несмотря на предательство Эммы, Райдер замечает, что не было замечено увеличения активности Ордена в лесу, как и ее уменьшения, все было как обычно. Большинство электронного оборудования Долины Расселин могло породить магнитные поля, создающие помехи отслеживающему маячку Эммы, и Райдер подтвердил, что Харви установил некоторые приборы, глушащие сигнал на расстоянии — недалеко от центра допросов — как дополнительные меры безопасности. Я улыбаюсь, вспоминая, как однажды Бри говорила мне что-то насчет того, что Повстанцы имеют защиту, даже если ее нельзя увидеть.

— Я хочу поговорить с Адамом, — говорит Райдер. — Наедине.

Я понимаю, что спор будет бесполезным, так что я выхожу в коридор.

— Что там происходит? — спрашивает Клиппер.

Я съезжаю на пол напротив него, оперевшись спиной на стенку.

— Хотел бы я знать. Как твоя рука?

Он пожимает плечами.

— Сильвия говорит, что часть металла останется во мне на всю жизнь, но я буду в порядке.

Я хочу сказать ему, что то, что он сделал это хорошо и я горжусь им, но это все звучит так неубедительно в моей голове.

— Я думал о той Копии Эммы, — говорит он. — Она так искренне заботилась об Эйдене. Расти, казалось бы, никогда не подозревал ее, как Джексона или Блейна. Она даже боялась тех двоих, точно так же как мы, и когда она раскрыла их, она промолчала об этом. Она *сдала их* только тогда, когда это было для нее наиболее выгодно. Это как будто бы она была на другом уровне. Как будто она была одной из тех более новых моделей... как твоя Копия.

— Она и была. Она сказала мне это прямо перед тем, как застрелила Ксавье. Я замолкаю на мгновение, уставившись на свои ноги. — Это пугает меня, насколько убедительными были эти более новые модели. И что с ними нельзя договориться. Это все меняет, не так ли?

— Да, — говорит Клиппер. — И нет. Мы просто станем более бдительными. Будем доверять нашим инстинктам. Работать вместе. Это то, что бы сделал Харви.

— Так сколько тебе лет, скажи еще раз?

Он расплывается в широкой улыбке, в которой обнажаются его зубы — непослушной и гордой — он на самом деле выглядит на свой возраст. Внезапно улыбка исчезает, замененная выражением ужаса.

— Харви тестировал всех, кто входил в Долину Расселин, но Эмма была первой, кто прибыл после его смерти и я только вытащил жучок, — говорит он. — В определенном смысле, это все моя ошибка.

— Ты не можешь так считать. Это *ничья* ошибка. Я привел ее назад, в конце концов.

Он смотрит на лестничную клетку, выглядя не убежденным.

— Зови меня, если им понадобится что-нибудь еще, о'кей? Я устал.

Я киваю и он уходит, забирая свою вину с собой. Приглушенные голоса все еще продолжают беседу из-за двери. А я просто сижу здесь. Жду. Неосведомленный.

Как мог Райдер вот так вышвырнуть меня с совещания? Быть столь сфокусированным на делах и союзах? Он даже не вздрогнул, когда я упомянул что мой отец, Бо, Ксавье умерли. Я внезапно задаюсь вопросом, а что если Райдер оцепенел от шока. Он и Бо были лучшими друзьями — практически братьями.

И затем в моей груди вспыхивает осознание того, что если Адам разговаривает с Райдером, находящимся в Долине Расселин, то я могу поговорить с Блейном. Все остальное становится неважным. Я вскакиваю на ноги. Дверь распаивается перед тем как я до нее добираюсь и Адам выходит в коридор.

— Он снова хочет поговорить с тобой.

Я проскальзываю мимо него. Райдер все еще на дисплее, трет свои глаза, как будто он отчаянно нуждается во сне. Я не заморачиваюсь с приветствиями.

— Блейн там? Могу я с ним поговорить?

Райдер поднимает взгляд и вздыхает.

— Это не самое важное сейчас.

— Не важное? — перебиваю я.

— Грей...

— Нет. Не смей мне указывать, что важно когда я прошел пешком через эту чертову страну только чтобы потерять половину людей, которых я люблю. Мой отец мертв, Райдер. Он мертв! Бо и Ксавье тоже. О, и Эмма? Я даже не представляю, жива ли она, и это даже хуже чем альтернатива. Так что извини меня за желание поговорить с моим братом. Я так сожалею, что я не сфокусирован на правильных вещах после этой глупой, провальной миссии!

Я хочу, чтобы он заорал в ответ, накричал на меня, но у него хватает нервов, чтобы спокойно положить руки на стол и сказать:

— Мы можем поговорить насчет твоего брата позже. Прямо сейчас, нам надо обсудить новый союз.

— Черт тебя побери, Райдер. Я просто хочу увидеть Блейна. Я... — Все кажется разрушенным. Так много людей умерло, и я здесь, отделенный от Блейна, чувствую себя потерянным, болезненным. — Как это произошло? — бормочу я. — Этого не должно было случиться со мной.

— А ты думаешь, что я хотел, чтобы это стало моей жизнью? — *Теперь* он решил заорать. Не тогда, когда я хотел этого, а сейчас. — Я не обходился без охраны с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать! Мои лучшие друзья теперь мертвы. Я потерял одного из лучших капитанов, которого я имел под своим командованием. Это ужасно? Да. Это больно? Хуже, чем я даже смог бы описать. Но я распрямляю плечи, держу голову высоко, и двигаюсь дальше. Двигаться вперед единственный вариант.

Теперь я уставился на него, потому что я не могу отбросить чувства в сторону, как он мне предлагает. Я не действую таким образом. Я не знаю, как существовать, если я не чувствую.

— Вот что ты собираешься делать, — продолжает он. — Ты собираешься потерять время, чтобы оплакать тех, кого ты потерял, и после этого ты поймешь, что эта миссия была напрасной. Посмотри, чего ты добился. Ты спас Блика от жизни под землей и люди Адама освободили половину его народа. Ты встретил Копию, которая боролась против своего программирования — гнула свою волю, чтобы помочь вам! Прежде всего, ты дал нам лучшее преимущество за годы: союзника. Адам заверил меня, что Экспаты будут посрамлены нашим числом, и что вместе мы будем непобедимы.

Я вижу логику в его словах, но расплата за процесс обретения этих активов, кажется несправедливо высокой.

— Теперь что касается этого союза, — продолжает Райдер, — я посылаю капитана, чтобы он помог присмотреть за делами, происходящими на Западе. Элия встретится с Адамом на нейтральной территории — примерно в трех часах к северу от Долины Расселин — и он должен прибыть к тебе край завтра вечером.

— И Блейн, — говорю я. — Отправь и Блейна тоже.

— Это не было частью нашего соглашения.

Я ударяю руками по столу.

— Мне все равно, Райдер. Просто отправь его!

Как по команде, слышится звук открывания двери за Райдером, и появляется Блейн, выступающий извне поля зрения.

— Это правда? Я слышал, ты связался с ними! — А потом он спотыкается, толкая Райдера, который пытается его удержать. — Грей!

Он руками проводит по волосам, словно он не может поверить в то, что видит, и я не

знаю, как я раньше ошибочно принимал Копию за него. Это Блейн, такой реальный и живой, я чувствую это, хотя он только на экране. Райдер указывает в сторону двери, прося Блейна выйти, но Блейн придвигает стул.

— Ты выглядишь ужасно, — говорит он, усаживаясь.

— Спасибо?

Он смеется, и я не могу не засмеяться тоже. Это заполняет пустое пространство внутри меня.

— Я приеду, — заявляет Блейн. Он говорит это так уверенно, словно думает, что он только моргнув, окажется рядом со мной.

— Нет, не приедешь, — говорит Райдер.

— Райдер, я поеду и на этом точка. Я сидел здесь, когда Грей отправился в Таем, чтобы достать вакцину, и это почти убило меня. Я провел последний месяц, волнуясь без перерыва и грызя ногти, пока он пересекал всю страну. Ты продолжаешь разделять нас снова и снова, и я просто собираюсь отправиться туда. Ты знаешь, я могу сделать это. Со мной сейчас все хорошо.

У меня нет слов. Я не думаю, что я когда-либо видел, как Блейн был так сильно с кем-то не согласен. Райдер открывает рот и закрывает его.

— Ладно, — говорит он, наконец. — Вы оба такие же упрямые, как ваш отец.

Я просиял, потому что эти слова были лучше всякого комплимента, и Блейн щедро поблагодарил Райдера.

— Грей, убедись, что Элия сможет войти в контакт со мной, когда вы все поселились там, — говорит Райдер. — До тех пор, я уверен у тебя есть дела, к которым надо проявить внимание.

Он встает и выходит из кадра. Я слышу, как после этого закрылась дверь, и я остаюсь с братом наедине. Все, что я хотел, это повидать его, а теперь даже этого не достаточно. Завтра, кажется, очень далеко.

— Па умер, — выпаливаю я.

— Что?

— Он бросился под пулю. Чтобы спасти меня. И... это долгая история. Я все тебе расскажу, когда ты будешь здесь. Обещаю. Я просто не мог скрывать это от тебя и мне жаль, что так случилось.

— Ты не виноват.

— Все так говорят.

Теперь он делает одно из своих лиц старшего брата, что-то похожее на родительскую заботу, смешанную с симпатией.

— Ты в порядке, и это то, что имеет значение.

— Он тоже был важен, Блейн.

— Я не говорю обратного. Просто ты значишь больше.

Я качаю головой. Блейн всегда так делает: взвешивает результаты, как будто каждая частичка жизни является более или менее важной, чем другая. Я не думаю, что он понимает, что это никоим образом не облегчает мою жизнь и не делает принятие смерти нашего отца намного легче.

Когда я смотрю вверх, рука Блейна покоится на дисплее, как будто он хочет взять меня за плечо и забыть, что мы находимся на противоположных концах страны.

— Я скоро увижу тебя, Грей, — говорит он. — Обещаю.

— Если я чему и научился за эти последние недели, так это то, что не надо давать никаких обещаний. Никогда. Ничего такого, чего ты не сможешь гарантировать.

Он улыбается.

— О, я гарантирую это. Теперь для меня нет ничего более важного, как добраться до тебя. Ты для меня на первом месте. Всегда.

Такое чувство, будто у нас уже был этот разговор, но я не могу не повторить его заключительное слово.

— Всегда.

Я СОБИРАЮ КОМАНДУ чтобы мы могли нормально попрощаться с покинувшими нас. Это происходит морозным, ясным днем, небо такое жизнерадостно синее, что я клянусь, оно просто издевается над нами.

Мы идем на задний двор и встаем полукругом вокруг небольшого костра, ветер бьет нам в спину. Я расчищаю снег и подкидываю дрова в костер. Сэмми говорит несколько слов точно так же, как он делал это в Стоунуолле. Похороны должны дать мне чувство облегчения, помочь мне двигаться дальше, но я просто чувствую себя еще больше виноватым и опустошенным, и недостойным жизни. Я сделал это, не они. Это то, что убивает меня больше всего, но это как со смертью: ее не волнует, заслуживаете ли вы встретиться с ней или нет. Она приходит сама по себе, и забирает жизнь без учета того, как оставшиеся в живых будут себя чувствовать. Смерть — это алчная, эгоистичная штука.

Сэмми завершает обряд и Блик с Клиппером и Бри уходят в дом, дрожа от холода.

— Ты собираешься остаться тут на некоторое время? — спрашивает Сэмми.

Я пялюсь на огонь. Мои ноги, подобно корням, внезапно врастают в землю.

— Скорее всего.

— Отлично. Я скоро вернусь.

Когда он возвращается, он сжимает в руках почти пустой стеклянный кувшин, от его ходьбы в нем плещется янтарная жидкость. Он делает большой глоток и передает его мне.

— Стащил его из кухонной кладовки.

Я пью, и алкоголь обжигает меня — здравствуй безумие. Мы несколько раз передаем кувшин друг другу, наблюдая за костром, как будто он делает что-то интересное.

— Я любил ее, — наконец произносит Сэмми. Я никогда раньше не слышал, чтобы он произносил эти три слова с большей искренностью.

— Я знаю, — говорю я, потому что я подозревал это некоторое время.

Он, кажется, поражен моим ответом и закашливается от алкоголя.

— В этом было что-нибудь подобное ей или я попался на иллюзию?

— Сэмми, в этой Копии было так много от Эммы и это пугает меня. Это была ее личность и ее голос, и ее манеры. Я имею в виду, она обманула меня, а я рос с ней.

Мы оба делаем несколько глотков из кувшина.

— Я надеюсь, что она в порядке, — говорит он. — Я не могу потерять их обеих. Боже, я не могу. — Его глаза становятся блестящими, и я понимаю, что он скорбит не только об Эмме, но и о Ксавье тоже. Они были лучшими друзьями, всегда ходили вместе по Долине Расселин как будто они были тенью друг друга. И Сэмми наблюдал, как его друг умер от рук, которые как он думал, он любит. Он возможно так же сам не свой из-за Эммы, как и я.

— Она все еще должна быть жива, — говорю ему я, потому что альтернатива невысказана. — Мы как-нибудь найдем ее. Я должен найти ее.

— Я чувствую то же самое. Но только вот... — Он делает глубокий вздох и смотрит прямо на меня. — Ты ее не достоин, Грей. Не достоин, потому что она для тебя пустое место, и к тому же так чертовски очевидно, что Нокс является единственной, кто тебя волнует.

— Я знаю, — повторяю я снова. Где-то глубоко внутри, я думаю, я знаю.

— Да ладно? — Сэмми смотрит в замешательстве. — Я был уверен, что ты будешь

злиться на меня за эти слова.

— На прошлой неделе я бы так и сделал. Или даже вчера. Но сейчас я знаю, что все уже знают, то Бри пытается мне сказать уже очень давно. — Он все равно выглядит не убежденным. — Сэмми, я любил Эмму лет с шести. Это своего рода трудно признать, что можно полюбить кого-то другого намного больше, чем того, кого любил всю жизнь.

Он кивает в знак согласия, уставившись на огонь.

Мы продолжаем пить и боль от печали постепенно отпускает. Мне становится тепло, не смотря на заходящее солнце. Мы больше не разговариваем. Нам это не нужно. Возможно, мы сейчас друзья по несчастью. Я не уверен, настоящая ли это дружба, или что-то навязанное нам пережитыми событиями. Может быть, детали не имеют значения. Может, в этом и есть дружба.

Через некоторое время нас зовут из дома на ужин, да и кувшин уже пуст.

Стряпня Сильвии — это лучшая еда, которую мы когда-либо ели — что-то вроде мясного рагу со свежеспеченным хлебом. Моя голова гудит, телу жарко. Я думаю, Сэмми чувствует то же самое. Мы не настроены воинственно, но мы продолжаем смеяться над вещами, которые не очень то и забавны, и работать нашими ложками. Сильвия очень раздражается, и я начинаю чувствовать себя плохо из-за этого. Она позаботилась о наших ранах и дала нам кров, и согласилась держать нас под своей крышей до тех пор, пока Адам не вернется с Элией и Блейном. Поэтому я прошу прощения за грубость, только бы Сэмми не сказал ей, что мы вообще не грубили. Я опрокидываю свою тарелку, пытаюсь ударить его по руке.

— Черт, мне так жаль, — говорю я, собирая пролитое.

— Я уберу это, — говорит Сильвия. — Просто остановись. У меня все под контролем.

— Нет, я помогу. — Я задеваю миску Сэмми, когда пытаюсь прибраться быстрее ее. Еще больше рагу разливается на стол.

— Почему ты просто не простишь себя? — резко задает она вопрос.

Все за столом уставились на меня, и я предусмотрительно не лезу в бочку. Я встаю, и ухожу. У меня нет намерения лечь спать, но когда я ложусь на кровать, тяжесть последних нескольких дней внезапно становится невыносимой.

Я просыпаюсь от стука в мою дверь.

Теперь я замерз, приятный гул от алкоголя заменился чувством вины и сожаления и вещами, которые я хотел бы по возможности изменить. Снаружи темно, до восхода солнца еще несколько часов. Я не мог долго спать.

Очередной стук, в этот раз менее терпеливый.

— Входите.

Бри входит и швыряет что-то на мою кровать.

— Я порылась в вещах и нашла вот это в сумке Оуэна. Я подумала что ты, возможно, захочешь это.

Мои пальцы смыкаются на рукоятке маленького ножа обернутого в кожу. Я вынимаю его из чехла. Пара опилок падает на мое колено и воспоминания о деревянной утке, с которой мы с Блейном играли детьми, ошеломляют меня. Это был подарок нашего отца, сделанный его руками этим самым ножом. «Везерсби» вырезано на рукоятке.

У меня перехватывает дыхание, когда я выдыхаю, и я застаеваю между желанием рассмеяться и необходимостью плакать. Я смотрю на Бри, и не могу заставить свой рот произнести *спасибо*, но она все равно, должно быть, поняла меня, потому что она говорит:

— Не стоит благодарности.

Мои глаза следят за ней. Изгиб ее бровей, ее изящная шея, форма ключицы, которая была скрыта под громоздкими одеяниями, похоже, по жизни. Бри поворачивается, намереваясь уйти, и я хватаю ее за запястья и тяну к себе.

Она нахмуривается.

— Мне нужно идти, сейчас.

— Нет тебе не нужно.

— Да. Мне нужно. — Она высвобождается с моих объятий.

Я привстаю, свешивая ноги с матраса.

— Бри, я был не прав. Насчет нас. Насчет всего. Я должен был...

— Я не твой утешительный приз, — огрызается она.

Я не сразу осознаю, что она имеет в виду.

— Нет. Это не то, о чем ты подумала. Мне всегда была нужна... Я просто... Я думал... — Но я знаю, что я несу околесицу. Я все еще полусонный и взволнованный от возврата мне ножа Оуэна, страдающий от того, как сильно мне нужно затащить Бри в мою постель, раздеть ее и дотронуться до нее везде и своими губами сказать ей все, что я недавно понял и что в данный момент мне так плохо удается выразить.

— Грей, ты сказал мне, что ты нуждаешься *в ней* больше, чем *во мне*. Это то, что ты подразумевал той ночью на пляже. Так что же случится, когда ты увидишь ее снова? Ее настоящую? Что тогда? — Она складывает руки на груди. — Если тебе было недостаточно меня раньше, я не понимаю, почему что-то может измениться сейчас.

Она направляется в коридор и я зазевавшись, выхожу за ней, все еще пытаюсь осознать ее слова.

— Но вместе мы сильнее, — говорю я. — Мы оба знаем это.

Она останавливается возле дверного прохода.

— Да. Мы сильнее.

— Так в чем проблема?

— *Проблема* в том, что я тебе сказала то, что никому больше не говорила. Я позволила тебе приблизиться ко мне. Я перестала держать оборону и позволила себе открыться. Я доверилась тебе, чтобы не разрушить то, что у нас было, и затем я почувствовала себя такой уязвимой, такой незащищенной, такой инородной в своем теле, что я не могла думать трезво. Я все еще чувствую себя таким образом, и, Грей, я это ненавижу! Я ненавижу, что ты можешь сделать меня такой слабой.

Так *вот*, что она имела в виду, когда говорила о слабости в Бурге. Я думаю, что теперь я понял ее, потому что часть меня так привязалась к ней, что она тоже заставила меня почувствовать себя слабым. Слабым, когда ее нет рядом. Менее сильным, чем когда мы вместе. Я хочу сказать ей это, но выразить это словами мне кажется слишком сложно.

Она открывает дверь.

— Не уходи, — все, что я умудряюсь сказать. — Пожалуйста?

Но Бри качает своей головой.

— Я уже отдала тебе все, Грей, и я не сделаю этого снова. Я ставлю себя на первое место.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

УЖЕ НАСТАЕТ ПОЛДЕНЬ, КОГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ Адам.

Наше снаряжение собрано — команда находится в тревожном состоянии. Я сижу на своей кровати, затачивая нож Оуэна, и обдумываю наш разговор с Бри, когда слышу приближающийся вертолет. Я вставляю нож в ножны и несусь из комнаты.

Адам выпрыгивает из машины, когда я выскакиваю наружу. Элия выходит следующий, и, наконец, появляется Блейн. У него на плече беззаботно болтается сумка, и он так широко улыбается, что означает, насколько я помню, что он счастлив. Мы друг друга пинаем — наше приветствие эта серия игривых толчков, которые прерываются в тот момент, когда один из нас срывается и заключает другого в объятия.

Это мой брат. Это то, что я должен был почувствовать в тот день в Стоунуолле: абсолютная легкость и уверенность. Я до сих пор не понимаю, как я был одурачен Копией даже в этих коротких моментах.

— Надеюсь, это не слишком много для тебя, — шучу я, толкая его. — Учитывая твоё нестабильное, выздоравливающее состояние и все такое.

Он отпихивает меня.

— Я снова как огурчик. Может даже мне удастся обогнать тебя, если ты не следишь за собой.

— Я в этом не сомневаюсь. Я получил ножом в ногу две ночи назад.

Эта новость, похоже, пугает его, и никогда не упуская шанса сыграть в старшего брата, его лицо переполняется беспокойством.

— У тебя все в порядке?

— Ага. Моя нога наименьшая из моих забот.

— Есть что-то, о чем ты хочешь поговорить?

Бри выходит наружу с остальными, неся оставшиеся припасы. Она бросает на меня сердитый взгляд, и я оборачиваюсь к Блейну.

— Возможно позже.

Он подмигивает, как будто он уже знает все, что я собирался сказать, и затем двигается, чтобы поздороваться с остальными участниками команды. Пока Адам и Хайди благодарят Сильвию за ее помощь, я помогаю Элии загрузить в вертолет наше снаряжение.

— Новый год, новое начало, — говорит он после того, как мы пожимаем руки в знак приветствия.

Я останавливаюсь, пытаюсь возобновить в памяти когда мы вылетели из Бурга и число дней прошедших с того времени.

— Сегодня первое января, — уточняет Элия. — В этом году все поменяется. Я чувствую это.

Новый год. Который должен был стать 48 годом в Клейсуге. Год, в котором меня должны были похитить. Год, в котором я бы вырослел в страхе из-за того, что мне исполнится восемнадцать. Но нет же, этим летом мне будет девятнадцать. Это как будто бы я моргнул и пропустил двенадцать месяцев моей собственной жизни.

Я немного загрузился от этого всего. Вот мы снова направляемся на запад, отходя еще дальше от того, за что мы должны бороться. Но мне нужно верить, что Райдер и Адам знают, что делают. Очевидно, мне нельзя доверять что-то существенное. Ни миссии, ни жизни, ни

человеческие сердца.

Я глянул на Бри. Сэмми чем-то ее достает. По сути, с этого утра он вернулся к своей насмешливости. Я думаю, что это похоже на некую броню, которую он решил надеть, пока он не оправится от шока последних дней. После нескольких сальных словечек, Бри наконец-то огрызается на него.

— Ты знаешь, что я могу тебя отделать, так что не трогай меня.

— Оу, ты просто ищешь предлог для драки, — отвечает он. — Я не виню тебя, правда. Девочки не могу держать свои руки при себе при виде меня.

Бри закатывает глаза, и я желаю оказаться на месте Сэмми. Она раньше также смотрела на меня. У нас раньше не было ничего кроме игривого стеба и насмешек. Нам раньше было легко. Но больше я не хочу эту легкость, я хочу от нее все. До последней капли. Даже ту ее часть, которая меня пугает.

Бри ловит мой взгляд, наблюдающий за ней, и ее рот дергается, превращаясь в крошечную ухмылку. Она быстро отводит взгляд в сторону, но в нем был блеск, озорной, а не враждебный, и это заставляет меня думать, я могу исправить наши отношения, если я очень сильно постараюсь.

Я слышу звуки шагов по снегу, и Адам внезапно появляется с моей стороны, бросая оставшиеся вещи в машину.

— А что сейчас произойдет? — спрашиваю я его.

— Детали знает Элия.

— А мне не положено ничего знать?

— Думаю, многое зависит от этого. Иногда, когда человек знает детали дела, это не намеренно ставит операцию под угрозу.

Я бы мог кивнуть и не копать в этом. Это было бы достаточно легко, и я не уверен, что я гожусь для такого рода вещей: знать специфику, быть доверенным в миссии и в важных вещах. Но я думаю о своем отце, как он сказал мне, что я сильнее, чем большинство, и я чувствую, что я должен сделать это: участвовать, *быть* вовлеченным. Я в долгу перед ним.

Так что я смотрю на Адама и говорю:

— Нет, скажи мне. Я хочу знать.

— Мы будем лететь около часа до заправочной станции. Затем мы отправимся в Пайк. — Его брови быстро поднимаются. — Франк, в конце концов, не единственный, у кого есть город под куполом.

Сэмми и Сентябрь рассказывали, что куполообразные города возникли вокруг страны перед Войной и разделили землю надвое. Не должно было сюрпризом узнать, что у ЭмВеста имеется такой город, или что Адам и его Экспаты искали убежища под куполом, но меня все равно эта новость застала врасплох.

— Океан от нас по правую сторону, — добавляет Адам. — Настоящий *океан*. Вмещающий в себя тот залив, по которому вы плыли к вашим неприятностям.

Я немедленно хочу увидеть это.

— Я думаю, что вам это понравится. Когда солнце вечером освещает воду, все становится оранжевым. Но летом лучше всего: теплые ветра, спокойные вечера, гагары, которых можно услышать за милю.

— Гагары? — спрашиваю я. — Как птички?

— Они и есть.

Адам перелезает в переднюю часть вертолета, а я залезаю назад. Я занимаю место

рядом с Блейном, но я не присоединяюсь к нему, когда он занят беседой с Сэмми. Я смотрю на Бри, которая сидит напротив меня с другими, смотря назад. Я думаю о том, что доверие — такая хрупкая штука, но поддающаяся восстановлению, и о том, что гагары иногда разделяются, но потом они кричат и кричат, и не унимаются, пока один не услышит другого. Они всегда вместе, две половинки становятся единым целым.

Я складываю ладоши вместе, пытаюсь воспроизвести звук. У меня не получается.

Но у Бри получается.

Жуткий крик заполняет пространство между нами, красивый и обнадеживающий, но в тоже время заунывный. Звук мгновенно тонет в реве вертолета, но мы с Бри делимся небольшими поминающими улыбками, когда отправляемся в неопределенность в пасмурное небо.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я думала, что писать об этом во второй раз будет легче, чем во время моего дебюта, но я ошибалась. (Оказывается, все продолжения — это проблема.)

Много времени, внимания и заботы требуется, чтобы выпустить книгу в мир, и в то же время мое имя на обложке «Замершего» и небольшая армия, связанная с этой книгой, сделала ее выход возможным.

В первую очередь это прекрасный коллектив HarperTeen/Дети Харпер-Коллинс. Мой редактор, Эрика Суссман, которая продолжает задавать правильные вопросы — иногда такие вопросы, которые я не хочу слышать, но всегда те, которые делают историю сильнее и после которых, я засучиваю рукава и начинаю работать. Эрика, я очень благодарна за твой зоркий глаз и острый ум. Тайлер Инфингер — это была абсолютная привилегия работать с тобой над этой серией. Эрин Фитцсиммонс (и остальной дизайнерский отдел) — вы в очередной раз превзошли мои ожидания, и сделали такую обложку для «Замершего», что она нравится мне даже больше, чем у первой книги. (Я не думала, что это возможно.) Кристина Колангело, Кейси Макинтайр и все остальные посвященные, проницательные умы, которые неустанно трудились, чтобы преподнести этот сиквел к читателям: спасибо Вам!

Мой агент, Сара Кроу, чье пристальное руководство и деловая хватка, оказались бесценными активами бесчисленное количество раз: спасибо, за ответы на все мои нелепые вопросы, защиту иностранных прав, мозговой штурм и за все повороты сюжета маркетинговых возможностей и боевых действий (при необходимости) от моего имени. Каждому автору нужен такой победитель, и мне так повезло, что он на моей стороне.

Писательство — уединенная деятельность, в комплекте с неожиданными приступами паники, водопадами неуверенности в себе, и с зависанием смотрения в окно. (Что возможно, достаточно соперничает с потраченным временем на разглядывание мигающего курсора.) Я обнаружила фантастическую группу поддержки в Pub(lishing) Crawl и в Friday Thirteeners. Дамы, спасибо, что вытащили меня из петли и держали меня в своем уме. Особенно Сара Дж. Маас и Сьюзан Деннард. Вы двое — мои опоры. В брильянтовом выражении. Нет, хрустальном. Кэт Чжан, я все еще страдаю от писательской зависти из-за прозы, которую ты преподносила на наших семинарах во время тура. (Это хорошая зависть. Ты заставила меня поднять свою планку.) Алекс Брэкен и Джоди Мидоуз, я прошу от вас еще один завтрак и кофе, соответственно. Никто никогда не сможет соединиться с книгами слишком надолго или слишком часто. Мари Лу: ты прочитала «Заложника» около года назад и прислала мне письмо, наполненное таким большим количеством добрых слов, что я по-прежнему улыбаюсь. Тогда мы были просто интернет-знакомыми, и тогдашний дебют был чрезвычайно благодарен тебе за потраченное тобой время. (Я надеялась поместить это признание в «Заложника», но упустила свой шанс. Ты же знаешь, каковы издательские сроки.) Я горжусь, что теперь я могу назвать тебя другом.

Эйприл Тучолк и Дженни Мартин: большое спасибо за критику и бета-чтение. Ребята, вы прошли весь этот путь со мной (и с Греем!) с самого начала, и я бы больше чесала голову, если бы обходилась без ваших советов и поддержки.

К слову о поддержке... Роб, посвящение этого романа не может быть более правдивым. Писать эту книгу было нелегко, и ты вытаскивал меня обратно в реальность, когда мне требовался перерыв, и понимал, когда мне было нужно запереться в моем кабинете, печатая

при свете экрана. Я не уверена, сколько раз я говорила: «*просто еще пять минут*», и ты кивал, прекрасно понимая, что будет ближе к пятидесяти. Мне повезло иметь такого заботливого мужа.

Мама и папа: вы, ребята, остаетесь величайшими учителями, которых я знаю. Я должна вам гораздо больше, чем могут выразить словам.

В дополнении, я люблю своих друзей (как онлайнowych, так и IRL) и всю семью (тетей дядей, кузенов, бабушек, свекровь). Поддержка, которую вы оказываете мне и этой серии, является поистине замечательной. Мне нужно нанять всех и каждого из вас в качестве резерва моей маркетинговой команды. Ваша партизанская тактика — золото.

Все библиотекари, книготорговцы, и воспитатели, которые ставят романы для молодежи на полки и вкладывают их в руки подростков: вы супер герои в реальном мире.

И последнее, но не менее важное, миллионное «*спасибо*» вам. Да, вы держите в руках эту книгу и поглатываете все до последнего слова. Спасибо, что следовали за Греем все это путешествие. Спасибо за ваши письма и твиты, и за поддержку и время. Делиться своей историей с миром — это большая честь, и ничего бы из этого не было бы возможно без читателей. Без тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net